

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2021 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

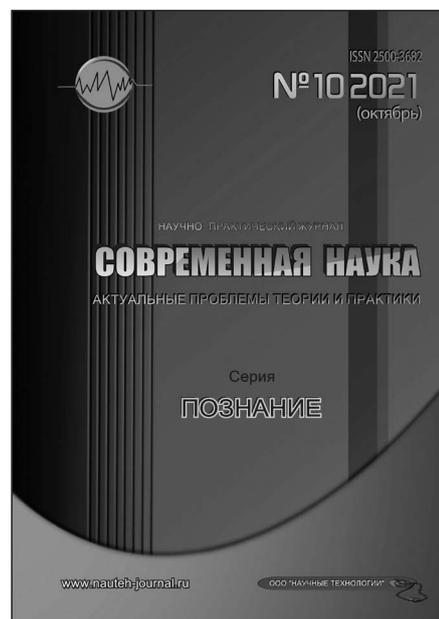
Подписано в печать 25.10.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №10 (октябрь) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Абдуллина Я.Б. – Иван Иванович Авдеев – исследователь, этнограф, научный сотрудник Тобольского музея

Abdullina Ya. – Ivan Ivanovich Avdeev-researcher, ethnographer, researcher at the Tobolsk Museum . . . 5

Горшенева М.К. – Культурологический анализ современных практик корпоративной культуры Китая

Gorsheneva M. – Cultural analysis of modern practices of corporate culture in China 11

Психология

Бересток Т.Б. – Просоциальное поведение как условие осознанного восприятия мира через информационно-психологическую безопасность субъектов 60+

Berestok T. – Prosocial behavior as a condition for conscious perception of the world through information and psychological security of subjects 60+. 16

Бузыкина Ю.С., Тарасов С.В. – Связь ценностно-смысловой сферы и представлений о семейной жизни у молодежи

Buzykina Yu., Tarasov S. – The connection of the value-semantic sphere and ideas about family life among young people. 19

Бухлина Л.Ю., Тигунова М.С. – Сравнительное исследование выраженности депрессии у старшеклассников и студентов вуза

Bukhlina L., Tigunova M. – Comparative study of the severity of depression in high school students and university students. 23

Викторова Е.В., Козина Г.Ю. – Импрессионг как объект междисциплинарного эмпирического исследования (программа и основные результаты)

Viktorova E., Kozina G. – Impressing as an object of interdisciplinary empirical research (program and main results). 28

Ким Э Сун – Адаптация опросника по самолидерству (FDSK)

Kim E Sun – Adaptation of the self-leadership questionnaire (FDSK). 33

Король О.Ф. – Значение ценностных ориентаций как фактора в формировании организационной культуры и межкультурного взаимодействия в организациях производственной сферы Республики Крым

Korol O. – The importance of value orientations as a factor in the formation of organizational culture and intercultural interaction in the organizations of the production sphere of the Republic of Crimea 48

Король О.Ф. – Характеристика социально-психологического пространства как условия реализации межкультурного взаимодействия в организации

Korol O. – Characteristic of social and psychological space as a condition for implementing intercultural interaction in the organization 53

Щербакова Н.Е., Хайрова Х.Ж. – Успешность овладения иностранным языком в условиях университетского образования

Shcherbakova N., Khayrova Kh. – Successful foreign language learning in the conditions of university education 60

Философия

Андриевская Ж.В. – Символизм великих побед в российском сознании

Andrievskaya Zh. – Symbolism of the Great Victories in Russian consciousness 63

Биндас Д.В. – Эволюция и мифологизация образа «Русского солдата» в медиа пространстве с XX и по XXI века

Bindas D. – The evolution and mythologization of the image of the "Russian soldier" in the media space from the XX to the XXI century 66

Кочарский Л.С. – Федеральные нормативно-правовые акты, повлиявшие на социальную структуру постсоветского общества Евразийского региона на примере РФ
Kocharsky L. – Federal laws influencing on social structure post-soviet society of the Eurasian region by the example of the Russian Federation. 72

Лаврентьева А.Ю. – Социальная значимость изучения религии в визуальной философии
Lavrentieva A. – Social importance of studying religion in visual philosophy. 76

Мочалов Е.В., Елдин М.А., Грыжанкова М.Ю. – Религиозно-нравственная традиция отечественной философии и судьбы русского мира
Mochalov E., Eldin M., Gryzhankova M. – Religious and moral tradition of Russian philosophy and the fate of the Russian world. 80

Сафронов А.В. – К вопросу об определении сознания. Сознание как каузальность без передачи информации

Safronov A. – On the question of the definition of consciousness. Consciousness as causation without information transfer. 85

Информация

Наши авторы. Our Authors. 95

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале. 96

ИВАН ИВАНОВИЧ АВДЕЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЭТНОГРАФ, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ТОБОЛЬСКОГО МУЗЕЯ

IVAN IVANOVICH AVDEEV-RESEARCHER,
ETHNOGRAPHER, RESEARCHER
AT THE TOBOLSK MUSEUM

Ya. Abdullina

Summary: The article deals with the research activities of the ethnographer Ivan Ivanovich Avdeev in the Tobolsk Museum. Researcher I.I. Avdeev drew attention to the need to complete the museum collection on the Siberian Tatars. As a result, an ethnographic collection was collected, reflecting the history and life of the Tatars who lived in the Tobolsk district. I.I. Avdeev studied the folklore of the Khanty and Mansi. During the period of the historical expeditions to the Khanty and Mansi, the researcher collected exhibits and documents representing the religious views of the northern peoples. In 1937 I.I. Avdeev published the book «Songs of the Mansi People». The article is based on previously unknown archival materials, and reveals the scientific heritage of I.I. Avdeev in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve.

Keywords: I.I. Avdeev, Tobolsk Museum, Tobolsk Tatars, Mansi folklore, bear songs, ethnographer.

Абдуллина Яна Борисовна

*Главный специалист, Тобольский
историко-архитектурный музей-заповедник
yana.abdullina.92@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрена научно-исследовательская деятельность этнографа Ивана Ивановича Авдеева в Тобольском музее. Исследователь И.И. Авдеев обращал внимание на необходимость пополнения музейной коллекции по сибирским татарам в Тобольском музее. Благодаря И.И. Авдееву в музее было скомплектовано этнографическое собрание, отражающее историю и быт татар, проживавших в Тобольском районе. И.И. Авдеев занимался изучением фольклора ханты и манси. После проведения историко-бытовых экспедиций к ханты и манси были изучены религиозные воззрения северных народов. Результаты экспедиций к манси были опубликованы в книге «Песни народов манси». Статья основана на ранее неизвестных архивных материалах, и раскрывает научное наследие И.И. Авдеева в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Ключевые слова: И.И. Авдеев, Тобольский музей, тобольские татары, фольклор манси, медвежьи песни, этнограф.

Введение

Тобольский музей с самого своего основания был посвящен народам Севера Тобольской губернии. Благодаря научно-исследовательской работе музейных сотрудников этнографическое собрание Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника насчитывает более 3000 тысяч единиц хранения. [4]. На современном этапе собраны значительные музейные коллекции по традиционной культуре народов Западной Сибири: самодийцев (тундровых и лесных ненцев, селькупов), обских угров (ханты и манси), коми, сибирских татар и бухарцев. Этнографическое собрание Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника формировалось на протяжении всего минувшего столетия. Огромный вклад в пополнение и изучение коллекций по традиционной культуре народов Северо-Западной Сибири внесли сотрудники музея. Одним из активных сотрудников Тобольского музея был Иван Иванович Авдеев (1912-1937), внесший вклад в изучение народов Севера и Сибири, а также способствовавший пополнению музейных коллекций в 1930-е гг. Биография сотрудника музея практически неизвестна. Данная статья посвящена научно-исследовательской работе И.И. Авдеева в Тобольском музее.

В основу статьи положены ранее неизвестные материалы. Это документы архивного фонда «Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» Государственного архива в г. Тобольске: протоколы рабочих совещаний сотрудников музея. [6]. В работе были использованы документы, хранящиеся в научном архиве Тобольского музея, составленные И.И. Авдеевым: «План и содержание работы научного сотрудника Тобольского музея - Авдеева во время экспедиции к татарам Тобольского района от 23 декабря 1935 г.» [15], «Смета на командировку к Тобольским татарам научного сотрудника музея Авдеева от 22 декабря 1936 г.» [16], «Акт от 4 июня 1937 года о передаче этнографических материалов в Тобольский музей» [5], а также переписка, планы и отчеты работы музея с 1935 по 1937 годы.

Иван Иванович Авдеев был принят научным сотрудником в Тобольский музей 25 марта 1935 года. И.И. Авдеев занимался изучением производительных и природных богатств Тобольского Севера, исследовал культуру и быт народов Севера и Сибири, способствовал пополнению музейного фонда, а также поддерживал связи с научно-исследовательскими центрами Областного Бюро краеведения и хозяйственными учреждениями края. [13]. В документе «Личный состав Тобольского государственного музея за 1935 г.» приводится информация о

том, что двадцатитрехлетний научный сотрудник И.И. Авдеев имел высшее образование, ни к одной политической партии не относился, проживал по адресу: город Тобольск, улица Большая Октябрьская, дом 10. [17]. Областью научных исследований в Тобольском музее И.И. Авдеева был фольклор северных народов Остяко-Вогульского округа, а также научный сотрудник занимался исследованием культуры и быта татар Тобольского района.

Историко-бытовая экспедиция к татарам Тобольского района

В 1934 году Тобольский музей посетил советский этнограф, научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии Академии Наук СССР - Сергей Васильевич Иванов. В журнале «Советская этнография» в 1935 г. была опубликована статья «По музеям Западной Сибири», где исследователь знакомил читателей с музеями Западной Сибири, а также с экспозицией и техникой работы музеев на местах. С.В. Иванов упомянул в работе, что по богатству и ценности этнографических коллекций Тобольский музей занимает одно из первых мест среди музеев Западной Сибири, гордость музея составляет богатое собрание старинной одежды ханты, хранящееся в фондах. С.В. Иванов выделял ценные коллекции предметов, относящихся к эпохе атамана Ермака Тимофеевича: кольчуги, шлемы, оружие и т.д. Однако этнограф С.В. Иванов признал факт, что в музее отсутствуют коллекции по тобольским татарам, живущим не только в окрестностях Тобольска, но и в самом городе. Исследователь выделил отдельные предметы, которые характеризовали одежду, украшения и посуду зажиточной верхушки татарского общества. По мнению С.В. Иванова, отсутствовали музейные предметы, представляющие хозяйство и занятия сибирских татар. Ввиду отсутствия коллекций по тобольским и тюменским татарам в других музеях Сибири, а также в центральных музеях Советского Союза, вставал вопрос о немедленном пополнении этнографических коллекций по сибирским татарам в Тобольском музее. [9, с. 115]. В 1935 году И.И. Авдеев на производственном совещании в музее обосновал необходимость историко-бытовой экспедиции в места проживания тобольских татар. [14]. В документе «План и содержание работы научного сотрудника Тобольского музея - Авдеева во время экспедиции к татарам Тобольского района от 23 декабря 1935 г.», исследователь писал, что этнография может оказаться перед печальным фактом полного отсутствия вещевых материалов, характеризующих хозяйство, быт и верования народа, игравшего столь значительную роль в истории Сибири. И.И. Авдеев отмечал важность изучения истории и культуры татар Западной Сибири в этнографическом, фольклорном и лингвистическом отношении. Историко-бытовая экспедиция к тобольским татарам была запланирована на один месяц с 5 января 1935 по 2 февраля 1935 год (Рис.1). Маршрут экспедиции

был проложен в районы обитания заболотных татар: Вармахлинские юрты, затем Лаймовские юрты Тобольского района. Исследователь выделил этот район, как место обитания так называемых заболотных татар, и назвал их «отатарившиеся остяки». Из-за географического соседства заболотных татар и ханты, И.И. Авдеев в своем историко-этнографическом очерке о сибирских татарах, выдвигал гипотезу об участии самодийского населения в этногенезе жителей Заболотья. [15].

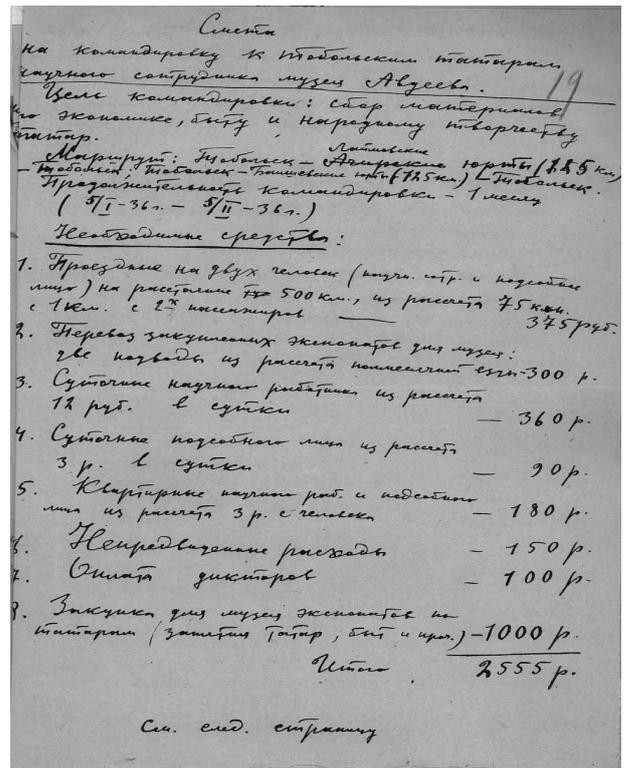

Рис. 1. Смета на командировку к тобольским татарам научного сотрудника музея Авдеева от 22 декабря 1936. HA-420/13.
 Fig. 1. The estimate for trip to Tobolsk Tatars of researcher Avdeev from December 22, 1936.

Этнографическое исследование проводилось по следующим вопросам: общие данные об обследуемом районе (природа, численность населения, основные цифровые показатели по экономике, культуре и сельсоветам), занятия населения (сельское хозяйство, животноводство, охота, рыбная ловля), ремесла, жилища и постройки, пища, одежда, способы и средства передвижения, семья, религия. Иван Иванович Авдеев занимался сравнением татарских и хантыйских орудий охоты и рыбной ловли, жилищ, утвари, религиозных верований и языков. Методы работы экспедиции были построены на наблюдении и описании, широко использовал научный сотрудник метод опроса населения и метод фиксации изучаемого через фотографии и чертежи. Для Тобольского музея приобретались предметы охоты: дробовик старого образца, деревянная пороховница, кожаный ко-

шелек для дробы и пороха, мерка для пороха и дробы, патронташ, лыжи, различного рода западни и силки. [15]. В ходе экспедиции были приобретены предметы, связанные с животноводством (арканы для ловли лошадей, орудия клеймения, конная сбруя), с одеждой (мужские бешметы, рубахи, шаровары, шапки, женские предметы одежды и проч.), с внутренним убранством татарского жилища и домашней утварью (фиксирувалось характерное месторасположение каждого предмета в доме), с религией (коврики для молящихся, четки, кувшины для омовения, шамаилы, священные книги), с музыкальным творчеством татар (музыкальный инструмент «кубыз», рис. 2). После завершения экспедиции И.И. Авдеевым были переданы в музей рисунки школьников Тобольского района. Помимо предметного ряда был собран татарский фольклор. И.И. Авдеев выделил три этапа развития фольклора тобольских татар: фольклор, уходящий в «дорусский» период татар, фольклор дореволюционного периода, фольклор о революции, В.И. Ленине, И.В. Сталине. [11].

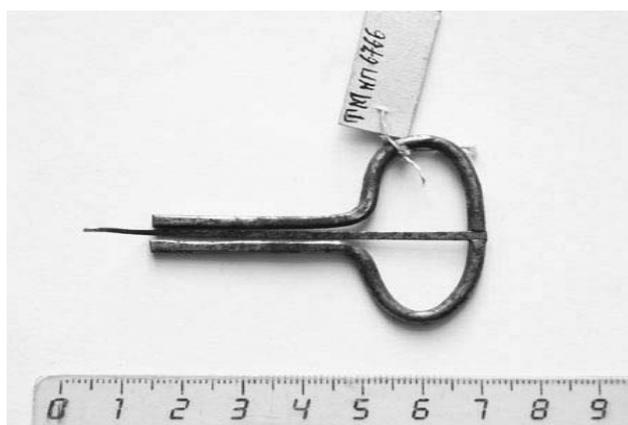

Рис. 2. Музыкальный инструмент - кубыз. Татары. Дата поступления в музей 23.01.1936 г. ТМ-6766.

Fig. 2. Musical instrument - kubyz. Tatars. Date of admission to the museum 01/23/1936

В 1936 г. И.И. Авдеев на средства Областного Бюро Краеведения совершил длительную научную командировку к тобольским татарам Тобольского района. В результате была собрана большая этнографическая коллекция - 230 предметов по традиционному быту тобольских татар. Также были собраны предметы, связанные с послереволюционным временем [11]. Результаты историко-бытовой экспедиции были опубликованы в историко-этнографическом очерке «Тобольские и тюменские татары» [3]. Благодаря организации и проведению историко-бытовой экспедиции был сформирован предметный ряд, представлявший быт татар Тобольского района, результаты исследовательской работы нашли отражение в историко-этнографическом очерке. Период с 1935 по 1937 год стал временем комплектования коллекций по истории и культуре сибирских татар.

В 1936 году от Тобольского музея Омскому Областному Бюро Краеведения было направлено официальное письмо на финансирование археологических работ в районе реки Лайма с 15 июня по 1 августа 1936 года. С целью изучения северного Обь-Иртышья в археологическом отношении была необходима научно-исследовательская работа по изучению истории северных народностей. В составе экспедиции были отмечены этнограф И.И. Авдеев, археолог И.Д. Смирнов и геолог А.Г. Фокин. Тобольский музей и Окружное Бюро Краеведения выделяли в качестве исследования археологические памятники по району реки Лайма. Эта территория была выявлена в ходе экспедиции И.И. Авдеева к татарам в 1936 году. В документе было отмечено, что территория реки Лайма была совершенно не обследована и изучена в археологическом отношении, в районе реки располагались многочисленные археологические памятники, относящиеся к первоначальным насельникам края и всем последующим (сабиры, ненцы, манси, татары), на основе изучения местности можно было проследить историю заселения края на протяжении 2000-3000 лет [18]. Район реки Лайма был отмечен И.И. Авдеевым, как территория компактного проживания заболотных татар. В своем историко-этнографическом очерке Авдеев писал: «Богатые и обширные охотничьи и рыболовные угодья северной части Тобольского округа (бассейны рек Носка, Лайма, Иземеть, Вачир) обусловили развитие у живущих там, так называемых заболотных татар, охотничьего и рыболовного промысла» [3, с. 14]. Однако из-за отсутствия финансовой поддержки археологическая экспедиция не была реализована.

Изучение И.И. Авдеевым фольклора народов Севера

В 1936 году И.И. Авдеевым была организована экспедиция в Остяко-Вогульский округ [11]. Был исследован обширный материал по социально-экономической жизни ханты и манси, который включал разделы: 1) социальное переустройство хозяйства ханты и манси; 2) работа Казымской культбазы; 3) об истории ханты и манси. За период научной экспедиции к ханты и манси было собрано 70 экспонатов и документов, характеризующих подъем хантыйской и мансийской культуры в период советской власти, 29 экспонатов, отражающих религиозные воззрения ханты и манси, а также было собрано около 400 рукописных листов фольклора северных народов. Собранные вещественные, документальные материалы должны были быть положены в основу организуемого в 1937 году Тобольским музеем нового отдела «Северная Арктика» [12]. В протоколе производственного совещания сотрудников Тобольского музея от 27 ноября 1936 года было отмечено о необходимости научному сотруднику И.И. Авдееву написать о результатах этнографической экспедиции на Север в журнале «Советский музей» [6].

В научном архиве Тобольского музея-заповедника хранится документ «Фольклор ханты и манси», составленный И.И. Авдеевым. [19]. В этом документе исследователь рассматривал основные виды фольклора: мифологическая и космогоническая поэзия, героический эпос, песни и драматические представления медвежьего праздника, сказки, рассказы, предания, лирическая поэзия, охотничьи и рыболовные заговоры, загадки. И.И. Авдеев отмечал, что ханты и манси, одни из наиболее одаренных поэтически народностей Севера, которые создавали и хранили богатейший фольклор. Фольклор ханты и манси необходимо собирать изучать, по мнению этнографа, северные народы длительный период не имели своей письменности, фольклор выступал как основной источник для познания истории народа, мировоззрения, психологии. В работе были напечатаны хантыйские и мансийские национальные фольклорные тексты с переводом на русский язык. Большинство текстов были записаны летом 1936 года в период экспедиции к ханты и манси в Остяко-Вогульский национальный округ, организованной Тобольским музеем и Омским областным издательством. Документ делится на следующие разделы: хантыйские и мансийские былины; хантыйский и мансийский фольклор медвежьего праздника, хантыйские и мансийские сказки и рассказы; советский фольклор. Фольклор манси и ханты был родственен, почти идентичен, как по стилю, так по и содержанию. Хантыйские тексты были записаны на шеркальском и казымском диалектах. Мансийские песни были записаны у обских манси, а также у сосьвинских и ляпинских манси. В основу транскрипции были положены хантыйский и мансийский алфавиты, разработанные Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера им. П. Смиловича [19].

После завершения двух научных экспедиций И.И. Авдеев разработал план научно-исследовательской работы музея, куда включил следующие темы: «Социальные структуры общества ханты и манси до прихода русских», «Пережитки родового строя у народностей Тобольского Севера», «Быт тобольских татар до революции и после революции», «Казымская и Сосьвинская культбазы на Омском Севере». Результаты своих исследований научный сотрудник осветил по радиовещанию. По радио была прочитана лекция «Поездка на Север для сбора материалов по истории и быту ханты и манси» [11].

В 1936 г. И.И. Авдеев опубликовал на русском языке медвежьи песни сосьвинских и ляпинских манси. [1]. В книге были собраны песни и драматические представления, отображающие мир животных и взаимоотношения с человеком. Переводы мансийского фольклора Авдеевым были сделаны с соблюдением всех стилистических особенностей мансийского фольклорного языка. И.И. Авдеев в предисловии своей книги сообщил, что он совершил две фольклорные экспедиции к манси: в 1933

году на реку Северная Сосьва и в 1934 году на реку Ляпин, где еще бытовали медвежьи праздники. Ученый упомянул в книге, что мансийский язык изучил в Ленинграде у профессора А.И. Емельянова, одного из основателей мансийской письменности, и у студента Института народов Севера Михаила Гындыбина, манси из Нурьинских юрт (р. Сосьва) Березовского района [1, с. 3].

Опубликованная книга И.И. Авдеевым «Песни народа манси» не вызвала в печати и в научных кругах больших обсуждений. В 1937 году в первом номере журнала «Советская Арктика» была напечатана статья фольклориста И.С. Гудкова «О книгах фольклора народов Севера», где автор отметил работу Ивана Ивановича Авдеева: «Омским областным издательством ОГИЗа выпущена интересная книга молодого этнографа, научного работника Тобольского музея И.И. Авдеева – «Песни народа манси». Авдеевым собраны мансийские старые и новые песни и драматические представления. В этих песнях ярко отражена жизнь манси до революции, находившихся под каблуком русского и зырянского эксплуататора-купца. Отражены и ростки борьбы против угнетателей (см. песни «о назойливом купце» и «купце и бедняке», стр. 114-120). Социалистическое строительство на Крайнем Севере нашло отражение в песне «о новой жизни» (стр. 121 – 122). В ней говорится об Октябрьской революции, которая принесла «манси радость, князьям гибель». Далее в ней поется про зажиточную жизнь, являющуюся стимулом к росту грамотности и культуры. Все тексты печатаются впервые, если не считать их публикации в тобольской газете «Советский Север». Они собраны автором и переведены с вогульского языка подстрочником. К недостаткам перевода можно отнести тяжеловесность. Очень музыкальный ритм вогульского фольклора в подстрочном переводе на русский язык потерял свою поэтичность, и читатель может составить неправильное мнение о народной поэзии вогулов, тогда как они являются одним из наиболее поэтически одаренных народов Крайнего Севера. Тексты, собранные И.И. Авдеевым, необходимо было дать опытному переводчику или печатать его подстрочники с национальным текстом. Вводная статья Авдеева не дает анализа мансийского народного творчества» [7, с. 101].

Иван Иванович Авдеев многие явления из жизни народов Крайнего Севера, в частности шаманизм и медвежьи праздники, пытался исследовать как фольклорист, и прежде всего, как этнограф, и старался исключать классовых оценок. И.И. Авдеев отмечал, что в фольклоре происходят существенные изменения, уходят в прошлое обрядовая поэзия, шаманские песнопения, заговоры. «Мансийский фольклор ждет еще своего исследователя и собирателя. Работа над ним в высшей степени плодотворна: она дает богатый материал этнографу, ставит интересные проблемы перед историком, отводит к древнейшим языковым пластам лингвиста. Она имеет

не только чисто научный интерес, но и интерес практический; нужно поднимать экономический и культурный уровень народности... Необходимо поставить во всю широту вопрос об использовании художественных достижений устного творчества народностей Севера, в процессе создания художественной литературы этих народностей» [2, с. 170].

Заключение

Изменения политической обстановки в обществе в 1930-е гг. отразилось на работе коллектива Тобольского музея. Творческие порывы оценивались чаще всего как отход от циркуляров, нарушение классовой политики. Этнография как самостоятельная наука должна была быть преобразована до роли вспомогательной исторической дисциплины. Это изменение сочеталось с жестокими репрессиями на ученых, которые посвящали свои жизни служению этой науке. В 1936 году в музее была организована выставка, посвящённая прошлому края. Однако эта выставка была подвергнута критике. На страницах газеты «Тобольская правда» была опубликована статья, которая была направлена на осуждение научной деятельности музейных сотрудников. Аресты сотрудников Тобольского музея, органы НКВД начали производить в феврале 1937 года «делу о контрреволюционной организации социал-революционеров в Тобольском музее». [8, с. 70].

После публикации статьи в газете «Тобольская правда», научная деятельность И.И. Авдеева в музее была минимизирована. В 1937 году И.И. Авдеев занимался передачей этнографических экспонатов (предметы одежды народов Севера из меха) Тобольского музея, хранившихся в Тюменском музее в Омский областной музей. 29 марта 1937 г. в Тобольском музее был составлен акт о передаче экспонатов отдела природы: «мы нижеподписавшиеся бывший заведующий отделом природы Авдеев И.И. и вновь назначенный на заведывание отделом природы Тарунин М.П., составили настоящий акт в том, что Авдеев сдал, а Тарунин принял следующие экспонаты по витринным описям» [5].

6 августа 1937 года Иван Иванович Авдеев, заведующий дореволюционным отделом Тобольского музея, был арестован. 11 сентября 1937 г. тройка Омского УНКВД вынесла приговор. 15 сентября 1937 года И.И. Авдеев был расстрелян. Реабилитирован 1 сентября 1956 г. [8, с. 70].

Имя Ивана Ивановича Авдеева долгое время было забыто в отечественной этнографии. Исследование биографии И.И. Авдеева даёт возможность воссоздать развитие науки этнографии в СССР. Актуальным остаётся вопрос дальнейшего исследования биографии И.И. Авдеева: выявления места учебы, изучение всех материалов этнографических экспедиций, организованных исследователем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев И.И. Песни народа манси. Омск: Омоблгиз, 1936. 127 с.
2. Авдеев И.И. Драматические представления на медвежьем празднике у манси // Советский Север. 1935. № 3-4. С. 169–174.
3. Авдеев И.И., И.П. Струкова. Тобольские и Тюменские татары. Историко-этнографический очерк. Тобольск, 1937 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-204.
4. Белич И.В., Перевалова Е.В., Тычинских З.А. Этнографическое собрание Тобольского музея. Тобольск, 1998 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1988.
5. Акт от 4 июня 1937 года о передаче этнографических материалов в Тобольский музей // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-374.
6. Государственный архив в г. Тобольске. Ф.Р-1549. Оп. 1. Д. 1. Лл. 13-14.
7. Гудков И.С. О книгах фольклора народов Севера // Советская Арктика. 1937. №1. С. 99–103.
8. Загороднюк Н.И. Репрессированное слово: Очерки истории репрессивной политики Советского государства в отношении интеллигенции в Тюменском крае. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2013. 147 с.
9. Иванов С.В. По музеям Западной Сибири // Советская этнография. 1935. № 1. С. 114–116.
10. Отчёт о работе музея. Тобольск, 1935 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1389/1-20.
11. Переписка, планы и отчёты работы музея. Тобольск, 1936 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1400/1-20.
12. Переписка, планы и отчёты работы музея. Тобольск, 1937 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1401/1-20.
13. Правила внутреннего распорядка по Тобольскому государственному музею на 1935 г. Тобольск, 1935 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-420/7.
14. Протокол №4 производственного совещания Тобольского государственного музея от 25 октября 1935 г. Тобольск, 1935 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-420/11.
15. План и содержание работы научного сотрудника Тобольского музея - Авдеева во время экспедиции к татарам Тобольского района от 23 декабря 1935 г. Тобольск, 1935 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-420/12.
16. Смета на командировку к Тобольским татарам научного сотрудника музея Авдеева от 22 декабря 1936 г. Тобольск, 1936 // Научный архив Тобольского

- историко-архитектурного музея-заповедника. НА-420/13.
17. Личный состав Тобольского музея. Тобольск, 1935 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1387/1-20.
18. Научная переписка. Тобольск, 1936 // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-1408.
19. Фольклор ханты и манси // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. НА-169.

© Абдуллина Яна Борисовна (yana.abdullina.92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

CULTURAL ANALYSIS OF MODERN PRACTICES OF CORPORATE CULTURE IN CHINA

M. Gorsheneva

Summary: The relevance of the study of the corporate culture of China is due to the interest shown in the People's Republic of China by the global community, especially countries bordering on the PRC. The influence of China on the development of world socio-cultural processes is important not only for analyzing the culture within a given country, but also for building bilateral contacts with China at the level of transnational organizations. The work is devoted to the analysis of existing concepts, general theories, concepts of Chinese corporate culture and the analysis of modern practices of corporate culture in China in order to identify the evolution of ideas about «corporate culture». The study used comparative, systemic and hermeneutic methods, the action of which is aimed at identifying these aspects in concepts devoted to the problems of corporate culture. The result of the study is evidence that, being originally one of the aspects of general management theory, the ideas of Confucianism, Buddhism, Taoism and traditional Chinese culture are now actively promoted by the state and become basic values in the corporate culture of Chinese organizations.

Keywords: corporate culture, cultural analysis, traditional culture, basic values, China, Confucianism, Buddhism, Taoism, modern practices, forms of ownership.

Горшенева Маргарита Константиновна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Майкоп
Rita03.94@mail.ru*

Аннотация: Актуальность исследования корпоративной культуры Китая обусловлена тем интересом, который проявляется к Китайской Народной республике глобальным сообществом, особенно странами, граничащими с КНР. Влияние Китая на развитие мировых социокультурных процессов важно не только для анализа культуры внутри данной страны, но и для выстраивания двухсторонних контактов с Китаем на уровне транснациональных организаций. Работа посвящена анализу существующих понятий, общих теорий, концепций китайской корпоративной культуры и анализу современных практик корпоративной культуры Китая с целью установления эволюции представлений о «корпоративной культуре». В исследовании использованы сравнительный, системный и герменевтический методы, действие которых направлено на выявление указанных аспектов в концепциях, посвященных проблематике корпоративной культуры. Результатом исследования является доказательство того, что, будучи первоначально одним из аспектов общей теории управления, идеи конфуцианства, буддизма, даосизма и традиционной китайской культуры в настоящее время активно продвигаются государством и становятся базовыми ценностями в корпоративной культуре организаций Китая.

Ключевые слова: корпоративная культура, культурологический анализ, традиционная культура, базовые ценности, Китай, конфуцианство, современные практики, формы собственности.

В настоящее время в менеджменте организаций усилилось влияние социокультурных аспектов в оценке эффективности деятельности компаний. Изменение парадигмы управления обусловило поворот от монетаристских ценностей, которые признаны ограниченными, к духовным, смысловым компонентам, реализуемым посредством корпоративной культуры.

Рассматривая корпоративную культуру, исследователи многих стран подчеркивают большую ее значимость для анализа конкурентоспособности организации, где корпоративная культура служит одним из главных инструментов механизма функционирования и развития любого предприятия. Ценности, составляющие ядро корпоративной культуры, имеют свои особенности. Они связаны не только с мировоззрением, философией организации, но имеют глубинную личностную мотивирующую основу для сотрудников.

Этническое национальное сознание распространя-

ется на такие элементы корпоративной культуры, как базовые ценности и личностную идентичность. Рассматривая этнический компонент, исследователи уточняют, что он является определяющим фактором менеджмента организаций, в том числе и для Китая.

Актуальность исследования корпоративной культуры Китая подтверждается тем интересом, который проявляется к Китайской Народной республике (далее - КНР) глобальным сообществом, особенно странами, граничащими с КНР, в частности Россией. Влияние Китая на развитие мировых социокультурных процессов важно не только для анализа культуры внутри данной страны, но и для выстраивания двухсторонних контактов с Китаем на уровне транснациональных организаций.

Корпоративная культура современных китайских предприятий является частью развитой национальной культуры с особенностями, присущими социалистическому Китаю. Поэтому, КНР вынуждена разрешать ряд

основополагающих вопросов и проблем в поле корпоративной культуры: сохранение собственной культуры в условиях глобализации, наполнение национальной культуры современным содержанием и уменьшение культурного разрыва между транснациональными и китайскими компаниями.

Практика построения корпоративной культуры Китая значительно отстает от собственно китайских фундаментальных исследований в этой области. Как правило, зарубежные теоретические разработки в сфере корпоративной культуры вводятся напрямую, без какой-либо адаптации к практике китайских предприятий, что приводит к непониманию ее идеологических, ценностных основ и отторжению задаваемых параметров инновационной культуры персоналом корпораций. В исследованиях, проводимых китайскими учеными, обсуждаются отношения между корпоративной и национальной культурой, проблемы инноваций на предприятиях, но практически отсутствуют работы, анализирующие эмпирические данные по качественным изменениям корпоративной культуры.

Китайская корпоративная культура является основой и сущностью развития китайских предприятий. Их базовые ценности были заложены еще в трудах Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Сунь-цзы.

Необходимым условием существования трудовых коллективов является гармония, обеспечение духовного равновесия. Реализация гармонии как высшей жизненной, мировоззренческой ценности, через управление и труд представляет собой воплощение жизненных установок китайцев. В соответствии с принципом гармонии в китайском менеджменте открытая конфронтация оценивается отрицательно.

Китайским менеджментом определено, что наиболее эффективный стиль управления приводит к созданию оптимального морального климата в коллективе, при котором возможности коллектива соответствуют поставленным задачам, а руководитель стимулирует и использует инициативу подчиненных. Китайские руководители считают, что базой построения корпоративной культуры является персонал и подчеркивают значимость сохранения лучших традиций.

Корпоративные ритуалы китайских предприятий, как элемент корпоративной культуры, основаны на таких философских императивах как нравственность, справедливость, честность, обязательность и надежность.

Целью работы является определение основных характеристик китайской корпоративной культуры на основе анализа ее концепций и современных практик

предприятий в контексте традиционной культуры Китая. В соответствии с данной целью решаются следующие задачи:

- проведение анализа основных понятий, общих теорий и концепций китайской корпоративной культуры;
- изучение современных китайских практик корпоративной культуры на основе классификации китайской корпоративной культуры в компаниях с различными формами собственности.

Различия в ценностях порождают противоречия в системе корпоративных культур разных стран, которые отражают менталитет народов. Проведенные исследования в области китайской корпоративной культуры говорят о том, что существует феномен китайской корпоративной культуры, но практически не изучена ее специфика, отличающая от корпоративной культуры других стран.

Для проведения анализа концепций корпоративной культуры использованы сравнительный, системный и герменевтический метод. Сравнительный анализ направлен на выявление сходства и различия содержания концепций корпоративной культуры в процессе их формирования. Системный анализ направлен на выявление значимых аспектов корпоративной культуры в рассмотренных концепциях. Герменевтический анализ применен к смысловому содержанию концепций корпоративной культуры, включающие идеи конфуцианства, буддизма и даосизма. Новизна представленного исследования обеспечивается разработкой идеи эволюции представлений о китайской корпоративной культуре от абстрактных неадаптированных западных концепций XXв. к разнообразным аспектам современных китайских практик XXIв., связанных с традиционной культурой Китая, которые формируют отличия от корпоративной культуры других стран.

В китайских исследованиях о культуре понятия культуры, корпоративной культуры и организационной культуры являются фундаментальными. В них выделены несколько групп. Хан Делин, Чэнь Хэцин, Цай Цзюньшен считают [1,с.2], что «культура» – это просветление для совершенствования и мудрости души. Лян Шумин, подытожив эти и другие точки зрения, отмечает в понятии «культура» различные национальные аспекты жизни, включая духовные составляющие, такие как религия, философия, наука и искусство [2].

Важное значение в китайских концепциях корпоративной культуры имеет духовная составляющая. Китайский автор Сюй Мэн уточняет, что данный уровень иначе называют духом корпоративной культуры[3,с.58]. Исследователи из Китая [4,5,6,] считают, что дух корпоративной

культуры является ее центром, а ценностным стандартом выступают традиционные китайские ценности – доброжелательность, справедливость, вежливость, и т.п. Таким образом, корпоративная культура КНР является уникальным культурным явлением, сформированным на основе ценностей, убеждений, способов деятельности, ритуалов и церемоний, проводимых в организации.

Что касается исследований, посвященных организационной культуре, то понятие организации в Китае многозначно. С одной стороны, в теории управления организация является официальным учреждением, с другой предполагается, что это деятельность менеджеров по разработке специальных программ. Се Сяньин и Ву Шэньи представляют корпоративную культуру частью организационной культуры корпорации и одновременно субкультурой национальной культуры [7, с.8], а Ван Чэнгун подчеркивает, что в рамках традиционной экономики к предприятию всегда относятся как к «коммерческой экономической организации» [8, с.115].

Одним из вопросов китайских концепций корпоративной культуры является вопрос обозначения уровней корпоративной культуры. Так, Се Сяньин и Ву Шэньи выделяют три уровня корпоративной культуры: духовная, институциональная культура и артефакты культуры (материализованная часть) [7, с.8].

Чжан Де выделяет уровень концепции, уровень поведения системы, слой символов. Ян Дун предлагает четыре уровня (слоя) корпоративной культуры: концептуальный, уровень системы, уровень поведения, и материальный слой. Чэнь Сяомин, Лу Чанхай, Чэнь Сяомин и другие авторы считают, что XXI век – это век, в котором менеджмент из науки об управлении превратился в науку управления культурой [9].

Ценностные различия могут порождать противоречия в системе корпоративных культур, существующих в разных странах и отражающих менталитет народов. В работе Вэй Фэна и Н.Н. Покровской показано различие корпоративных культур в России и Китае. По мнению китайских руководителей основные функции корпоративной культуры состоят в укреплении сплоченности, повышении хозяйственных достижений, улучшении образа предприятия. Российские руководители отмечают, что к приоритетным функциям относятся рост производительности труда и вывод предприятия из кризисных ситуаций. На китайских предприятиях среди элементов корпоративной культуры наиболее значимы личная концепция руководителей, традиции предприятия и обстановка, правила и порядки. В российских компаниях первостепенную роль играют пример руководителя и нормы и правила. Определяя эффективные пути создания организационной культуры, большинство китайских

руководителей указали, что субъектом построения корпоративной культуры выступает персонал, а российские руководители сохранили эту роль за собой, в обеих странах отметили необходимость наследования лучших традиций [10].

После образования Нового Китая, в конце 70-х гг. XX в., правительство КНР в условиях политики реформ и открытости, стало активно продвигать принцип «человек – превыше всего», создавая условия, благоприятно влияющие на всестороннее развитие человека. Одновременно развитие в сфере образования повлекло за собой рост уровня образования трудоспособного населения. В китайских официальных документах последних лет (2020-2021 гг.) приняты тезисы по развитию культуры честности, совершенствованию системы современной культурной индустрии, наследованию и развитию традиционной китайской культуры, инновационного подхода в реализации программы развития культуры на благо китайского народа. В ходе инспекционной поездки по провинции Цинхай китайский лидер Си Цзиньпин сравнил тесную сплоченность китайской нации с зернышками граната и продолжил: «Мы все являемся членами общности китайской нации» [11].

В перспективных целях на 2035 год КНР планирует поднять на новую высоту личностные качества населения и уровень цивилизованности общества, формировать и распространить экологически дружественную модель работы и жизни. В целях 14-го пятилетнего плана обозначено, что Китай будет повышать уровень социального этикета и вежливости и основные ценности социализма глубоко войдут в сознание людей. Указанные установки определяют современные векторы развития корпоративной культуры китайских организаций [12].

Автором установлено, что в китайском гуманитарном знании не существует однозначной классификации китайской корпоративной культуры. Наиболее приемлемой для исследования является классификация, предлагаемая Ван Ифэем [13]. Рассматривая практики корпоративной культуры современного Китая, необходимо отметить, что в КНР сформирована система предприятий с разным правом собственности: государственные предприятия, предприятия коллективного пользования, совместные предприятия, частные предприятия, предприятия смешанной собственности. В связи с этим одной из задач данной работы становится уточнение классификации китайской корпоративной культуры в соответствии с различными формами собственности. Именно они определяют специфику данной корпоративной культуры.

В соответствии с указанным основанием выделим типы китайской корпоративной культуры: государствен-

ная корпоративная культура, корпоративная культура коллективной собственности, культура совместных предприятий, культура частных предприятий, корпоративная культура смешанного владения.

Государственная корпоративная культура (корпоративная культура государственных предприятий) формирует систему ценностей и модели поведения, установленные долгосрочными стратегиями государственных предприятий в управленческой деятельности. Уникальность культуры государственных предприятий состоит в том, то культура выстроена на их собственных характеристиках, но не выходит за рамки, диктуемые национальным государством. Если внутренняя и внешняя экономико-социальная среда государственных предприятий меняются, корпоративная культура предприятия должна корректироваться для адаптации к новым организационным целям. Технологические и информационные вызовы должны формировать инновационную корпоративную культуру в соответствии с новыми ценностями и перспективами. Еще одной особенностью корпоративной культуры государственных предприятий является возрождение принципов конфуцианской культуры, которые стали ее основой. Примером такого типа культуры можно назвать корпоративную культуру таких предприятий как Китайская национальная нефтяная корпорация, Анстил Групп, Управление гражданской авиации Китая, Unicom Group и другие.

К предприятиям коллективной собственности (коллективного пользования) относятся организации, в которых собственность принадлежит трудовому коллективу, а доходы распределяются в соответствии с выполненной работой. Основной характеристикой корпоративной культуры таких предприятий является непрерывная инновация. Примером такого рода организаций являются Haier, Пекинская Компания Спортивных Товаров «Ли Нин» Лтд., Цзянсу Босиденг Ко., Лтд. и другие. Сотрудники указанных предприятий должны сохранять и развивать широко признанные ценности для устойчивого развития.

Совместные предприятия являются важной частью предприятий современного Китая. Многие китайские бренды являются результатом деятельности совместных предприятий. Основная особенность китайских и зарубежных совместных предприятий состоит в том, что они имеют большие различия в философии бизнеса, в культуре поведенческих норм, в культуре совместной работы. Примером таких организаций является первая совместная компания «FAW Volkswagen».

Ближе всего к традиционным формам ведения бизнеса в Китае находятся китайские частные предприятия, где большое влияние на их деятельность оказывают тра-

диционная культура и духовные ценности. Появившись во время экономической реформы Китая, они являются непубличными предприятиями. Особенности корпоративной культуры частных предприятий состоят в том, что их основными ценностями являются ценности «семейной культуры» и, так называемая, «культура босса - начальника», который диктует свои правила. Одновременно, корпоративная культура частного предприятия является региональной культурой, отражающей географию расположения организации. Примером таких компаний являются Alibaba Group, Lenovo Group, Huawei.

В настоящее время для закрепления доминирующего положения государственной собственности в новых условиях и повышения влияния государственной экономики в Китае происходит активное развитие предприятий смешанной собственности, которая включает смешанное владение государственным, коллективным и непубличным капиталом. К предприятиям со смешанной собственностью, относятся Юньнань Байяо, Китайские восточные авиалинии, COFCO и другие.

Данные компании имеют следующие концепции и характеристики корпоративной культуры:

- основа предприятий – национальная культура;
- для устойчивого развития необходимо привлекать культуру иностранных компаний;
- важная часть корпоративной культуры – культура акционера;
- корпоративная культура, создавалась предприятиями смешанной собственности в разные исторические периоды, она является уникальной для каждой корпорации.

Примерами данных предприятий являются первая китайская страховая компания China Ping An Insurance (Group) Co., Ltd., которая была преобразована в финансовую страховую компанию и банк.

Трансформационные процессы, происходящие в современном мире сближают экономику, политику и культуру. В этих условиях огромной движущей силой, важным источником конкурентоспособности и развития предприятий становится корпоративная культура.

Анализ понятий, теорий и концепций китайской корпоративной культуры позволил рассмотреть ее в системе общих представлений о культуре в Китае. Корпоративная культура КНР относится к уникальному культурному явлению, сформированному на основе ценностей, убеждений, способов деятельности, ритуалов и церемоний, проводимых в организации.

Сегодня особую актуальность приобретает выявление особенностей китайской корпоративной культуры,

ее ценностных и духовных ориентиров. Разные экономические формы собственности Китая определяют специфику корпоративной культуры на китайских предприятиях. Анализ практик современной китайской корпоративной культуры предоставляет исследователям возможность определения особенностей ее развития на основе классификации корпоративных культур организаций различных форм собственности. В этих корпоративных культурах конфуцианство, буддизм, даосизм

и традиционная китайская культура, которые активно продвигаются государством, становятся базовыми корпоративными ценностями. Такие качества, как мудрость, уважение, честность, вежливость заложили основы специфического китайского предпринимательства. Указанные установки определяют современные векторы развития корпоративной культуры китайских организаций и служат неисчерпаемым ресурсом для развития корпораций.

ЛИТЕРАТУРА

1. 蔡俊生, 陈荷清, 韩德林. 文化论. 北京: 人民出版社, 2003 年. 第 2 页 = Цай Юньшэн, Чэнь Хэцин, Хан Делин. Теория культуры. Пекин: Народное издательство, 2003. 408с.
2. 梁漱溟. 梁漱溟学术精华录. 北京: 北京师范学院出版社, 1988 年. = Лян Шумин. Академический доклад Лян Цюйцзе. Пекин: Пекинская педагогическая школа, 1988.
3. 许萌. 企业文化落地与突破. 北京: 中国财富出版社 2014.06. 第 58 页. = Сюй Мэн. Внедрение корпоративной культуры и прорыв в экономике. Пекин: Издательство китайского процветания, июнь 2014. 240с.
4. 孙煜. 儒商精神与企业文化 // 商业时代. 2006 年 7 月. 第 86. = Сунь Вэй. Конфуцианство и корпоративная культура // Деловое время. 2006, июль. С. 86-87.)
5. 范源媛. 儒商精神在现代企业文化中的价值 // 山东纺织经济. 2009 年 2 月. 第 57 页. = Фан Юаньюань. Ценность духа конфуцианских торговцев в современной корпоративной культуре // Экономика Шаньдунской текстильной промышленности. 2009, февраль. С. 57-59.
6. 程鹏, 程承坪. 儒商文化与现代企业精神 // 决策探索 (下半月). 2015 年 1 期. 第 53 页. = Ченг Пэн, Чэн Чэнпинг. Бизнес-конфуциански и современный корпоративный дух // Принятие решений (вторая половина месяца). 2015. Выпуск 1. С. 53.
7. 吴声怡, 谢向英. 企业文化新教程. 上海: 上海大学出版社 2012.03. 第 8 页. = Ву Шэньи, Се Сянйин. Новое руководство по корпоративной культуре. Шанхай: Издательство Шанхайского университета, март 2012. 337с.
8. 石伟. 组织文化. 上海: 复旦上海财经大学出版社 2010.09. 第二版. 第 115 页. = Ши Вэй. Организационная культура. Шанхай: Издательство Шанхайского университета финансов и экономики Фудань, сентябрь 2010. 2-е издание. 352с.
9. 罗长海, 陈小明等. 企业文化建设个案评析. 北京: 清华大学出版社 2006 年版. 第 314-380 页. = Ло Чанхай, Чэнь Сяомин и др. Анализ формирования корпоративной культуры. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2006. 434с.
10. Вэй Фэн, Н. Н. Покровская Организационная культура в России и Китае // Социологические исследования. 2007. № 4 (276). - С. 136-140.
11. Си Цзиньпин: китайская нация - это одна семья. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2021-/10/content_77558809.htm (дата обращения 02.08.2021).
12. На ключевом пленуме ЦК КПК намечен курс развития Китая на будущие 15 лет. URL: <http://russian.china.org.cn> (дата обращения 02.08.2021).
13. Ван Ифэй. Специфика китайской корпоративной культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ван Ифэй. Владивосток, 2020. 238 с.

© Горшенева Маргарита Константиновна (Rita03.94@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ОСОЗНАННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА ЧЕРЕЗ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ 60+

Бересток Татьяна Борисовна

Аспирант, Московский гуманитарный университет (МосГУ)
bertat1@yandex.ru

PROSOCIAL BEHAVIOR AS A CONDITION FOR CONSCIOUS PERCEPTION OF THE WORLD THROUGH INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY OF SUBJECTS 60+

T. Berestok

Summary: The article is devoted to the problems of prosocial behavior as a condition of information and psychological security of subjects 60+. It is shown that elderly people are vulnerable to information threats and manipulations due to changes in their socio-professional status, psychophysiological and age-psychological characteristics. The limitations of the perception of the world in old age, which reduce their information and psychological security, are described. The essence of the information and psychological security of the elderly person's personality is revealed. The essence of prosocial behavior and its normative regulation are described. The task of creating socio-psychological conditions for the development of socio-psychological skills of an active type of normative regulation of prosocial behavior in the elderly is considered. It is shown that the achievement of information and psychological security of elderly people requires the creation of conditions for awareness of information threats, the provision of socio-psychological assistance in the development of information and communication technologies, in raising awareness of potential threats to the modern information environment.

Keywords: elderly people, information and psychological security, prosocial behavior, normative regulation of prosocial behavior.

Аннотация: Статья посвящена проблемам просоциального поведения как условия информационно-психологической безопасности субъектов 60+. Показано, что пожилые люди в силу изменения социально-профессионального статуса, психофизиологических и возрастно-психологических особенностей уязвимы к информационным угрозам и манипуляциям. Описаны особенности восприятия мира в пожилом возрасте, которые снижают их информационно-психологическую безопасность. Раскрыта сущность информационно-психологической безопасности личности пожилого человека. Описаны сущность просоциального поведения и его нормативной регуляции. Поставлена задача по созданию социально-психологических условий для развития социально-психологических навыков активного типа нормативной регуляции просоциального поведения у пожилых людей. Показано, что достижение информационно-психологической безопасности пожилых людей требует создания условий для осознания информационных угроз, оказание социально-психологической помощи в освоении информационно-коммуникативными технологиями, в повышении информированности о потенциальных угрозах современной информационной среды.

Ключевые слова: пожилые люди, информационно-психологическая безопасность, просоциальное поведение, нормативная регуляция просоциального поведения.

Проблемы информационно-психологической безопасности населения в условиях современного информационного общества становятся приоритетными. Пожилые люди, в силу изменения социально-профессионального статуса, психофизиологических и возрастно-психологических особенностей, связанных с процессами старения, снижения эмоционально-когнитивных функций, потерей социальных ролей, социальной активности и сужения социального мира, а также переживания целого ряда социальных деприваций, являются одним из уязвимых слоев населения.

Социально-психологическая уязвимость людей 60+ в современном мире, который характеризуется противоречивыми информационными и коммуникационными потоками, связана с информационным воздействием и информационными угрозами не только на состояние

здоровья и долголетие пожилых людей, но и на их психическую и духовную сферы. Пожилые люди зачастую становятся жертвами информационных манипуляций и мошенничества, что актуализирует необходимость обеспечения информационно-психологической безопасности людей пожилого возраста. Различные аспекты данной проблемы отражены в научных публикациях Т.Б. Бересток (2020) [1; 2], В.Г. Тыльца, Т.М. Краснянской, В.В. Иохвидова (2019) [5]. Однако вопросы просоциального поведения как ресурса информационно-психологической безопасности субъектов 60+ требуют своего дальнейшего изучения.

Определяя сущность информационной безопасности личности, в частности личности пожилого человека, отметим, что ее основными характеристиками выступают «степень защищенности и, следовательно, устойчи-

ности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным, дестабилизирующим, деструктурированным, ущемляющим его информационным воздействиям на уровне, как внедрения, так и получения информации» [3, с. 249-250]. Информационно-психологическая безопасность проявляется «в состоянии защищенности психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социально-политического поведения человека, а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе» [3, с. 266]. Основными причинами незащищенности пожилых людей выступают их низкая компетентность в применении современных информационно-коммуникативных технологий, в способности критично оценивать достоверность получаемой информации, некритичное отношение к официальной информации, а также острая потребность в общении, с одной стороны, и социальная изоляция – с другой [2].

Рассматривая комплекс вопросов об информационно-психологической безопасности людей 60+, следует учитывать, что их объектом выступает не просто пожилой человек, а его психическая деятельность, которая на духовно-ценностном уровне воплощается в мировосприятии, формирующем мировоззрение, и опредмечивается в деятельности [3, с. 196]. Мировосприятие характеризуется как эмоционально-психологическая сторона мировоззрения, включающая настроения, переживания, чувства, которые функционируют в тесном единстве с миропониманием, выступающим когнитивно-интеллектуальной стороной мировоззрения [3, с. 197]. Восприятие мира в пожилом возрасте опосредовано чувством старости, которое представляет собой психологический феномен «субъективного завершения жизненного пути, проявляющийся в построении негативного образа себя в личностном, поведенческом мотивационном и жизненном измерении» [5, с. 95], которое рассматривается в качестве темпоральных маркеров психологической безопасности личности [5].

Отсюда актуальным становится решение задачи обеспечения информационно-психологической безопасности пожилых людей через формирование навыков осознанного восприятия мира, что, в первую очередь предполагает поиск социально-психологических механизмов ее реализации. В этой связи просоциальное поведение рассматривается нами как условие осознанного восприятия мира через информационно-психологическую безопасность субъектов 60+.

Определяя сущность просоциального поведения, обратимся к модели просоциального поведения личности А.Ю. Чернова [7], а также к проблематике нормативной регуляции просоциального поведения, в частности у

субъектов пожилого возраста [6]. Просоциальное поведение, согласно автору, «обозначает действия, которые приносят пользу другим людям... имеют позитивную коннотацию: оказание помощи, проявление щедрости, готовность к сотрудничеству, отзывчивость к нуждам других людей, проявление эмоциональной поддержки ...имеют, преимущественно, добровольный характер» [7, с. 123-124]. Данная модель раскрывает сущность механизма нормативной регуляции просоциального поведения, представляя собой его цель и содержание нормативности просоциального поведения, сочетания которых образуют четыре типа нормативной регуляции просоциального поведения личности: «активный», «пассивный», «созерцательный», «фантазийный» [7].

Рассматривая просоциальное поведение через призму осознанного восприятия мира, обеспечивающего информационно-психологическую безопасность субъектов 60+, необходимым становится решение задачи по созданию социально-психологических условий для развития социально-психологических навыков активного типа нормативной регуляции просоциального поведения у пожилых людей. Такой тип нормативной регуляции просоциального поведения характеризуется тем, что личность пожилого человека как субъект помощи может проявлять высокий уровень активности по отношению к просоциальной ситуации и стремиться к изменению актуальной ситуации, в том числе и неблагоприятной, чтобы пережить положительные эмоции как следствие приложения усилий [7].

Социально-психологические технологии оказания помощи пожилым людям в настоящее время, как правило, ориентированы на реализацию активных, субъектно-деятельностных форм и методов помогающей деятельности, нацеленных на оказание психологической и информационной поддержки [4]. Реализация социально-психологических технологий пожилым людям, в основе которых лежат принципы просоциального поведения, создают условия для повышения осознанности пройденного жизненного пути, для осознания собственных сильных и слабых сторон личности, для повышения осознанного восприятия мира в актуальной ситуации проживания периода старости. В свою очередь достижение информационно-психологической безопасности субъектов 60+ требует создания условий для осознания пожилыми людьми информационных угроз современного мира. Это предполагает оказание социально-психологической помощи в освоении информационно-коммуникативными технологиями, в повышении информированности о потенциальных угрозах современной информационной среды, о возможностях реализации прав пожилых людей посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, в поддержке в сложных жизненных ситуациях, в том числе в ситуациях информационного манипулиро-

вания. Восприятие мира пожилого человека во многом определяется его информационно-психологической безопасностью, от которой зависит его психологическое состояние и уверенность в защищенности в социуме. Такая уверенность формируется на основе обладания психологическими ресурсами для того, чтобы противостоять информационным угрозам и ситуациям манипулирования в современной информационной среде. Для обеспечения информационно-психологической безопасности пожилых людей необходимо, с одной стороны, формировать навыки активного типа нормативной регуляции просоциального поведения, которые обеспечивают осознанность самовосприятия, восприятия мира и его угроз, с другой – вовлекать пожилых людей

в информационную среду, максимально содействуя освоению ими компьютерных и информационных технологий [1; 2].

Итак, реализация информационно-коммуникативных технологий на основе принципов просоциального поведения личности, нацеленных на развитие социально-психологических навыков активного типа нормативной регуляции просоциального поведения у пожилых людей, способствуют повышению рефлексивных навыков, формированию устойчивой самооценки, осознанному восприятию мира, что в конечном итоге формирует информационно-психологическую безопасность субъектов 60+.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бересток Т.Б. Информационно-психологическая безопасность субъектов позднего периода в эпоху цифровизации // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2020. – С. 46-51.
2. Бересток Т.Б. Постановка проблемы информационно-психологической безопасности людей пожилого возраста // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 5. – С. 102-108.
3. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / Под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. – 300 с.
4. Краснова О.В. Социальная психология старения: Учеб. пособие для студентов. высших учебных заведений / О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 288 с.
5. Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Темпоральные маркеры психологической безопасности субъектов поздних периодов жизни // Проблемы современного образования. – 2019. – №4. – С.84-97.
6. Чернов А.Ю. Нормативная регуляция и саморегуляция просоциального поведения. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета. – 2020. – 216 с.
7. Чернов А.Ю. Эвристическая модель регуляции помогающего поведения: опыт качественного исследования// Гуманитарные науки. – 2019. – № 3. – С. 121-128.

© Бересток Татьяна Борисовна (bertat1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ У МОЛОДЕЖИ

THE CONNECTION OF THE VALUE- SEMANTIC SPHERE AND IDEAS ABOUT FAMILY LIFE AMONG YOUNG PEOPLE

**Yu. Buzykina
S. Tarasov**

Summary: The article presents the results of a study of the value-semantic sphere and ideas about family life among young people. The dominant semantic basic attitudes, meaning-life and value orientations of young people, as well as ideas about the family are revealed. The description of associations with the word «family» is given. The connections of terminal and instrumental values, as well as semantic basic attitudes with indicators of life-meaning orientations are established. The description of ideas about family life depending on the prevailing value orientations of young people is given.

Keywords: terminal and instrumental values, life-meaning orientations, semantic basic attitudes, associations, ideas about the family, youth.

Бузыкина Юлия Сергеевна

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ylamart@yandex.ru

Тарасов Сергей Васильевич

к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
otko08@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования ценностно-смысловой сферы и представлений о семейной жизни у молодежи. Выявлены доминирующие смысловые базовые установки, смысложизненные и ценностные ориентации молодежи, а также представления о семье. Дано описание ассоциаций со словом «семья». Установлены связи терминальных и инструментальных ценностей, а также смысловых базовых установок с показателями смысложизненных ориентаций. Дано описание представлений о семейной жизни в зависимости от преобладающих ценностных ориентаций молодежи.

Ключевые слова: терминальные и инструментальные ценности, смысложизненные ориентации, смысловые базовые установки, ассоциации, представления о семье, молодежь.

Ценностно-смысловая сфера занимает одну из важнейших позиций в личностной структуре. Следует отметить значительное влияние ценностей на социальную активность человека и его направленность в целом, а также на поступки, поведение, отношение личности к себе и другим. При этом динамическая смысловая система личности выступает в качестве основополагающей характеристики, которая отвечает за общую направленность жизни человека [9].

На сегодняшний день проблема влияния ценностно-смысловой сферы на процесс формирования взглядов личности и ее мировоззрение в целом, а также исследование проблемы происходящих в институте семьи изменений, выступают одними из наиболее актуальных направлений исследований.

Семья, выступая связующим звеном между личностью, государством и другими общественными институтами, является базовым источником формирования ценностей личности, уважения, солидарности, привязанности [1].

В настоящее время в российском обществе наблюдается тенденция, связанная с трансформацией нормативно-ценностной системы, в которую входят и семейные отношения. Неспособность института семьи выполнять свои основные функции все чаще наблюдается в обще-

стве. Таким образом, изучение представлений о семье выступает актуальной проблемой, требующей серьезного осмысления.

В настоящее время можно наблюдать негативные тенденции в брачно-семейных отношениях в молодежной среде, где увеличивается число разводов, снижается нравственно-психологический климат, ухудшаются нравственные нормы, ориентиры смещаются на профессионально-карьерные ценности, чем семейные.

Современные отечественные исследования, направленные на изучение жизненных ценностей, ярко свидетельствуют об индивидуализации молодежи. Можно выделить две складывающиеся тенденции в отношении семейных ценностей: полярность ценностных отношений среди членов семьи (зачастую детей и родителей); появление, отличающихся от традиционно сложившихся, целей, интересов, идеалов и убеждений членов семьи, а также деформация семейных ценностей в целом [3, 4; 6, с. 156].

Проблему исследования составило противоречие между достаточно тщательной изученностью ценностно-смысловой сферы личности, и недостатком комплексных психологических исследований о роли ценностно-смысловой сферы в формировании представлений о семейной жизни в молодежной среде.

Теоретической основой исследования выступили работы Д.А. Леонтьева [9], А. Маслоу, В. Франкла по изучению роли смысловой сферы и личностных ценностей в организации жизни и деятельности человека, подходы к исследованию семьи (Г.М. Андреева [2], А.Я. Варга [5], И.М. Желдак [7], О.Л. Зверева, О.А. Карабанова [8], А.А. Реан [10] и др.) и представлений о семье в молодежной среде (М.И. Андросова [3], Е.Л. Бокуть [4], Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева [6] и др.)

Эмпирическое исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». Выборку составили 50 студентов в возрасте 19-24 лет.

В ходе исследования были использованы следующие методики: «Смысловые базовые установки» (СБУ) А.Д. Ишкова, Н.Г. Милорадовой; «Ценностные ориентации» М. Рокича; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева; метод свободных ассоциаций со словом «семья»; анкета «Представление о семейной жизни».

Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке данных с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена.

Установлено, что доминирующими терминальными ценностями для испытуемых являются: счастливая семейная жизнь, любовь, здоровье, уверенность в себе, развитие, активная деятельная жизнь.

Наиболее значимыми среди инструментальных ценностей по выборке выступают: честность, воспитанность, жизнерадостность, ответственность, самоконтроль и образованность.

В результате анализа смысложизненных ориентаций было выявлено, что у большинства испытуемых есть жизненные цели, при достижении которых у них появляется уверенность в способности ставить перед собой цели и добиваться результатов. Благодаря наличию жизненных целей их жизнь наделяется смыслом. Они адекватно воспринимают процесс своей жизни, который в меру наполнен эмоциональной составляющей. Молодые люди способны давать адекватную оценку пройденному этапу в жизни. У них доминирует представление о себе, как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора. Они стремятся к воплощению в жизнь своих принятых решений.

В результате анализа данных, полученных по опроснику «Смысловые базовые установки» (СБУ) А.Д. Ишкова, Н.Г. Милорадовой, можно сказать, что:

- по шкале «вербальная зависимость» у 44% испы-

туемых преобладает высокий уровень выраженности. Они чрезмерно зависят от мнения окружающих, чутко реагируют на высказывания в свой адрес;

- по шкале «эмоциональная зависимость» у 44% преобладает низкий уровень выраженности, что может говорить об их эмоциональной неустойчивости («холодности») или стремлении скрывать свои переживания;
- по шкале «требовательность к себе» у 38% испытуемых преобладает средний уровень. Как правило, это аккуратные, организованные люди с адекватной требовательностью к себе;
- по шкале «ответственность за себя» преобладает высокий уровень (у 48% испытуемых). Они способны реалистично оценивать ситуацию и считают, что все происходящее с ними зависит исключительно от них.

Метод свободных ассоциаций со словом «семья» позволил выделить четыре ключевые категории, такие как: общение, отношения; личностные переживания, эмоции; материальная, хозяйственно-бытовая сфера; семейные роли.

Проанализировав ответы испытуемых по анкете «Представление о семейной жизни», можно сказать, что:

- для 72% испытуемых создание семьи является одной из важнейших целей в их жизни;
- для 56% опрошенных семейная жизнь их родителей является образцом для создания своей будущей семьи;
- для 52% испытуемых материальное положение партнера не является наиболее важным фактором;
- рождение детей в семейной жизни для 72% испытуемых наиболее важная ценность;
- главной отрицательной стороной в семейной жизни в 68% случаев молодые люди отметили «навешивание ярлыков»;
- 58% испытуемых считают, что основная функция семьи заключается в эмоциональном и духовном общении;
- для 62% испытуемых взаимопонимание является наиболее важным в семейной жизни, любовь – для 42%;
- по мнению испытуемых, средний возраст для вступления в брак для женщин – от 23 до 28 лет, для мужчин – от 23 до 30 лет.

По результатам математико-статистической обработки данных были выявлены следующие связи:

- терминальной ценности «свобода» и целей в жизни ($r_s = 0,386$ при $p \leq 0,01$). Так, молодые люди по выборке предпочитают, чтобы супруги занима-

ли одинаковую позицию в семье и считают, что семейные обязанности должны распределяться одинаково. Данные результаты согласуются с результатами исследований. Так, Бокуть Е.Л. отмечает, что большинство опрошенных студентов выделяют эгалитарную модель семьи, как предпочтительную [4, с. 34]. Отрицательные стороны в семейной жизни, по их мнению, – ограничение каких-либо личных желаний и навешивание ярлыков. Семья ассоциируется у них с любовью, уважением, заботой, счастьем, поддержкой, близкими людьми, теплом, домом и опорой. Свобода их личности, не смотря на наличие семьи, является важной целью, к которой они будут стремиться. Ограничение желаний, возможностей, постоянная ответственность могут оказывать на них отрицательное влияние;

- связь инструментальной ценности «воспитанность» и целей в жизни ($r_s = 0,361$ при $p \leq 0,01$). Так, основные функции, которые выполняет семья, по мнению молодежи, это репродуктивная, воспитательная, а также функции эмоционального и духовного общения. Главным в семье должен быть мужчина. Наиболее значимыми аспектами в семье являются взаимная поддержка, чувство защищенности, взаимоуважение, любовь, честность, равноправие и т.д. Данными испытуемыми дано следующее описание своих семей: традиционная, среднестатистическая, счастливая, любящая, понимающая, а также гиперопекаемая, замкнутая, строгая, ограничивающая. На основании этого можно предположить, что в жизни данных испытуемых процесс воспитания занимает одно из ведущих мест и личностное развитие может выступать в качестве ведущей жизненной цели;
- связь инструментальной ценности «исполнительность» и результативности жизни ($r_s = 0,271$ при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что для испытуемых наиболее важными факторами для существования семьи являются ответственность, общие интересы, верность, любовь, умение слышать и слушать друг друга. Исполнительность может являться одним из главных показателей стабильности семейных отношений, что так или иначе, будет влиять на оценку ими пройденного этапа семейной жизни. Семья ассоциируется у них с близкими людьми, заботой, любовью, пониманием, детьми, преданностью, искренностью, спокойствием;
- обратная связь шкалы «требовательность к себе» и процесса жизни ($r_s = -0,306$ при $p \leq 0,05$). Данные испытуемые отличаются достаточно высокой требовательностью к себе в семейной жизни. Они способны объективно оценивать себя в отношениях. В семейной жизни могут стремиться к под-

держанию определенной планки, состоящей из набора социальных требований к партнеру, которые, по их мнению, являются ключевыми для поддержания счастливой семейной жизни. Однако, соблюдение постоянных требований предполагает большую самоотдачу, в результате они не получают внутренней удовлетворенности, хотя их семейные взаимоотношения могут быть вполне счастливыми;

- связь инструментальной ценности «рационализм» и шкалы ответственности за других ($r_s = 0,445$ при $p \leq 0,01$). Молодые люди с доминированием ценности «рационализм» считают, что семья выполняет функцию эмоционального и духовного общения. Для создания семьи важно наличие у партнеров взаимных чувств. Также в их представлении супруги должны занимать одинаковую позицию, а семейные обязанности распределяться поровну. Умение решать конфликты и наличие общих взглядов на жизнь являются важнейшими факторами для сохранения семьи, которая ассоциируется с поддержкой, уютом, уважением, заботой и близостью. Данные испытуемые не поддаются эмоциям в принятии каких-либо решений, а опираются на конкретные факты. В семейной жизни чувствуют ответственность за своего партнера;
- связь инструментальной ценности «широта взглядов» и требовательности к себе ($r_s = 0,469$ при $p \leq 0,01$). Так, испытуемые с доминированием ценности «широта взглядов» считают, что создание семьи является важнейшей целью. По их мнению, семья выполняет функцию эмоционального и духовного общения, а также закладывает основные ценности, такие как: чуткость, ответственность за свои поступки, сохранение традиций, взаимоуважение. Молодые люди считают, что оба супруга должны занимать одинаковую позицию в семье. Ограничение личных желаний, отсутствие гибкости, консервативность выступают отрицательными сторонами семейной жизни. Наиболее важными в семейной жизни для них являются: поддержка, взаимные чувства, духовная близость, бережное отношение к личному пространству друг друга. Испытуемые в семейных отношениях способны понять точку зрения своего партнера, относятся с уважением к его привычкам, вкусам, выборам в определенных вариантах. Все это говорит о широте их взглядов и возможности объективной оценки себя и окружающих.

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в работе с молодежью по их подготовке к семейной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Изд. центр «Академия»: Раритет, 1997. – 704 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.
3. Андросова М.И., Афанасьева Л.И. Образ семьи в представлении студентов [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-semi-v-predstavlenii-studentov/viewer> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Бокуть Е.Л. Представления о семье студентов педагогического университета // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – №2. – С. 30-38.
5. Варга А.Я. Обучение студенческой молодежи семейной психотерапии: проблемы и вызовы // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Российский университет дружбы народов; науч. ред. В.И. Казаренков. – М., 2015. – С. 182–186.
6. Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Программный подход по формированию представлений о семейных отношениях у современной студенческой молодежи // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т.25. – №3 – С. 156-160.
7. Желдак И.М. Искусство быть семьёй / И.М. Желдак. – М.: МП Леокс, 2012. – 230 с.
8. Карabanова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросскультурный аспект // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т.6. – № 2. – С. 15-26.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 510 с.
10. Реан А.А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 62-76.

© Бузыкина Юлия Сергеевна (ylamart@yandex.ru), Тарасов Сергей Васильевич (omko08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ ДЕПРЕССИИ У СТАРШЕКЛАСНИКОВ И СТУДЕНТОВ ВУЗА

COMPARATIVE STUDY OF THE SEVERITY OF DEPRESSION IN HIGH SCHOOL STUDENTS AND UNIVERSITY STUDENTS

**L. Bukhlina
M. Tigonova**

Summary: The article presents the results of a study of the severity of depression, its structure, and the manifestation of one of the structural components – a sense of hopelessness – in students of the 11th grade of secondary school and university students of different courses of study; comparative empirical data of depression severity and by samples of young men and girls are given; attention is drawn to the need for psychological work with students with signs of subdepression for the prevention of suicide.

Keywords: depression, subdepression, components of depression, a sense of hopelessness, adolescence.

Бухлина Лариса Юрьевна

*к.псих.н., доцент, Пензенский государственный университет
layr111@mail.ru*

Тигунова Милана Сергеевна

*ассистент, Пензенский государственный университет»
milana.tigonova@mail.ru*

Аннотация: В статье предлагаются результаты исследования выраженности депрессии, ее структуры, и проявления одного из структурных компонентов – чувства безнадежности – у обучающихся 11 класса общеобразовательной школы и студентов вуза разных курсов обучения; приводятся сравнительные эмпирические данные выраженности депрессии и по выборкам юношей и девушек; обращается внимание на необходимость психологической работы с обучающимися, имеющими признаки субдепрессии, для профилактики суицида.

Ключевые слова: депрессия, субдепрессия, компоненты депрессии, чувство безнадежности, юношеский возраст.

Необходимость решения возрастных психологических и социальных проблем приводит к возникновению у ряда лиц юношеского возраста аффективных нарушений, в частности, депрессивных расстройств. Известно, что депрессия входит в симптоматическое ядро пресуцидного синдрома, поэтому всестороннее исследование этого важнейшего предиктора играет важную роль в остро стоящей перед педагогами школ, ссузов и вузов необходимости профилактики суицида в подростковой и молодежной среде.

Депрессию (от лат. depressio – подавление, угнетение) в современной психологии трактуют как психическое расстройство, проявляющееся в снижении настроения и ангедонии (неспособности получать удовольствие). К дополнительным вариативным симптомам относят: пессимистическую оценку себя и мира, снижение физической активности, нарушение концентрации внимания, расстройства сна и аппетита, суицидальные тенденции. Классическая структура депрессии представляет собой «депрессивную триаду» – тимический, идеаторный и моторный компоненты [1; 2], имеющие некоторую специфику в юношеском возрасте. Показано, что тимический компонент юношеских депрессий проявляется в апатичности, дисфории, тревожности, тоскливости; идеаторные нарушения (трудность усвоения информации, сужение объема восприятия, нарушение различных процессов внимания, снижение объема оперативной памяти, замедление темпа мыслительных

процессов, снижение речевой продуктивности) в юности часто дополняются ценностно-смысловыми проблемами с доминированием идей о неизбежности смерти, бессмысленности существования, вплоть до идеи самоуничтожения; моторный компонент (снижение активности, заторможенность) довольно редко диагностируется у юношей, однако могут иметь место инверсия режима сна и бодрствования, повышенная сонливость, различные соматовегетативные проявления, нарушения аппетита [3, с. 106-108].

Н.В. Зверева и соавторы выделяют 9 типов юношеских депрессий, различающихся акцентной симптоматикой [3, с. 109], что в очередной раз актуализирует проблему индивидуального подхода в профессиональной деятельности, связанной с лицами юношеского возраста. Т.В. Владимирова отмечает противоречивость результатов исследований юношеских депрессий – одни подчеркивают неблагоприятный прогноз этих состояний, другие оценивают его оптимистично и указывают на значительную частоту полного выздоровления после перенесенных в юности эндогенных депрессий [9, с. 25-26].

В предпринятом нами эмпирическом исследовании сравнивались показатели выраженности депрессии, ее структуры и проявления одного из структурных компонентов – чувства безнадежности – у обучающихся старших классов общеобразовательной школы и студентов вуза. Методическим арсеналом исследования

послужили «Шкала депрессии» А. Бека и его же «Шкала безнадежности». В модели А. Бека главной психологической причиной депрессии считаются дисфункции мышления, составляющие когнитивную триаду: негативные базисные убеждения относительно собственного «Я», окружающего мира и негативный взгляд на будущее. Негативные базисные убеждения возникают вследствие искажений мышления и проявляются в когнитивных ошибках: в произвольности умозаключений, сверхобобщении, поляризованном («черно-белом») мышлении, персонализации и др. [5, с. 82].

В исследовании участвовали 72 учащихся 11-х классов (42 девушки и 30 юношей) и 90 студентов ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» 1, 2 и 4 курсов направлений подготовки «Психология» и «Психолого-педагогическое образование» (68 девушки и 22 юноши).

В целом по всей выборке средний показатель (7,82) свидетельствует об отсутствии депрессии. Тот же вывод можно сделать при дифференцировании результатов по половой принадлежности испытуемых: у девушек – 8,07, у юношей – 7,86. Статистических различий в выраженности депрессии между ними не обнаружено ($t_{эмп} = 0,7$ при $p \leq 0,05$). На отсутствии различий могло сказаться меньшее количество юношей в выборке.

Сравнение школьников и студентов выявило более высокий уровень депрессии у студентов (10,31 против 5,33, различия подтверждены ($t_{эмп} = 3,18$ при $p \leq 0,01$). При этом показатель студентов находится на уровне легкой депрессии (субдепрессии), что характеризуется сниженным настроением и спадом активности, эмоциональным дискомфортом, но чаще не мешает заниматься основной деятельностью [6, с. 189]. Принято, однако, включать данный круг лиц в группу риска развития

более тяжелых форм депрессии. Средний показатель школьников указывает на отсутствие депрессивной симптоматики.

Показатели выраженности депрессии у девушек-школьниц и девушек-студенток отличаются в средних значениях (выше у студенток), но статистически различия не подтверждены – $t_{эмп} = 1,82$ при $p \leq 0,05$. Другая картина при сравнении юношей – школьников и студентов: показатель первых достоверно меньше – $t_{эмп} = 2,78$ при $p \leq 0,05$. Экстраполировать эти результаты затруднительно из-за малочисленности выборки юношей.

Сравнение общих показателей депрессии у девушек и юношей в школьной выборке в ходе математической обработки не обнаружили различий ($t_{эмп} = 1,22$ при $p \leq 0,05$). В группе испытуемых-студентов чуть более «депрессивными» оказались юноши (11,73 против 9,85 у девушек), но достоверных различий нет ($t_{эмп} = 0,71$ при $p \leq 0,05$).

Результаты процентного соотношения школьников и студентов с разной степенью выраженности депрессии представлены в таблицах 1,2.

Более 3/4 школьников не имеют признаков депрессии, причем юношей с отсутствием депрессии больше (единичные случаи умеренной и тяжелой депрессии зафиксированы тоже у девушек), что подтверждает многочисленные данные о преобладании случаев депрессии у лиц женского пола.

Депрессия не выявлена у чуть более половины студентов, при этом в подгруппе девушек этот показатель выше (61,8%), чем у юношей (45,4%). Выраженная депрессия, или депрессия средней тяжести, представлена обычно 4-5 симптомами. Такой уровень депрессии чаще

Таблица 1.

Выраженность депрессии у школьников (в %)

	Уровни выраженности депрессии			
	Отсутствие симптомов	Легкая депрессия	Умеренная депрессия	Тяжелая депрессия
Вся группа	77,8	16,6	2,8	2,8
Девушки	71,4	19,0	4,8	4,8
Юноши	86,7	13,3	0,0	0,0

Таблица 2.

Выраженность депрессии у студентов (в %)

	Уровни выраженности депрессии				
	Отсутствие симптомов	Легкая депрессия	Умеренная депрессия	Депрессия ср. тяжести	Тяжелая депрессия
Вся группа	57,8	22,2	2,2	13,4	4,4
Девушки	61,8	20,6	2,9	11,8	2,9
Юноши	45,4	27,3	0,0	18,2	9,1

фиксируется у юношей по сравнению с девушками, хотя статистически различия не подтверждены. Выявлено 2 случая депрессии в тяжелой степени – у 1-ой девушки и 1-го юноши (разница в процентах обусловлена меньшим количеством испытуемых-юношей).

Интересна картина выраженности депрессии у студентов в зависимости от курса обучения. По «Шкале депрессии» А. Бека результаты можно трактовать как отсутствие депрессии в целом в выборках 1-го (8,67) и 4-го (9,31) курсов, легкую депрессию – в выборке 2-го курса (13,19). Значимых различий между выборками не обнаружено ($H_{эмп} = 0,16$ при $p \leq 0,05$). Большой средний балл выраженности депрессии среди второкурсников, возможно, связан с такой особенностью этой группы как вторая попытка получения высшего образования (31,3% студентов этого курса ранее начинали учиться на других специальностях, но были разочарованы). Возможно, их завышенные ожидания от обучения по направлению «Психология» также не оправдались. Можно также с осторожностью предположить, что «кризис 3-го курса», хорошо известный в педагогической психологии в предыдущие десятилетия в отношении студентов специалитета, сместился (возможно, из-за уменьшения сроков обучения) в условиях бакалавриата на 2 курс.

«Шкала депрессии» во взрослом варианте предусматривает также различие показателей когнитивно-аффективных и соматических проявлений депрессии, что и было сделано на выборке студентов. Показатели когнитивно-аффективных проявлений депрессии у студентов (7,28) достоверно выше ($t_{эмп} = 4,10$ при $p \leq 0,05$) по сравнению с показателями соматических проявлений (3,52), т.е. выражены по большей части идеаторный и тимический компоненты депрессии, что согласуется с возрастными особенностями: юность – период эмоционально-идеаторного нервно-психического реагирования на различные стрессовые факторы [3, с. 49]. Достоверных различий между девушками и юношами в выраженности идеаторных и тимических проявлений не выявлено ($t_{эмп} = 0,40$ при $p \leq 0,05$), так же, как и в выраженности соматических проявлений ($t_{эмп} = 1,00$ при $p \leq 0,05$).

Преобладание показателей когнитивно-аффективных компонентов депрессии, по-видимому, связано с тем, что юность является относительно «здоровым» периодом онтогенеза по сравнению с предыдущими и последующими этапами, что на субъективном уровне проявляется у большинства юных людей в низком уровне «самоозабоченности», пренебрежении к возможным соматическим проблемам [7, с. 422]. Нельзя исключать также влияние специфики психологического образования на студентов, актуализирующей рефлексивные процессы. Статистических различий показателей когнитивно-аффективных и соматических проявлений депрессии между группами студентов разных курсов обучения не

обнаружено. Наибольшие значения по обеим субшкалам приходятся на студентов 2-го курса, что вполне согласуется с превышением их показателя по общему уровню выраженности депрессии.

«Шкала депрессии» А. Бека позволяет также провести более детальный анализ (21 компонент) выраженности симптоматики депрессии. Анализ показал, что в целом по студенческой выборке наибольшими оказались показатели (в баллах): «Трудности в работе» (1,00), «Пессимизм» (0,90), «Утомляемость» (0,71); наименее выраженными – «Потеря в весе» (0,13), «Озабоченность состоянием здоровья» (0,16), «Плаксивость» (0,32). Таким образом, подтверждается низкий уровень субъективного отражения соматической симптоматики депрессии. Сравнение групп по полу также подтверждает этот тезис: в группе девушек-студенток к наименее выраженным симптомам, кроме названных в отношении всей выборки, прибавился «Потеря аппетита» (0,29).

В мужской части выборки наибольшие баллы набрали, кроме названных «Трудности в работе» (1,30) и «Пессимизм» (0,90), также «Ощущение несправедливости», «Неудовлетворенность собой», «Чувство социальной отчужденности», «Утомляемость» (по 0,80 баллов). Эти по большей части когнитивные компоненты депрессии у юношей из студенческой выборки фиксировались чаще, чем у девушек. Можно предположить их взаимодействующую детерминацию: трудности в работе провоцируют мысли о собственной несправедливости, неудовлетворенность собой, пессимистическое настроение и, как следствие, чувство отчужденности от социума. Так же, как у девушек, в мужской выборке очень низкие показатели симптоматики депрессии, связанной с внутренним состоянием организма. Статистический анализ результатов не обнаружил достоверных различий по подавляющему большинству параметров. На уровне тенденции обнаружены различия по параметру «Неудовлетворенность собой» ($t_{эмп} = 2,10$ при $t_{кр} = 2,05$ ($p \leq 0,05$) и $2,76$ ($p \leq 0,01$)) – среднегрупповое значение выше у юношей.

Достоверность различий при сравнении группы студентов, у которых была выявлена какая-то степень выраженности депрессии, и группы без признаков депрессии была получена по параметрам «Утомляемость» ($t_{эмп} = 4,81$), «Неудовлетворенность собой» ($t_{эмп} = 4,73$), «Трудности в работе» ($t_{эмп} = 4,43$), «Печаль» ($t_{эмп} = 4,32$), «Нерешительность» ($t_{эмп} = 4,1$), «Ощущение несправедливости» ($t_{эмп} = 3,78$), «Самоотрицание» ($t_{эмп} = 3,41$), «Дисморфобия» ($t_{эмп} = 3,11$). Можно заключить, что именно эти характеристики депрессивного состояния являются «симптоматическим ядром» в переживании депрессии (чаще – субдепрессии) у студентов, принявших участие в диагностических процедурах.

В целом по результатам, полученным по методике

«Шкала депрессии» А. Бека, можно сделать выводы о большей выраженности депрессии в студенческой выборке, по сравнению со школьниками (77,8% испытуемых школьной выборки – лица без депрессии), при этом чаще у студентов выявлялась депрессия в легкой степени; в выборке студентов преобладающими являются когнитивно-аффективные проявления депрессии, причем юношам неудовлетворенность собой характерна больше, чем для девушкам; обнаружен большой средний балл выраженности депрессии среди 2-курсников, по сравнению со студентами 1-го и 4-го курсов.

Далее представлены данные по второй методике – «Шкала безнадежности» А. Бека, который трактует безнадежность как систему когнитивных схем, общим признаком для которых является негативная окраска ожиданий относительно ближайшего и отдаленного будущего [10].

В таблице 3 представлены результаты по выраженности чувства безнадежности в двух сравниваемых эмпирических выборках.

Показатель по выборке в целом (3,81) свидетельствует об отсутствии чувства безнадежности, однако видно, что среднее значение в группе юношей выше. Это значение позволяет говорить о чувстве безнадежности «в легкой степени», что проявляется, прежде всего, в туманных представлениях о собственном будущем. Различий по полу, однако, не обнаружено ($t_{эмп} = 1,61$ при $p \leq 0,05$). Нет достоверных различий также между школьниками и студентами ($t_{эмп} = 0,82$ при $p \leq 0,05$).

Отдельно в выборке старшеклассников средний показатель также свидетельствует о наличии «легкой безнадежности», что в первую очередь можно связать с актуальным жизненным контекстом – необходимость профессионального самоопределения и процедура ЕГЭ. Хотя достоверных различий в значениях чувства безнадежности между полами в школьной выборке не выявлено ($t_{эмп} = 0,73$ при $p \leq 0,05$), у юношей он выше.

Подсчет Т-критерия не подтвердил различий и по другим параметрам сравнения: девушек-студенток и юношей-студентов; девушек-студенток и девушек-школьниц; юношей – студентов и школьников.

Проводился также анализ результатов по такому

вектору сравнения, как выраженность когнитивно-аффективных проявлений депрессии (результаты представлены выше) и выраженность чувства безнадежности в студенческой выборке. Подтверждено, что среди тех, у кого в той или иной степени выявлено чувство безнадежности, достоверно выше ($t_{эмп} = 2,71$) показатель когнитивно-аффективных проявлений депрессии, при этом ярче это проявилось у юношей.

В таблице 8 содержатся показатели выраженности чувства безнадежности студентов разных курсов обучения.

Значимых различий между студентами трех курсов нет ($H_{эмп} = 0,29$ при $p \leq 0,05$), хотя, если средний показатель 1-го курса (2,83) трактуется, в соответствии с методикой А. Бека, как «отсутствие чувства безнадежности», в группах студентов 2-го (4,56) и 4-го (3,29) курсов средние показатели попадают уже в зону «легкой безнадежности». Очевидный скачок выраженности чувства безнадежности у студентов 2 курса (у них, как было показано выше, и наибольшее среднее значение общего показателя выраженности депрессии) гипотетически объясняется выше описанной отличительной характеристикой этой группы студентов. Понятно, что нельзя переносить эти результаты на характеристику всей генеральной совокупности. Что касается студентов 4 курса, то их «легкая безнадежность» может объясняться ситуацией неопределенности в связи с будущим трудоустройством и изменением жизненного регламента после окончания вуза.

Таким образом, по второй методике А. Бека можно сделать вывод, что как для школьников, так и для студентов в целом не характерно чувство безнадежности. Несколько чаще юноши из двух названных выборок демонстрируют легкую степень его выраженности, так же, как когнитивно-аффективные проявления депрессии, по сравнению с девушками. Объяснение этому обстоятельству, возможно, лежит в области гендерных стереотипов, в рамках которых в российском обществе по-прежнему ожидается большой уровень социальных достижений, карьерных успехов от лиц мужского пола. У юношей 11-го класса могут обостряться опасения не соответствовать этим ожиданиям на этапе ЕГЭ и при выборе профессии, который не гарантирует возможность

Таблица 3.

Выраженность чувства безнадежности (средние значения)

	Показатель безнадежности		
	Вся выборка	Школьники	Студенты
Вся выборка	3,81	4,06	3,62
Девушки	3,38	3,71	3,18
Юноши	4,73	4,53	5,00

тех самых социальных достижений. Соответственно, на этом основании актуализируются когнитивно-аффективные проявления депрессии и чувство безнадежности, в частности. У юношей-студентов эти проявления могут усугубляться сомнениями в профессиональном выборе и неблагоприятным прогнозом, связанным с трудоустройством.

Выводы по результатам проведенного локального исследования:

- у примерно 1/5 части выборки старшеклассников и 2/5 выборки студентов выявляется депрессивное состояние разной степени выраженности (чаще субдепрессия);
- более выражена депрессия у девушек-школьниц, по сравнению с юношами, и, наоборот, – у юношей-студентов по сравнению с девушками;
- более выражены в студенческой выборке когнитивно-аффективные проявления депрессии (пессимизм, трудности в работе и утомляемость), по сравнению с соматическими;
- юношам-студентам, вне зависимости от наличия или отсутствия у них депрессии, неудовлетворенность собой характерна больше, чем девушкам;
- обнаружен большой средний балл выраженности депрессии среди 2-курсников, по сравнению со студентами 1-го и 4-го курсов;

- в целом для выборки не характерно чувство безнадежности, но среднее значение в группе юношей выше как в школьной, так и в студенческой выборках;
- показатель чувства безнадежности у школьников на уровне средних значений несколько превышает таковой у студентов;
- средние показатели чувства безнадежности студентов 2-го и 4-го курсов выше, чем в группе 1-курсников, и попадают в зону «легкой безнадежности».

Результаты исследования могут представлять интерес для педагогов и психологов, работающих с юношеством. Ими должно быть осознано, что отсутствие психологической работы с людьми, у которых имеются признаки субдепрессии, влечет за собой дальнейшие деструктивные изменения психики и может привести к серьезным негативным последствиям. В науке доказана связь между выраженностью чувства безнадежности и возникновением депрессии. Поэтому лица с «легкой безнадежностью» также относятся к группе суицидального риска. Депрессия – это единственное состояние, которое влечет за собой огромное количество непредвиденных смертей, поэтому самый эффективный способ предупреждения самоубийств – это раннее выявление и своевременное лечение депрессий [4, 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек А., Раш А., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. – СПб.: Питер, 2013. – 232 с.
2. Бунькова К.М. Депрессии и неврозы / Под ред. М. А. Кинкулькиной. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 176 с.
3. Зверева Н.В., Казьмина О.Ю., Каримулина Е.Г. Патопсихология детского и юношеского возраста: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 222 с.
4. Макферсон Л., Моро Д., Вейссман М., Клерман Д. Подросток и депрессия. Межличностная психотерапия / Пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2003. – 315 с.
5. Падун М.А. Когнитивный стиль и депрессия // Экспериментальная психология. – 2009. – Том 2. – № 4. – С. 81-90. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13078606> (дата обращения: 26.08.2021).
6. Перре М., Бауманн У. Клиническая психология. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 960 с.
7. Рошупкина Д.В. Депрессия, тревога и стресс – бич студентов 21 века // Наука в современном мире: вопросы теории и практики: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции (София, 15 июня 2018 г.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. – С. 419-425.
8. Семакина Н.В., Злоказова М.В. Скрининг диагностика доклинических форм депрессий у старших школьников // Клинико-биологические, психологические и социальные аспекты психических расстройств у детей и подростков: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 16 февраля 2018 г.). – М.: ФГБНУ НЦПЗ. 2018. – С. 173-175.
9. Цуцельковская М.Я., Копейко Г.И., Олейчик И.В., Владимиров Т.В. Роль психобиологических характеристик юношеского возраста в формировании клинической картины депрессий и особенностях терапии // Психиатрия. – 2003. – № 5(5). – С. 21-28. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18758271> (дата обращения: 26.08.2021).
10. Шкала безнадежности Бека. – URL: https://psylab.info/Шкала_безнадежности_Бека (дата обращения: 05.04.2021).

© Бухлина Лариса Юрьевна (layr11@mail.ru), Тигунова Милана Сергеевна (milana.tigunova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМПРЕССИНГ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)¹

Викторова Елена Викторовна

*К.п.н., доцент, Пензенский государственный университет
vikele@mail.ru*

Козина Галина Юрьевна

*К.с.н., доцент, Пензенский государственный университет
galina-sura@bk.ru*

IMPRESSING AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY EMPIRICAL RESEARCH (PROGRAM AND MAIN RESULTS)

**E. Viktorova
G. Kozina**

Summary: In the article one of the phenomena of socialization - impressing is considered. The current state of studies on it is described, the main problems are indicated, the prospects for further research are outlined. The experience of using sociological and psychological-pedagogical methods while carrying interdisciplinary empirical research on impressing is presented. Based on the data obtained, an attempt to describe this phenomenon in a parametric and functional manner is made.

Keywords: socialization, teenager, socio-cultural environment, impact, impression, impressing, hobby, activity.

Аннотация: Рассмотрен один из феноменов социализации – импрессиинг. Описано современное состояние его изученности, указаны основные проблемы, намечены перспективы дальнейших исследований. Представлен опыт междисциплинарного эмпирического исследования импрессиинга с использованием социологических и психолого-педагогических методов. На основании полученных данных предпринята попытка параметрически-функционального описания данного феномена.

Ключевые слова: социализация, подросток, социокультурное окружение, воздействие, импрессиинг, впечатление, увлечение, деятельность.

Введение

Малочисленность и разрозненность эмпирических исследований импрессиинга имеет под собой объективные основания. Уже В.П. Эфроимсон – советский педагог и генетик, первым заговоривший об импрессиинге [14], [13], – указывал на специфические черты этого феномена, которые затрудняют его исследование. Ключевыми среди них являются однократность и индивидуальная избирательность воздействий. Для возникновения впечатления («импрессиинг» происходит от англ. «impress» – впечатлять, оставлять след), формирующего устойчивое стремление личности к реализации творческого потенциала в определенных видах деятельности, достаточно однократного воздействия социокультурной среды на личность, если такое воздействие происходит в критические (сензитивные) периоды онтогенеза и в ситуациях эмоциональной уязвимости. Однако совпадение указанных факторов не гарантирует возникновение импрессиинга, поскольку эффект зависит

от индивидуальной восприимчивости личности к определенным видам воздействий [14].

Возможно, указанными чертами импрессиинга обусловлен тот факт, что в настоящее время среди научных работ, посвященных этому феномену, преобладают теоретические. Это проблемно-ориентированные работы, акцентирующие внимание на недостаточной изученности импрессиинга при очевидной актуальности, и раскрывающие его потенциал: социально-психологический (А.Б. Долгин, Е.Е. Мазур, В.Н. Сагатовский) и психолого-педагогический (О.В. Лишин, И. Родос, Г.Я. Узиловский). Имеют место частные, узкопредметные исследования, в которых импрессиинг упоминается в той или иной связи с отдельными психолого-педагогическими феноменами (И.Б. Будик, С.А. Гильманов, Л.С. Грибцова). Опорой же для исследователя, чей научный интерес привлек импрессиинг, выступают прежде всего труды В.П. Эфроимсона, в которых природа и функциональная специфика импрессиинга описывается на основе обобщений биогра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014 «Информационное воздействие на личность в условиях цифровизации культуры и образования как импрессиинг: риски и потенциал» (The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14014).

фического материала – фактов импресси́нга в жизни выдающихся деятелей различных сфер: науки, искусства, политики и т.д. [13]. Безусловный интерес представляют также работы М. Амусьи и М. Перельмана, в которых результаты биографического анализа экстраполированы на общественный уровень и показано, как импресси́нг влияет на ход исторических событий [8]. Отправной точкой в понимании непосредственно психолого-физиологического механизма импресси́нга выступают работы, в которых прямо или косвенно речь идет о феномене, близком к импресси́нгу, – об импринтинге [1], [4], [5], [12].

Анализ междисциплинарного массива работ, могущих служить базой для исследования импресси́нга, позволяет говорить о недостаточности научных сведений о нем как о сложном биосоциокультурном феномене, о потребности в приращении фундаментальных знаний, которое возможно только при проведении эмпирических исследований, несмотря на неоднозначность импресси́нга как предмета изучения.

Программа исследования

Первое проведенное нами эмпирическое исследование импресси́нга, которое можно назвать пилотажным, состоялось с участием более 400 респондентов в возрасте 18-65 лет и позволило предпринять попытку параметрически-функционального описания импресси́нга. На основе полученных первичных данных, их анализа и последующего обобщения осуществлено предварительное типологизирование импресси́нга по нескольким критериям [3]. Кроме того, был сделан вывод об одном из сензитивных (критических) для возникновения импресси́нга периодов как о самом благоприятном для проведения основного исследования [2]. Таким периодом оказался подростково-юношеский возраст. Именно из этой возрастной группы была сформирована выборка основного исследования.

Программа основного исследования выстроена с учетом опыта пилотажного исследования: оптимизирован выбор методов, скорректированы вопросы анкеты в соответствии с поставленными задачами, адаптированы к возрастным особенностям респондентов.

Целью основного исследования стало выявление сущностных характеристик импресси́нга и специфики его функционирования.

Задачи:

1. Уточнить сензитивные для возникновения импресси́нга возрастные периоды развития личности;
2. Определить роль ближайшего социального окружения в возникновении импресси́нга;
3. Выявить факторы, способствующие возникнове-

- нию импресси́нга и проявлению его последствий;
4. Определить место и роль интернета в возникновении импресси́нгов современных детей.

Рабочие гипотезы исследования:

1. Наиболее благоприятным для возникновения импресси́нга является младший подростковый возраст;
2. Большая часть импресси́нгов происходит в семейной среде;
3. Для возникновения и закрепления результатов импресси́нга необходима поддержка референтных лиц;
4. Импресси́нги современных детей чаще происходят в цифровой среде, а не в реальной действительности.

В основном исследовании приняли участие 516 респондентов в возрасте 13-19 лет. Расчет выборочной совокупности произведен следующим образом. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области [11], объем генеральной совокупности на начало 2019 г. составил 30360 чел. При величине допустимой ошибки равной 5% ($\Delta = 0,05$) и доверительной вероятности равной 95% ($P = 0,954$) объем репрезентативной выборочной совокупности с запасом будет составлять не менее 400 случайно отобранных единиц [7]. Было принято взять объем выборочной совокупности равной 550 чел. Такое число обусловлено, с одной стороны, зависимостью объема выборки от объема генеральной совокупности и величины допустимой ошибки, с другой стороны, учетом квотирования выборки на возрастные группы, контроля поля, а также контроля качества и возможной выбраковки анкет. Для опроса указанной возрастной категории нами была использована поэтапная выборка, в которой сначала случайным образом были определены кластеры, затем по квотному признаку отобраны учащиеся. Таким образом, в результате проверок ошибок поля, контроля качества и выбраковки анкет анализу было подвержено 516 анкет без нарушения квотной доли.

Исследование учитывает сложную биосоциокультурную природу импресси́нга и является междисциплинарным: оно проведено с использованием социологических и психолого-педагогических методов. Применены анкетный опрос, фокус-группа (проведены четыре фокус-группы по 10-12 человек), выборочное глубинное интервью, методика «Незавершенное предложение», тестирование («Шкала оценки потребности в достижении», «Исследование волевой саморегуляции» (А.В. Зверьков, Е.В. Эйдман), «Диагностика нравственной самооценки» (Н.И. Дереклеева)). Анкетный опрос нацелен на получение данных о возрастных особенностях импресси́нга, о среде, факторах и предикторах его возникновения, о роли референтных лиц, о направленности последствий

импрессинга. Другие методы были призваны углубить данные анкетирования (фокус-группа, методика «Незавершенное предложение»), уточнить их и выявить/не выявить корреляции между ответами (тесты).

Исследование позволило уже «в первом приближении» получить довольно обширный массив данных об импрессинге, анализ которых в различных аспектах (в соответствии с выдвинутыми задачами) достоин отдельных научных статей. В данной статье представим основные результаты проведенного исследования.

Основные результаты

Среди сензитивных периодов для возникновения сильных значимых впечатлений выделяется подростковый возраст (первая гипотеза подтверждена). 34,9% опрошенных (180 чел.) считают, что пережили импрессинг в возрасте 10-12 лет (младший подростковый). На втором месте по частоте возникновения находится младший школьный возраст (на него указали 24% (124 чел.) и старший подростковый (23,3% (120 чел.)). Обратим внимание, что, если для импринтинга, с которым нередко отождествляют импрессинг, критическим является период раннего детства, то в случае с импрессингом этот возраст не является настолько значимым. Только 5,8% (30 чел.) опрошенных указали на этот возраст. Эти данные соответствуют данным, полученным в ходе пилотажного исследования, и подтверждают мнение В.П. Эфроимсона о том, что не следует проводить прямые аналогии между импринтингом и импрессингом: если механизм формирования следа (запечатление/впечатление) действительно схож, то функциональные характеристики, к которым относится и критический возраст, у них значительно различаются. Не случайно результатом импринтинга человека является стойкое следование запечатленной информации в ситуациях, схожих с пережитой, а результатом импрессинга – настойчивое устремление к определенному виду творческой деятельности.

Здесь следует отметить, что пережитые впечатления импрессинговыми, или повлекшими за собой какое-то увлечение, посчитали сами респонденты. Однако для того, чтобы характеризовать увлечение как следствие импрессинга, необходимо понять, насколько стремление к нему является сильным. Проведенные фокус-группы свидетельствуют о том, что в описании своих увлечений подростки чаще всего используют слово «нравится»: нравится танцевать, рисовать, играть в футбол и т.п. Однако «нравится» еще не означает свойственной последствиям импрессинга почти всепоглощающей увлеченности любимым делом. 89,9% (464 чел.) опрошенных ребят в подростковом возрасте уже имеют увлечение. Но сопоставление ответов на соответствующие вопросы анкеты показало, что из всех увлеченных ребят высокую устремленность к своему делу проявляют 33,2% (154

чел.). Соотнесение данных анкетирования с данными теста-опросника «Исследование волевой саморегуляции», свидетельствует о том, что 55,4% (286 чел.) способны проявлять настойчивость высокого уровня. А соотнесение данных анкетирования с данными «Шкалы оценки потребности в достижении» показывает, что у 52,7% (271 чел.) средний уровень мотивированности в своей деятельности. К проявлению же высокой мотивации в своей деятельности способны только 2,3% (12 чел.). Следовательно, половина имеющих увлечение ребят способны проявлять черты, необходимые для серьезной увлеченности своим делом, но проявляют их только треть. Данные позволяют предположить, что увлечение именно этой части подростков может являть собой следствие импрессинга. (Полученные результаты требуют ведения дальнейших подсчетов, исходя из выборки 154 человека – респонденты, чьи увлечения можно позиционировать как результат импрессинга.)

В результате исследования уточнена типологическая характеристика импрессинга. Анализ данных о социокультурной среде возникновения импрессингов позволяет условно представить их как связанные с лицами из ближайшего (неформального) окружения, связанные с формальными агентами социализации, непосредственно не связанные с ними, т.е. те, источниками которых стали природа, сновидения, произведения искусства, памятники культуры, культовые объекты и др.

Исследование позволило выявить и содержательную специфику импрессингов в соотнесении с возрастными периодами. Так, для подросткового периода характерны импрессинги, возникающие в процессе общения с ровесниками, особенно противоположного пола, а также в процессе восприятия произведений искусства, во время ознакомления с памятниками культуры и т.п.

Однако особое место в любом из критических периодов занимают импрессинги, полученные в семейной среде (вторая гипотеза подтверждена частично: роль семейной среды стабильно высока, но непосредственная роль родителей меняется в зависимости от возраста). Материалы интервью и методики «Незаконченное предложение» содержат описание сильных и значимых впечатлений, полученных именно в семье. В зависимости от возраста от 13,6% до 18,8% отметили, что импрессинговым для них оказался непосредственно разговор с родителями. При этом роль родителей в прямом импрессинговом воздействии заметно снижается в процессе взросления детей: это чаще случается в младшем подростковом, чем, например, в старшем подростковом возрасте. Разговор с другими членами семьи стал источником импрессинга для 1,2% ребят (2 чел.). Наблюдение за чем-то, что вызвало импрессинг, в деятельности, поведении или словах близких родственников, в том числе родителей, стало источником импрессинга для 3,3%

ребят (5 чел.). И, наконец, значительно число импрес-сингов, хотя и не связанных с общением с близкими родственниками, но произошедших именно дома (дома за чтением, дома за компьютером и т.п.) – 38,3% (59 чел.).

Значение семейной среды подтверждают и данные о том, с кем делятся подростки своими переживаниями об увлечениях. Здесь данные также разнятся в зависимости от возраста: если среди 11-летних 52,6% делятся с мамой и 46,7% - с папой, то в возрасте 14 лет эти показатели снижаются до 24% и 19,4% соответственно (здесь, как уже отмечалось резко возрастает роль ровесников-друзей – с ними делятся своими переживаниями 50% старших подростков).

В числе ключевых факторов, способствующих возникновению импрессинга, кроме сензитивного (критического) периода развития, необходимо отметить ситуацию эмоциональной уязвимости. Мы не склонны рассматривать эмоциональные свойства личности как предикторы возникновения импрессинга. Здесь мы опираемся на исследования психофизиологического механизма запечатлевания [4], [5],[6], согласно которым внешнее воздействие может оставить след в памяти у любого человека, но в ситуациях, которые способны вызвать его эмоциональную (импринтную) уязвимость.

Соотношение данных анкетирования, методики «Незавершенное предложение» и глубинного интервью позволяют сделать основной вывод – содержательная специфика ситуации эмоциональной уязвимости является индивидуальной, зависит от особенностей первичной социализации отдельно взятого подростка. Однако обнаруживает себя и общая предпосылка ситуаций эмоциональной уязвимости: они во многом обусловлены возрастными социально-психологическими компонентами сензитивного периода. Имеют значение в данном случае ведущий в конкретном возрасте вид деятельности (игра, обучение, общение), референтные для возраста лица ближайшего окружения (родители, друзья). Безусловно, есть взаимосвязь с психическими новообразованиями (например, развитие самосознания подростка приводит к тому, что он эмоционально уязвим в ситуациях, когда подвергается оценке его Я). Это находит подтверждение в указанных выше данных о ситуациях возникновения импрессинга, среди которых преобладают ситуации общения с родителями, ровесниками, друзьями.

В.П. Эфроимсон, опираясь на биографический анализ, высказал предположение о том, что на импрессинговый эффект (устремленность к деятельности) может влиять фактор препятствия [13]. Содержание препятствия как такого в данном случае носит преимущественно индивидуальный характер. Однако, учитывая значительную роль ближайшего социокультурного окружения в возникновении импрессинга, в качестве

препятствующих/способствующих факторов можно рассматривать отношение референтных лиц к увлечению подростка (поддержка, запрет и т.п.). 78% (120 чел.) подростков отмечают, что чужое мнение об их увлечении для них не имеет значения. Однако вопросы о конкретной – отрицательной или положительной – оценке их деятельности и ее результатов продемонстрировали иные ответы. Уже лишь треть опрошенных отмечает, что не обратит внимания на негативную оценку (хотя данные фокус-группы свидетельствуют о том, что такой процент должен быть еще ниже), 19,4% (30 чел.) признаются, что испытают злость и это мотивирует их к более активной и качественной деятельности. 10,4% (16 чел.) испытают злость и «выплеснут» свои эмоции на критикующего (данные фокус-группы заставляют думать, что этот процент должен быть выше). И еще 10,4% (16 чел.) будут переживать по поводу негативной оценки, но удержат эмоции в себе. Ответы на вопрос о похвале, поддержке в увлечении также не позволяет уверенно говорить о равнодушии подростков к чужому мнению. 37% (57 чел.) опрошенных уверены в том, что им не важна поддержка в их увлечении. 27,2% (42 чел.) подростков такая поддержка нужна независимо от лица, ее проявляющего. И еще 35,7% (55 чел.) она нужна в проявлении конкретных лиц: 12,3 % - профессионала в этом деле, 9,1% - мамы, 4,5% - друга, 4,5% - любого, увлеченного тем же, 3,8% - папы, 1,2% - учителя. Отметим, что ответы на указанные вопросы коррелируют с данными, полученными тестом-опросником «Исследование саморегуляции» по шкале «Самообладание», но не коррелируют с данными, полученными по «Шкале оценки потребности в достижении». Принято считать, что поддержка близкими людьми своих подростков в их деятельности принципиально важна, однако, видимо, это имеет большое значение для качества межличностных отношений как таковых, но для устремления подростков к любимой деятельности, вызванной к жизни импрессингом, такого значения не имеет.

Исходя из сказанного, можно лишь частично подтвердить третью гипотезу. Поддержка референтных лиц имеет значение для подростков, переживших импрессинг, но о ее прямом влиянии на устремленность к деятельности, вызванной импрессингом, говорить нельзя. Анализ биографического материала, представленного в работах В.П. Эфроимсона, косвенно подтверждает эту мысль: творческая личность испытывает необъяснимую тягу к своей деятельности и занимается ею и «благодаря», и «вопреки» [14], [13]. Не случайно, лишь от 12,9% до 20,1% подростков в зависимости от возрастной категории уверены, что от своего увлечения не откажутся, потому что не мыслят без него свою жизнь.

И, наконец, представление основных результатов исследования невозможно без упоминания места и роли интернета в возникновении импрессинга и проявлении

его последствий. 24% (37 чел.) подростков указали на то, что пережили импрессионг в социальных сетях, еще 13,6% (21 чел.) – также в интернет, но на других сайтах. Таким образом, четвертая гипотеза о том, что импрессионги современных детей чаще происходят в цифровой среде, а не в реальной действительности, опровергнута. Однако общий процент подростковых сильных впечатлений, полученных в интернет и приведших к появлению увлечения, довольно высок. Кроме того, исследование показало значительную роль интернета не только в возникновении импрессионга. 13% (20 чел.) ребят делятся впечатлениями от своего увлечения в интернет-сообществах, 12,3% (19 чел.) ищут и находят в них поддержку. От 5,2% до 18,1% в зависимости от возраста имеют увлечение, непосредственно связанное с интернетом. И 44,2% (68 чел.) используют интернет для получения информации о своем увлечении.

Заключение

В случае с таким объектом исследования, как импрессионг, который возникает уже при однократном воздействии среды на личность и механизм которого включает наследственный компонент, невозможно опереться на воспроизводимость результатов. Однако, по нашему мнению, это не должно препятствовать его дальнейше-

му исследованию. Учет основных факторов, влияющих на возникновение сильного личностно значимого впечатления (критический период онтогенеза, ситуации эмоциональной уязвимости) должен и может стать опорой для проведения репрезентативных исследований. Это особенно важно, когда речь идет о феномене, последствия которого могут иметь не только личностное, но общественное, социокультурное значение. И акцентированные нами специфические черты импрессионга свидетельствуют об особой «тонкости», деликатности феномена в индивидуальной жизни. Однократность импрессионгового воздействия требует более внимательного и чуткого отношения к личности подростка, а наследственная «избирательность» воздействий предполагает более доверительное отношение значимых взрослых к выбору подростком интересующих его занятий, что особенно актуально и, на первый взгляд, рискованно в условиях цифровизации детства [9], [10].

Дальнейшие перспективы мы видим в исследовании факторов/предикторов импрессионга (общевозрастных и индивидуальных), среди которых особое внимание следует уделить тем, которые поддаются учету и корректровке, – социокультурным и социально-психологическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Д. Привязанность [Электронный ресурс]. М.: Гардарики, 2003. Режим доступа: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d4590/> (дата обращения 11.07.2021).
2. Викторова Е.В. Возрастные характеристики импрессионга (опыт эмпирического исследования) // The Unity of Science: International scientific periodical journal. – 2016. – № 3-1. – С. 65-68.
3. Викторова Е.В. Социокультурное многообразие импрессионга: опыт типологизации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 8 (110). – Часть 3. – С. 192-196.
4. Гроф С. Психология будущего: уроки современных исследований сознания. – М.: АСТ, 2003. – 458 с.
5. Лири, Т., Стюарт М. Деструктивные психотехники. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. – СПб: Экслибрис. 2002. – 224 с.
6. Майнарди Д. Собака и лисица. Правдивый рассказ о свободном путешествии по царству этологии. – М.: Мир, 1980. – 151 с.
7. Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 80-82.
8. Перельман М., Амусья М.. Особенности формирования менталитета человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://world.lib.ru/> (дата обращения 19.07.2021).
9. Писаренко И.А., Заиченко Л.И. Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 54–80.
10. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Неосведомленность родителей о столкновении подростков с рисками в интернете: содержание и психологические факторы // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 71–83.
11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. [Официальный сайт]. Режим доступа: <https://pnz.gks.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).
12. Хорн Г. Память, импринтинг и мозг. – М.: Мир, 1988. – 154 с.
13. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. – М.: Время знаний, 2010. – 375 с.
14. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. – 2000. – № 30. – С.5-11; №31. – С.5-11; №32. – С.5-11.

© Викторова Елена Викторовна (vikele@mail.ru), Козина Галина Юрьевна (galina-sura@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА ПО САМОЛИДЕРСТВУ (FDSK)

Ким Э Сун

Соискатель, Тихоокеанский государственный
университет (г. Хабаровск)
info@kimlilia.ruADAPTATION OF THE SELF-LEADERSHIP
QUESTIONNAIRE (FDSK)

Kim E Sun

Summary: This article presents the linguistic and cultural adaptation of the test for determining the level of self-leadership (Günter F. Müller) on a Russian-speaking sample (n=329). The psychometric properties of the Russian adapted version of the questionnaire are evaluated, its reliability is proved. The structure of the methodology was also confirmed using exploratory and confirmatory factor analysis, as well as constructive, convergent and predictive validity was proved.

Keywords: self-leadership, emotional intelligence, self-determination, exploratory and confirmatory factor analysis, constructive, convergent and predictive validity.

Аннотация: В данной статье представлена языковая и культурная адаптация теста на определение уровня самолидерства (Günter F. Müller) на русскоязычной выборке (n=329). Произведена оценка психометрических свойств русской адаптированной версии опросника, доказана его надежность. Также подтверждена структура методики с помощью эксплораторного и подтверждающего факторного анализа, а также доказана конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность.

Ключевые слова: самолидерство, эмоциональный интеллект, самодетерминация, эксплораторный и подтверждающий факторный анализ, конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность.

В то время как лидерство сосредоточено на том, как человек влияет на других, самолидерство предполагает наблюдение за собой и управление собой. Самолидерство похоже на зрелую взрослую жизнь. До достижения зрелой зрелости мы проецируем власть на других людей. А в зрелом возрасте мы берем на себя ответственность за все свои действия и поведение. Самолидерство требует таких качеств, как самосознание, честность, самопознание и самодисциплина.

Термин «самолидерство» впервые появился в литературе по организационному менеджменту Чарльза Манца, который позже определил его как «всестороннюю перспективу самовлияния, которая касается стремления к выполнению естественно мотивирующих задач, а также самоуправления к выполнению задач» (Manz, 1986). Эта концепция была основана на (тогда еще новаторском) понимании того, что самоуправление является предпосылкой эффективного и подлинного командного лидерства (Manz & Sims, 1991). Фактически, более автономные, самостоятельные работники более продуктивны, независимо от их рабочей роли (Birdi et al., 2008).

Возросшая конкуренция, с которой сталкиваются некоторые организации, требует перехода от традиционного управления сотрудниками с командно-контрольным руководством к совместному руководству среди сотрудников в организации (Arnold, Arad, Rhoades, & Drasgow, 2000; Pearce, 2007). Вместо нисходящих (вертикальных) структур, где руководители принимают решения, некоторые современные организации нуждаются в том, чтобы сотрудники брали на себя больше ответ-

ственности и участвовали в принятии решений (Costello, Brunner, Hasty, 2002). Эти меняющиеся условия требуют лидеров, способных помочь сотрудникам стать самостоятельными лидерами и последователями, заинтересованными в разделении ответственности за лидерство (Stewart, Manz & Sims, 1999).

Сотрудники, обладающие такими личными качествами, как потребность в автономии и общая самоэффективность, могут с большей вероятностью брать на себя ответственность, участвовать в принятии решений и практиковать стратегии самолидерства. Предыдущие исследования (Yun, Cox, and Sims, 2006) показали, что люди по-разному реагируют на возможности разделить ответственность за лидерство. Люди, нуждающиеся в автономии и общей самоэффективности, могут с большей вероятностью рассматривать себя как способный и ожидающий успеха.

Они также могут желать контроля и возможности влиять на свою работу и, возможно, захотят принимать решения, связанные с их работой (Yun et al.). Люди с высокой общей самоэффективностью также могут с большей вероятностью поверить, что они могут достичь того, чего хотят достичь (Maddux, 2002). Люди с развитым самолидерством, направляют свои собственные усилия, упорствуют в трудных ситуациях, лично мотивируют себя и постоянно обновляют модели мышления (Manz & Sims, 1989).

Самолидерство способствует повышению склонности к инновационному поведению на рабочем месте

(Carmeli, Meitar, & Weisberg, 2006), при этом самолидерство представляет собой процесс самовлияния, который включает в себя самонаправление и самомотивацию (DiLiello & Houghton, 2006; Manz & Neck, 2004).

В связи с выявленной актуальностью исследования самолидерства с целью дальнейшего ее развития для повышения эффективности работы сотрудников компаний, нами был адаптирован опросник самолидерства Günter F. Müller.

Материалы и методы

Выборка

Данные для адаптации методики были получены на выборке из 329 респондентов в возрасте от 17 до 62 лет, в среднем $24,1 \pm 8,8$. Спустя 6 месяцев 300 респондентов повторно прошли тестирование для оценки ретестовой надежности. Обследование проводилось индивидуально дистанционным формате, посредством Яндекс.Формы. Данные для адаптации методики были собраны в период с 2020 по 2021 г.

Методики

Опросник на определение уровня развития самолидерства и его отдельных компетенций (Günter F. Müller). Данный опросник предназначен для оценки уровня развития самолидерства и его исследуемых компонентов. Тест состоит из 50 утверждений. В процессе апробации методики все вопросы были переведены с немецкого языка на русский язык и затем в процессе обратного перевода отредактированы носителем немецкого языка.

Первым шагом в оценке самолидерства по данной методике является суммирование измеренных значений. В подавляющем большинстве случаев суммиро-

ванные значения согласовываются с соответствующими уровнями компетенций, потому что большие цифры соответствуют более высокому уровню развития самоконтроля, где:

- 1 – если вы считаете, что описание очень неточное;
- 2 – если вы чувствуете, что вас описывают немного точнее;
- 3 – если вы уже чувствуете, что вас описывают относительно точно;
- 4 – если вы чувствуете, что вас очень точно описывают.

Исключением являются компоненты активации воли. Они сформулированы таким образом, что более высокие оценки соответствуют менее компетентному самоуправлению. Чтобы получить показания, которые могут быть объединены с другими показаниями в анкете, ответы должны быть сначала перекодированы. Перекодирование выполняется: $4 = 1; 3 = 2; 2 = 3, 1 = 4$.

Используя стандартную форму FDSK, можно сформировать 2 группы с умственными и физическими компетенциями, причем в итоге в анализе и интерпретации используются все 15 компетенций.

Три аспекта физической активации являются результатом независимых исследований. Их показания не могут быть объединены с показаниями аспектов умственного самоконтроля, поскольку они в оригинальной методике были получены из разных исследовательских групп.

В оригинальной методике для категориальной классификации показателей были рассчитаны квартили по всем аспектам самоконтроля, а также по общей компетенции умственного самоконтроля, что позволило идентифицировать области с низкой, средней и высокой компетенцией (Приложение 1).

Таблица 1.

Группировка исследуемых компетенций

Группа компетенций	Подгруппа компетенций	Компетенции
Общая компетентность в умственном самоуправлении (35 утверждений)	конструктивное мышление (15 утверждений)	время и планирование действий (5 утверждений)
		активация воли (5 утверждений)
		постановка целей и достижение целей (5 утверждений)
	внутреннее вознаграждение (10 утверждений)	регулирование эмоций (5 утверждений)
		самомотивация (5 утверждений)
		контроль поведения (5 утверждений)
эффективное поведение (10 утверждений)	внешняя среда (5 утверждений)	
	Физическая энергия (15 утверждений)	физические упражнения (5 утверждений)
		формирование питания (5 утверждений)
		расслабление (5 утверждений)

Устойчивая 15-ти факторная структура была установлена с помощью эксплораторного факторного анализа при использовании метода главных компонент и в дальнейшем подтверждена конфирматорным факторным анализом. Выявленная структура теста объясняет 72% общей дисперсии, что указывает на достаточно высокое качество факторной структуры.

Конструктивная, дивергентная и прогностическая валидность теста были установлены путем оценки корреляций каждого из 15 установленных факторов с методиками, оценивающими особенности самодетерминации, прокрастинации, личностные особенности, эмоционального интеллекта и совладающего поведения. При определении конструктивной валидности использовались методика «Самодетерминация личности» К. Шелдона, модифицированная Е.Н. Осиним и опросник «Шкала прокрастинации». Для подтверждения конвергентной валидности был использован опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации НИПНИ им. Бехтерева (Методика для психологической диагностики способов совладания..., 2009) Для выявления прогностической валидности были использованы личностный опросник «Big Five» и тест на определение уровня эмоционального интеллекта (N. Hall).

Процедура адаптации русскоязычной версии теста на определение уровня самолидерства (Günter F. Müller).

Статистическая обработка данных проведена в программе IBM SPSS Statistics 22.0 с применением коэффициента α Кронбаха, корреляционного анализа Пирсона, теста двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана, эксплораторного факторного анализа (ЭФА) с использованием метода главных компонент и вращения варимакс. Конфирматорный факторный анализ (КФА) проводился с использованием пакета IBM SPSS Amos для программы IBM SPSS Statistics 22.0.

1. Тестирование проводилось в комплексе из 6 опросников:
2. Личностный опросник «Big Five».
3. Опросник «Шкала прокрастинации».
4. Тест на определение уровня самолидерства (Günter F. Müller).
5. Шкала «Самодетерминация личности» К. Шелдона, модифицированная Е.Н. Осиним.
6. Тест на определение уровня совладающего поведения (Р. Лазарус).
7. Тест на определение уровня эмоционального интеллекта (Н. Холл).

Для доказательства конструктивной, дивергентной и прогностической валидности были оценены коэффици-

енты корреляции баллов по шкалам теста на определение самолидерства с показателями по шкалам перечисленных опросников.

Результаты адаптации опросника

Оценка структуры методики

Факторная структура русскоязычной адаптированной версии методики Günter F. Müller на определение уровня самолидерства по 15 компетенциям прошла оценку с помощью эксплораторного факторного анализа (ЭФА) с использованием метода главных компонент и способом вращения варимакс и конфирматорного факторного анализа (КФА).

Анализ структуры опросника с использованием всех пунктов 15 извлеченных факторов описывают 72% дисперсии. Также были получены факторные нагрузки, которые находились в пределах 0,68-0,82.

В результате проведенного анализа ЭФА, выявлено, что первый фактор описывает 20,6% общей дисперсии, что является доминирующим процентом, при этом можно его интерпретировать данный фактор, как «Общая компетентность в умственном самоуправлении». Фактор 2 описывает 11,3% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Внутреннее вознаграждение». Фактор 3 описывает 8,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Конструктивное мышление». Фактор 4 описывает 6,9% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Время и планирование действий». Фактор 5 описывает 6,8% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Постановка целей и достижение целей». Фактор 6 описывает 6,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Активация воли». Фактор 7 описывает 6% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Самомотивация». Фактор 8 описывает 5,8% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Регулирование эмоций». Фактор 9 описывает 5,6% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Эффективное поведение». Фактор 10 описывает 4,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Контроль поведения». Фактор 11 описывает 4,4% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Внешняя среда». Фактор 12 описывает 4,3% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Физическая энергия». Фактор 13 описывает 3,2% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Расслабление». Фактор 14 описывает 3,1% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Физические упражнения». Фактор 15 описывает 2,5% общей дисперсии, который можно интерпретировать, как «Формирование питания».

Далее для доказательства выявленной структуры российской версии опросника был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА). КФА или Structural Equation Modeling (SEM) осуществляли с помощью программы IBM SPSS Amos 22.0. В качестве метода оценки степени соответствия теоретической модели экспериментальным данным были использованы индексы (Наследов А.Д., 2013; Bentler P.M., Bonnett D.G., 1980; Hoyle R.H., Panter A.T., 1995; Kline R.B., 2011): (1) CMIN (df) – χ^2 для заданного числа степеней свободы – на хорошее соответствие модели указывают значения < 2 ; (2) CFI (comparative fit index) – сравнительный критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели; (3) GFI (the goodness-of-fit index) – критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели; (4) NNFI (the non-normed fit index) – критерий согласия с поправкой на ненормальность распределения – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соответствие модели; (5) IFI (incremental fit index) – инкрементный критерий согласия – на хорошее соответствие модели указывают значения в пределах от 0 до 1, чем ближе к 1, тем лучше соот-

ветствие модели; (6) RMSEA (the root mean-square error of approximation) – квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации – на хорошее соответствие модели указывают значения RMSEA в пределах 0,08-0,05.

Результаты конфирматорного факторного анализа для российской версии опросника самолидерства показали хорошее соответствие модели: CMIN=65,9; df=42; CMIN/DF=1,6; GFI=0,89; NNFI=0,91; IFI=0,91; CFI=0,99. Также критерий RMSEA=0,07 также показал высокое соответствие модели.

Полученные результаты свидетельствуют о высоком соответствии русскоязычной версии опросника ее оригинальной теоретической модели. Эмпирические данные, полученные на российской выборке, соответствуют исходной модели с 15 компетенциями и поэтому корректировка модели не потребовалась.

Оценка надежности

Оценка надежности опросника, как оценка согласованности пунктов опросника, а также пунктов, входящих в состав каждой шкалы, производилась путем расчета коэффициента α Кронбаха. Согласованность для всех пунктов русскоязычной версии теста, что соответствует

Таблица 2.

Критерии согласия для модели адаптированного опросника по самолидерству (Günter F. Müller)

Варианты опросника	CMIN	df	CMIN/DF	GFI	NNFI	IFI	CFI
Российский вариант опросника	65,9	42	1,6	0,89	0,93	0,91	0,99

Таблица 3.

Показатели согласованности компетенций опросника для определения уровня самолидерства

Шкалы	Н элементов	α Кронбаха (для российской версии)
Общая компетентность в умственном самоуправлении	35	0,91
Конструктивное мышление	15	0,81
Время и планирование действий	5	0,74
Активация воли	5	0,76
Постановка целей и достижение целей	5	0,80
Внутреннее вознаграждение	10	0,79
Регулирование эмоций	5	0,70
Самотивация	5	0,73
Эффективное поведение	10	0,76
Контроль поведения	5	0,70
Внешняя среда	5	0,75
Физическая энергия	15	0,88
Физические упражнения	5	0,87
Формирование питания	5	0,73
Расслабление	5	0,70

общему показателю самолидерства, составила $\alpha = 0,898$, что является достаточно хорошим результатом. Результаты оценки согласованности пунктов опросника, входящих в состав каждой компетенции, представлены в таблице 3.

В результате проверки шкал на согласованность, было получено, что α Кронбаха всех 15 исследуемых компетенций превысила 0,70, что соответствует высокой согласованности пунктов опросника, входящих в состав этих компетенций.

Оценка ретестовой надежности опросника, как устойчивости результатов теста, проведена после повторного тестирования 300 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет (207 женщин и 83 мужчины) с помощью адаптированного опросника самолидерства. Интервалы между двумя тестированиями составили 6 месяцев.

Ретестовая надежность оценивалась с помощью теста двух половин с вычислением коэффициента корреляции Спирмена-Брауна и коэффициента Гуттмана, которые являются мерой согласованности пунктов опросника при первичном тестировании и ретесте, при этом матрица результатов разбивается на две половины таким образом, что оценки первого тестирования являются показателями одной половины теста, а оценки ретеста – показателями второй половины теста, а между ними были

рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена-Брауна.

Для расчета ретестовой надежности были рассмотрены 15 выделенных компетенций, доказанных путем проведения анализов ЭФА и КФА.

Коэффициент α Кронбаха при расщеплении выборки пополам показывает достаточно хорошую согласованность, коэффициенты корреляции Спирмена-Брауна между оценками первичного тестирования и ретеста находятся в диапазоне от 0,77 до 0,91, а коэффициент надежности Гуттмана находится в диапазоне 0,8-0,93, что указывает на достаточно высокую надежность русскоязычной адаптированной версии немецкого опросника самолидерства.

Оценка конструктивной валидности теста

При определении конструктивной валидности рассчитывались корреляции Пирсона между компетенциями самолидерства и уровнем самодетерминации и прокрастинации.

Уровень самодетерминации исследовался с помощью методики «Самодетерминация личности» К. Шелдона, модифицированная Е.Н. Осиным (Osин E., Boniwell I., 2010), которая содержит три субшкалы: «самотожде-

Таблица 4.

Результаты оценки ретестовой надежности опросника самолидерства

Шкалы	α Кронбаха		Коэффициент Спирмена-Брауна	Коэффициент Гуттмана
	Часть 1	Часть 2		
Общая компетентность в умственном самоуправлении	0,73	0,81	0,81	0,8
Конструктивное мышление	0,75	0,77	0,77	0,92
Время и планирование действий	0,77	0,81	0,82	0,86
Активация воли	0,91	0,89	0,83	0,88
Постановка целей и достижение целей	0,93	0,91	0,87	0,90
Внутреннее вознаграждение	0,78	0,76	0,79	0,84
Регулирование эмоций	0,79	0,72	0,81	0,87
Самотивация	0,93	0,91	0,89	0,85
Эффективное поведение	0,72	0,91	0,86	0,82
Контроль поведения	0,87	0,81	0,86	0,79
Внешняя среда	0,77	0,86	0,83	0,83
Физическая энергия	0,86	0,88	0,85	0,85
Физические упражнения	0,94	0,92	0,90	0,93
Формирование питания	0,78	0,73	0,78	0,87
Расслабление	0,88	0,93	0,91	0,84

ственность», «самовыражение» и «воспринимаемый выбор», а также их среднее арифметическое представляющее собой «индекс самодетерминации», что позволяет оценить степень того, насколько человек самостоятелен в определении своего жизненного сценария.

Методика диагностики прокрастинации предназначена для определения степени выраженности откладывающего поведения в повседневной жизни.

Проведенный корреляционный анализ Пирсона показал, что аутентичность положительно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми компетенциями самолидерства: «Общая компетентность в умственном самоуправлении» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$), «Конструктивное мышление» ($r = 0,39$ при $p < 0,01$), «Время и планирование действий» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Активация воли» ($r = 0,37$ при $p < 0,01$), «Постановка целей и достижение целей» ($r = 0,31$ при $p < 0,01$), «Внутреннее вознаграждение» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Регулирование эмоций» ($r = 0,27$ при $p < 0,01$), «Эффективное поведение» ($r = 0,12$ при $p < 0,05$), «Внешняя среда» ($r = 0,19$ при $p < 0,05$), «Физическая энергия» ($r = 0,18$ при $p < 0,01$), «Физические упражнения» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Формирование питания» ($r = 0,14$ при $p < 0,01$). Из этого следует, что более развитый уровень самолидерства, а именно, общая компетентность в умственном самоуправлении, конструктивное мышление, время и планирование действий, активация воли, постановка целей и достижение целей, внутреннее вознаграждение, регулирование эмоций, эффективное поведение, внешняя среда, физическая энергия, физические упражнения, формирование питания, будет сопровождаться высоким уровнем аутентичности.

Шкала «Самовыражение» значимо ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) коррелирует практически со всеми компетенциями самолидерства: «Общая компетентность в умственном самоуправлении» ($r = 0,49$ при $p < 0,01$), «Конструктивное мышление» ($r = 0,56$ при $p < 0,01$), «Время и планирование действий» ($r = 0,29$ при $p < 0,01$), «Активация воли» ($r = 0,52$ при $p < 0,01$), «Постановка целей и достижение целей» ($r = 0,45$ при $p < 0,01$), «Внутреннее вознаграждение» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$), «Регулирование эмоций» ($r = 0,42$ при $p < 0,01$), «Самотивация» ($r = 0,11$ при $p < 0,05$), «Эффективное поведение» ($r = 0,22$ при $p < 0,01$), «Контроль поведения» ($r = 0,17$ при $p < 0,01$), «Внешняя среда» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Физическая энергия» ($r = 0,33$ при $p < 0,01$), «Физические упражнения» ($r = 0,42$ при $p < 0,01$), «Формирование питания» ($r = 0,24$ при $p < 0,01$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидерства, а именно, общая компетентность в умственном самоуправлении, конструктивное мышление, время и планирование действий, активация воли, постановка целей и достижение целей, внутреннее вознаграждение, регулирование эмоций, самотивация, эффективное поведение, кон-

троль поведения, внешняя среда, физическая энергия, физические упражнения, формирование питания, будет сопровождаться высоким уровнем самовыражения.

Шкала «Воспринимаемый выбор» положительно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) со всеми компетенциями самолидерства: «Общая компетентность в умственном самоуправлении» ($r = 0,36$ при $p < 0,01$), «Конструктивное мышление» ($r = 0,39$ при $p < 0,01$), «Время и планирование действий» ($r = 0,23$ при $p < 0,01$), «Активация воли» ($r = 0,31$ при $p < 0,01$), «Постановка целей и достижение целей» ($r = 0,35$ при $p < 0,01$), «Внутреннее вознаграждение» ($r = 0,18$ при $p < 0,01$), «Регулирование эмоций» ($r = 0,22$ при $p < 0,01$), «Самотивация» ($r = 0,12$ при $p < 0,05$), «Эффективное поведение» ($r = 0,26$ при $p < 0,01$), «Контроль поведения» ($r = 0,23$ при $p < 0,01$), «Внешняя среда» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Физическая энергия» ($r = 0,18$ при $p < 0,01$), «Физические упражнения» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), «Формирование питания» ($r = 0,13$ при $p < 0,05$), «Расслабление» ($r = 0,11$ при $p < 0,05$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидерства, а именно, общая компетентность в умственном самоуправлении, конструктивное мышление, время и планирование действий, активация воли, постановка целей и достижение целей, внутреннее вознаграждение, регулирование эмоций, самотивация, эффективное поведение, контроль поведения, внешняя среда, физическая энергия, физические упражнения, формирование питания, расслабление, будет сопровождаться высоким уровнем развитого воспринимаемого выбора.

Шкала «Индекс самодетерминации» положительно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкалами самолидерства: «Общая компетентность в умственном самоуправлении» ($r = 0,51$ при $p < 0,01$), «Конструктивное мышление» ($r = 0,57$ при $p < 0,01$), «Время и планирование действий» ($r = 0,32$ при $p < 0,01$), «Активация воли» ($r = 0,51$ при $p < 0,01$), «Постановка целей и достижение целей» ($r = 0,48$ при $p < 0,01$), «Внутреннее вознаграждение» ($r = 0,30$ при $p < 0,01$), «Регулирование эмоций» ($r = 0,38$ при $p < 0,01$), «Самотивация» ($r = 0,16$ при $p < 0,01$), «Эффективное поведение» ($r = 0,27$ при $p < 0,01$), «Контроль поведения» ($r = 0,19$ при $p < 0,01$), «Внешняя среда» ($r = 0,26$ при $p < 0,01$), «Физическая энергия» ($r = 0,29$ при $p < 0,01$), «Физические упражнения» ($r = 0,35$ при $p < 0,01$), «Формирование питания» ($r = 0,21$ при $p < 0,01$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидерства, а именно, общая компетентность в умственном самоуправлении, конструктивное мышление, время и планирование действий, активация воли, постановка целей и достижение целей, внутреннее вознаграждение, регулирование эмоций, самотивация, эффективное поведение, контроль поведения, внешняя среда, физическая энергия, физические упражнения, формирование питания, будет сопровождаться высоким

Таблица 5.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самодидерства и опросниками на уровень самодетерминации и прокрастинации (n=329)

Шкалы	Аутентичность	Самовыражение	Воспринимаемый выбор	Индекс самодетерминации	Прокрастинация
Общая компетентность в умственном самоуправлении	0,33**	0,49**	0,36**	0,51**	-0,53**
Конструктивное мышление	0,39**	0,56**	0,39**	0,57**	-0,72**
Время и планирование действий	0,21**	0,29**	0,23**	0,32**	-0,52**
Активация воли	0,37**	0,52**	0,31**	0,51**	-0,64**
Постановка целей и достижение целей	0,31**	0,45**	0,35**	0,48**	-0,49**
Внутреннее вознаграждение	0,21**	0,33**	0,18**	0,30**	-0,18**
Регулирование эмоций	0,27**	0,42**	0,22**	0,38**	-0,37**
Самотивация	0,08	0,11*	0,11*	0,16**	0,05
Эффективное поведение	0,12*	0,22**	0,26**	0,27**	-0,24**
Контроль поведения	0,02	0,17**	0,23**	0,19**	-0,23**
Внешняя среда	0,19*	0,21**	0,21**	0,26**	-0,17**
Физическая энергия	0,18**	0,33**	0,18**	0,29**	-0,31**
Физические упражнения	0,21**	0,42**	0,21**	0,35**	-0,38**
Формирование питания	0,14**	0,24**	0,13*	0,21**	-0,28**
Расслабление	0,05	0,06	0,11*	0,08	-0,03

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 6.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самодидерства и опросником «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (n=329)

Переменные	Совладающее поведение							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Общая компетентность в умственном самоуправлении	0,11*	-0,05	0,18**	0,17**	-0,09	-0,2**	0,49**	0,40**
Конструктивное мышление	-0,05	-0,14**	0,05	-0,03	-0,23**	-0,4**	0,45**	0,25**
Время и планирование действий	0,04	-0,05	0,13**	0,07	-0,07	-0,17**	0,34**	0,16**
Активация воли	-0,24**	-0,22**	-0,14**	-0,14**	-0,33**	-0,46**	0,23**	0,04
Постановка целей и достижение целей	0,08	-0,04	0,13**	0,02	-0,13*	-0,28**	0,47**	0,37**
Внутреннее вознаграждение	0,22**	0,04	0,26**	0,32**	0,10	0,07	0,38**	0,41**
Регулирование эмоций	-0,01	-0,03	0,09	0,09	-0,11*	-0,23**	0,37**	0,33**
Самотивация	0,33**	0,09	0,3**	0,39**	0,24**	0,29**	0,24**	0,32**
Эффективное поведение	0,19**	0,02	0,19**	0,19**	-0,01	-0,01	0,33**	0,34**
Контроль поведения	0,14**	0,02	0,15**	0,13**	-0,04	-0,09	0,35**	0,30**
Внешняя среда	0,17**	0,01	0,16**	0,19**	0,03	0,07	0,20**	0,26**
Физическая энергия	0,05	-0,03	0,09	0,19**	-0,04	-0,12**	0,33**	0,36**
Физические упражнения	-0,04	-0,07	0,02	0,02	-0,14**	-0,26**	0,31**	0,23**
Формирование питания	0,05	-0,07	0,03	0,17**	-0,02	-0,10	0,25**	0,26**
Расслабление	0,13**	0,10	0,19**	0,29**	0,09	0,12**	0,20**	0,38**

Примечание: 1 – конфронтационный копинг; 2 – дистанцирование; 3 – самоконтроль; 4 – поиск социальной поддержки; 5 – принятие ответственности; 6 – бегство-избегание; 7 – планирование решения проблемы; 8 – положительная переоценка; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника самодидерства и личностным опросником и эмоциональным интеллектом, (n=329)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Общая компетентность в умственном самоуправлении	0,40**	0,2**3	0,50**	-0,44**	0,20**	0,33**	0,48**	0,55**	0,37**	0,41**	0,58**
Конструктивное мышление	0,37**	0,21**	0,67**	-0,58**	0,02	0,13*	0,59**	0,57**	0,25**	0,33**	0,53**
Время и планирование действий	0,15*	0,06	0,50**	-0,31**	-0,04	0,15*	0,32**	0,34**	0,20**	0,24**	0,34**
Активация воли	0,26**	0,22**	0,54**	-0,53**	-0,10	-0,04	0,48**	0,42**	0,08	0,17**	0,33**
Постановка целей и достижение целей	0,41**	0,19**	0,48**	-0,48**	0,18**	0,20**	0,53**	0,56**	0,30**	0,35**	0,53**
Внутреннее вознаграждение	0,29**	0,21**	0,19**	-0,19**	0,31**	0,38**	0,23**	0,34**	0,36**	0,35**	0,43**
Регулирование эмоций	0,29**	0,32**	0,34**	-0,41**	0,21**	0,30**	0,45**	0,47**	0,36**	0,36**	0,53**
Самотивация	0,18**	0,03	-0,02	0,08	0,28**	0,29**	-0,06	0,10	0,22**	0,20**	0,18**
Эффективное поведение	0,30**	0,12*	0,23**	-0,19**	0,24**	0,36**	0,24**	0,34**	0,32**	0,32**	0,41**
Контроль поведения	0,30**	0,11	0,24**	-0,22**	0,17**	0,30**	0,30**	0,33**	0,24**	0,29**	0,39**
Внешняя среда	0,20**	0,09	0,13*	-0,09	0,22**	0,29**	0,11	0,24**	0,28**	0,24**	0,30**
Физическая энергия	0,34**	0,26**	0,29**	-0,27**	0,24**	0,29**	0,35**	0,34**	0,25**	0,33**	0,42**
Физические упражнения	0,36**	0,22**	0,32**	-0,37**	0,13*	0,19**	0,42**	0,39**	0,18**	0,32**	0,41**
Формирование питания	0,27**	0,25**	0,30**	-0,20**	0,18**	0,21**	0,26**	0,25**	0,23**	0,24**	0,32**
Расслабление	0,13*	0,13*	0,02	-0,02	0,29**	0,29**	0,10	0,11	0,17**	0,19**	0,22**

Примечание: 1 – Экстраверсия - Интроверсия; 2 – Привязанность - Обособленность; 3 – Самоконтроль - Импульсивность; 4 – Эм устойчивость – Эм неустойчивость; 5 – Экспрессивность - Практичность; 6 – Эмоциональная осведомленность; 7 – Управление своими эмоциями; 8 – Самотивация; 9 – Эмпатия; 10 – Управление эмоциями других людей.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

уровнем развитого индекса самодетерминации.

Шкала «Прокрастинация» отрицательно коррелирует ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) практически со всеми шкалами самолидерства: «Общая компетентность в умственном самоуправлении» ($r = -0,53$ при $p < 0,01$), «Конструктивное мышление» ($r = -0,72$ при $p < 0,01$), «Время и планирование действий» ($r = -0,52$ при $p < 0,01$), «Активация воли» ($r = -0,64$ при $p < 0,01$), «Постановка целей и достижение целей» ($r = -0,49$ при $p < 0,01$), «Внутреннее вознаграждение» ($r = -0,18$ при $p < 0,01$), «Регулирование эмоций» ($r = -0,37$ при $p < 0,01$), «Эффективное поведение» ($r = -0,24$ при $p < 0,01$), «Контроль поведения» ($r = -0,23$ при $p < 0,01$), «Внешняя среда» ($r = -0,17$ при $p < 0,01$), «Физическая энергия» ($r = -0,31$ при $p < 0,01$), «Физические упражнения» ($r = -0,38$ при $p < 0,01$), «Формирование питания» ($r = -0,28$ при $p < 0,01$), что говорит о том, что более развитый уровень самолидерства, а именно, общая компетентность в умственном самоуправлении, конструктивное мышление, время и планирование действий, активация воли, постановка целей и достижение целей, внутреннее вознаграждение, регулирование эмоций, эффективное поведение, контроль поведения, внешняя среда, физическая энергия, физические упражнения, формирование питания, будет сопровождаться низким уровнем прокрастинации.

Таким образом, полученные результаты логичны и доказывают конструктивную валидность адаптированного опросника самолидерства.

Оценка конвергентной валидности теста

Для подтверждения конвергентной валидности был использован опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации НИПНИ им. Бехтерева, который состоит из 50 утверждений, группируемых в 8 шкал: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблем, положительная переоценка.

Анализируя полученные взаимосвязи компетенций в опроснике самолидерства и способов совладающего поведения, можно прийти к выводу, что самолидерство в основном положительно коррелирует с адаптивными формами совладающего поведения (конфирмативный копинг, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка) и отрицательно коррелирует с неадаптивными формами совладающего поведения – дистанцированием и бегство-избеганием,

причем с дистанцированием самолидерство связано очень слабо. Конфронтационный копинг может проявляться как адаптивный и неадаптивный копинг, однако, несмотря на кажущуюся неадаптивность конфронтации, все же она обеспечивает способность личности к сопротивлению трудностям, энергичность и предприимчивость при разрешении проблемных ситуаций, умение отстаивать собственные интересы.

Таким образом, опросник самолидерства на эмпирическом уровне эффективно различает группы индивидов с различным уровнем стремления к самолидерству, использующих при этом адаптивные или неадаптивные стратегии совладающего поведения.

Оценка прогностической валидности теста

Для подтверждения прогностической валидности адаптированного опросника самолидерства были использованы личностный опросник «Big Five» и тест на определение уровня эмоционального интеллекта (N. Hall).

Было доказано, что исследуемые 15 компетенций самолидерства в основном достаточно сильно и положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как экстраверсия, привязанность, самоконтроль, экспрессивность и отрицательно коррелирует с уровнем эмоциональной неустойчивости. К тому же, компетенции самолидерства положительно коррелируют со всеми показателями эмоционального интеллекта. Даже компетенция «Активация воли», имея обратную шкалу, также положительно связана с эмоциональным интеллектом, что свидетельствует о более приемлемом низком уровне выраженности воли для эмоционального интеллекта. Таким образом, было доказано, что люди с более высоким уровнем самолидерства, кроме компетенции активация воли (она должна быть на низком

уровне) будут проявлять более высокий уровень эмоционального интеллекта, к которому относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими, как собственные эмоции субъекта, так и эмоции других людей, что делает людей более успешными. При этом люди с более развитым уровнем самолидерства будут проявлять более выраженную склонность к активным социальным контактам, что выражается в коммуникабельности, активной разговорчивости с разными людьми и общительности, более позитивное отношение человека к людям, высокую добросовестность и сознательность, сочетающаяся с хорошим самоконтролем, со стремлением к утверждению общечеловеческих ценностей, более развитую самодостаточность, уверенность в своих силах, к тому же данные респонденты легко могут удовлетворять свое любопытство, проявляя интерес к различным сторонам жизни.

Исходя из проведенного корреляционного анализа была доказана конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность адаптированного опросника Günter F. Müller на выявления уровня самолидерства.

Заключение

В результате процесса адаптации оригинальной версии теста на определение уровня самолидерства (Günter F. Müller), была доказана высокая надежность российской версии опросника самолидерства, определена структура, которая соответствует структуре оригинальной версии. Были доказаны конструктивная, конвергентная и прогностическая валидность.

Таким образом, опросник самолидерства предназначен для выявления уровня стремления личности к саморегулированию, самосовершенствованию, личностному росту.

Приложение 1.

Интерпретация состояний самовыражения

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Планирование времени и действий	При низких значениях человек склонен к несистематичности в организации времени и процессов. Причиной может быть незнание или чрезмерная требовательность при самостоятельном планировании и решении задач. Редко помогает передача технических и стратегических знаний. Большого самоуправления обычно невозможно достичь без поддержки наставника или постоянной работы с конкретными проектами.	Время и действия уже спланированы таким образом, что результаты в основном удовлетворительны. Однако нередко бывает так, что не удается эффективно противостоять нехватке времени и потенциальным препятствиям при планировании. Используя визуальное воображение и психологические тесты, можно увеличить использование и организацию рабочего времени и повысить эффективность планирования действий.	Независимое планирование времени и действий находится на высоком уровне, равно как и управление и контроль умственных процессов, которые сопровождают выполнение рабочих задач и проблемы принятия решений. Если передать глубокое знание психологических механизмов управления действиями, это может расширить и углубить интуитивное понимание самоуправления с помощью рефлексивных элементов.

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Активизация силы воли	<p>Если активизация воли невелика, людям будет сложно продвигать проекты вперед. Если возникают трудности, люди часто не уделяют должного внимания тому, что они могут или должны делать сами. Им легко отвлечься или заняться более приятными делами.</p> <p>Само по себе обучение стратегии вряд ли поможет улучшить активацию и контроль силы воли. Упражнения, помогающие справиться с разочарованием, могут обещать лучшие результаты, как и побуждение людей делиться своими планами, чтобы они чувствовали себя более обязанными оставаться активными и сосредоточенными.</p>	<p>Во многих случаях уже можно соответствующим образом активировать силу воли. Иногда, однако, доза активации воли оставляет желать лучшего или сила воли иссякает, потому что она активируется в неподходящее время. Поэтому проекты могут застопориться или быть менее успешными.</p> <p>Поскольку активация силы воли не всегда оптимальна, можно внести улучшения, например, научить людей мысленно продумывать план наперед перед конкретными проектами, чтобы они понимали, какие трудности могут возникнуть и какие стратегии помогут с ними справиться.</p>	<p>Людям легко активировать силу воли и использовать ее по мере необходимости, чтобы справляться с трудностями или преодолевать препятствия. Эффективный мысленный контроль обычно обеспечивает успешное завершение проектов. Чрезмерная или чрезмерно контролируемая активация силы воли может стать помехой. По этой причине людям было бы хорошо посоветовать обращать внимание на внутренние оговорки и не слишком часто преднамеренно игнорировать свои собственные потребности.</p>
Постановка целей и их достижение	<p>Обычно у человека возникают большие проблемы с конкретным представлением о том, чего он хочет и как реализовать его желания.</p> <p>Неясная постановка целей и неэффективное их достижение часто влияют друг на друга и вдвое затрудняют быстрое продвижение проектов.</p> <p>Первым шагом на пути к более эффективному размышлению о постановке и достижении ваших собственных целей может быть формулирование этих целей как можно более разумно или таким образом, чтобы они казались конкретными, измеримыми, приемлемыми, реалистичными и своевременными.</p>	<p>В целом, у людей уже есть достаточно четкие цели. Однако при их достижении используемые стратегии часто таковы, что успех проектов в большей степени зависит от внешних условий и меньше – от собственных инициатив.</p> <p>Одна из возможностей улучшить отслеживание целей – это формулировка намерений реализации (когда, где, как, с кем?). Это упрощает приближение к верным целям, а также позволяет быстрее преодолевать препятствия, которые могут возникнуть.</p>	<p>Есть четкие цели и хорошо проработанные представления о том, как их можно достичь. Люди ставят перед собой амбициозные, но в то же время реалистичные цели и применяют стратегии, с помощью которых они могут реализовать свои цели самостоятельно.</p> <p>Несмотря на наличие сильных сторон, не следует игнорировать тот факт, что естественные пределы индивидуального потенциала и ресурсов также могут привести к ограничениям при выборе и достижении собственных целей.</p>
конструктивное мышление	<p>Плохо разработанное планирование времени и действий, слабая активация воли и неразвитая постановка целей – это в основном компоненты отношения, которое можно описать как «размышления о препятствиях». Преобладает убеждение, что возможности для собственного влияния ограничены, изменения кажутся угрожающими и что принятие на себя ответственности часто является слишком большим риском.</p> <p>Изменение основных убеждений с помощью краткосрочного вмешательства (передача знаний, обучение) обычно не очень перспективно. Коучинговые диалоги могут быть способом ознакомить людей с часто неосознаваемыми убеждениями и инициировать процессы, которые способствуют переориентации мышления.</p>	<p>Конструктивное мышление присутствует преимущественно. Существует также относительно оптимистичное отношение к оценке возможностей достижения желаемых результатов посредством личного планирования, постановки целей и принятия решений. Однако в случае новых требований и неопределенных последствий действий пессимистические идеи всегда могут взять верх.</p> <p>Средние выражения в основном состоят из сильных и слабых сторон конструктивного мышления. Было бы целесообразно сначала развить существующие сильные стороны, чтобы осуществить переход к более слабым аспектам конструктивного мышления и использовать компенсирующие эффекты сильных сторон.</p>	<p>Очень хорошее планирование времени и действий, оптимальная активация воли и успешная постановка целей характеризуют настрой, характерный для ярко выраженного «размышления о возможностях». Преобладают убеждения, которые помогают развить уверенность в себе, чтобы иметь возможность находить собственные решения для задач и проблем.</p> <p>Несмотря на преимущественно положительные эффекты конструктивного мышления, оно может иметь отрицательные последствия, если люди склонны переоценивать свои собственные возможности и потенциал. В этом случае супервизия будет подходом, который поможет людям достичь более реалистичного оптимизма.</p>

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
контроль эмоций	<p>Людам редко удается сознательно контролировать и регулировать собственные эмоциональные реакции. Им также трудно получать удовольствие от работы как таковой. На их эмоциональные реакции в первую очередь влияют внешние раздражители и триггеры.</p> <p>Если эмоциональная регуляция слаба, начало обучения эмоциональному самоконтролю не будет многообещающим. Более перспективным будет сначала научить людей осознанно воспринимать чувства, которые сопровождают работу, и открывать источники положительных эмоций на работе.</p>	<p>Есть определенная степень эмоционального самоконтроля, а часто также способность адекватно регулировать и контролировать эмоции. Однако иногда эмоциональные реакции по-прежнему контролируются извне или упускаются возможности испытать радость на работе.</p> <p>Существует интуитивное базовое понимание эмоциональной саморегуляции. Опираясь на это, люди могут получить поддержку в выявлении возможных причин периодического нарушения регуляции эмоциональных реакций и в поиске стратегий регулирования, более подходящих для ситуации.</p>	<p>У людей хорошо развита регуляция и контроль эмоций. Им легко контролировать эмоции таким образом, чтобы это поддерживало их собственные инициативы и помогало позитивно и удовлетворительно воспринимать рабочие ситуации.</p> <p>Недостатком может быть то, что регулирование эмоций вызывает соблазн контролировать все формы аффективной спонтанности. Искусство сознательного регулирования эмоций также состоит в том, чтобы знать, когда может быть уместно оставить главную роль своим собственным эмоциям.</p>
Самомотивация	<p>Основная проблема обычно заключается в том, что на готовность людей проявлять себя почти исключительно влияют внешние стимулы. Интенсивность, направление и поддержание деятельности обычно определяются другими людьми и редко являются результатом личной инициативы.</p> <p>В большинстве случаев люди социализировались очень зависимыми, поэтому им трудно избежать влияния внешних стимулов и внешних мотиваторов. Поэтому часто многое делается для того, чтобы побудить их задуматься над мотивами, лежащими в основе их действий, и поразмыслить над их истоками.</p>	<p>Уровень мотивации неоднозначен. Некоторые люди умеют мотивировать себя. Их готовность приложить усилия частично зависит от того, что ожидает и обещает профессиональная и непрофессиональная среда с точки зрения вознаграждения.</p> <p>Смешанные мотивационные ситуации дают множество отправных точек для уточнения механизмов самомотивации и передачи стратегий того, как может происходить переход от интуитивно уже успешно применяемых стратегий к результативности и деятельности, сильно зависящим от внешних стимулов</p>	<p>Готовность приложить усилия основывается преимущественно на стимулах и вознаграждениях, которые люди находят или генерируют сами. Это облегчает поддержание мотивации даже для долгосрочных проектов.</p> <p>Невозможно и нежелательно полностью отключиться от внешних раздражителей или хотеть мотивировать себя всегда и везде.</p> <p>Вместе с тем, если проекты представляются разумными лично, на передний план всегда должна выходить самомотивация.</p>
Внутреннее вознаграждение	<p>С эмоциональной и мотивационной точки зрения преобладает «внешнее убеждение в контроле». Возникновение собственных чувств и причин для напряжения чаще всего объясняется внешними обстоятельствами. Очень часто люди могут сделать мало что по собственной инициативе, это часть их самооценки.</p> <p>Естественные награды, которые воспринимаются положительно и стимулируют мотивацию, могут быть обнаружены при дифференцированном восприятии и внимательном наблюдении почти во всех действиях. Повышение осведомленности об этом может, даже в неблагоприятных условиях, помочь людям развить разные взгляды на свои собственные эмоции и мотивы.</p>	<p>В случае средних значений одновременно преобладают разные убеждения в отношении контроля. Таким образом, люди могут в достаточной мере мотивировать себя, но им трудно контролировать свои чувства. Или они хорошо ладят с эмоциями, но не могут получить доступ к источникам вознаграждения, которые находятся под их собственным контролем.</p> <p>Чтобы иметь возможность тренировать эффективно, сначала необходимо определить сильные и слабые стороны предыдущего самоуправления. В зависимости от того, что дает диагноз, в центре внимания вмешательств может быть расширение репертуара уже хорошо функционирующих стратегий и использование их потенциала передачи.</p>	<p>В случае сильных выражений эмоций и мотивации преобладает «убеждение во внутреннем контроле». Чувства и усилия, способствующие достижению результатов, воспринимаются как сознательно активируемые психологические ресурсы, а полученные результаты объясняются собственными способностями.</p> <p>Поскольку существует обширный репертуар стратегий внутреннего вознаграждения, акцент во вмешательствах может быть направлен на более точное и гибкое применение стратегий. Кроме того, следует задуматься об опасностях «чрезмерной самоуверенности» и переоценки собственных возможностей.</p>

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Устройство/ Формирование среды	<p>На низком уровне людям трудно отказаться от привычного распорядка и развить инициативу для приобретения нового поведения. Сопротивление переменам может быть настолько большим, что люди также оказывают значительное сопротивление сильному давлению с целью адаптации.</p> <p>Поскольку отказ от привычек или изменение собственного поведения часто может вызвать сильный дискомфорт, тренировки поначалу не принесут большого эффекта. Лучше всего начать с размышлений о ситуациях, в которых – в силу обстоятельств или по необходимости – поведение на самом деле уже было успешно изменено.</p>	<p>Людям обычно без особого труда удается адаптировать свое поведение к изменившимся требованиям. Время от времени они проявляют инициативу, чтобы изучить новые виды деятельности или нарушить привычный распорядок поведения. Однако для начала изменений часто требуется внешнее влияние.</p> <p>Некоторые люди уже используют стратегии изменения поведения. Однако применение этих стратегий не всегда является результатом собственных инициатив. Возможности самостоятельно разрабатывать процессы адаптации все еще недостаточно признаны и не используются в полной мере. Их разработка и использование могут быть предметом консультаций.</p>	<p>Сильные проявления соответствуют в основном самопроизвольным изменениям в поведении. У людей есть множество стратегий, с помощью которых они могут вносить коррективы в поведение, необходимые для достижения новых целей или требований.</p> <p>Здесь людей не нужно учить, как успешно изменить собственное поведение. Вместе с тем следует повышать уровень осведомленности о дозированном применении поведенческих стратегий адаптации, потому что в противном случае существует опасность того, что мы будем действовать исключительно по своему усмотрению.</p>
Создание окружающей среды	<p>Для данной ситуации характерно то, что люди проявляют небольшую творческую инициативу и почти не предпринимают никаких действий, чтобы придать своей среде индивидуальный подход. Вместо этого они, как правило, оставляют свое окружение таким, каким они его находят, и приспосабливаются к нему как можно лучше.</p> <p>Навыкам дизайнера нельзя ни научить, ни натаскать за короткий срок. Тенденция принимать обстоятельства окружающей среды такими, какие они есть, может быть очень выраженной. Изменение чего-либо в этом вопросе – длительный процесс, который обычно не очень перспективен без постоянной поддержки.</p>	<p>Дизайнерские инициативы частично узнаваемы. Однако в основном они ограничены отдельными областями окружающей среды. Соответствующие области успешно спроектированы своеобразно и имеют индивидуальный подход, в то время как другие области остаются в основном неизменными.</p> <p>Вмешательства могут основываться на положительном опыте индивидуального дизайнера отдельных областей окружающей среды. Важная отправная точка – это еще раз использовать возникающие возможности для передачи предыдущего опыта.</p>	<p>Сильные характеристики соответствуют дизайнерским начинаниям, которые оставляют узнаваемые следы во многих областях окружающей среды. Людям обычно удается настроить их так, чтобы они соответствовали их индивидуальным потребностям.</p> <p>Имеется достаточная дизайнерская компетенция. Таким образом, в лучшем случае еще можно провести работу по применению конкретных стратегий, чтобы проверить, являются ли их эффекты также полезными, совместимыми и устойчивыми для самой окружающей среды.</p>
Корректировка/ Контроль поведения	<p>В некоторых таких случаях люди предпочитают придерживаться своего обычного поведения и очень редко берут на себя инициативу нарушить установившиеся порядки или повлиять на свою окружающую среду. Они испытывают трудности в развитии своих действий и очень редко проявляют поведенческие импульсы.</p> <p>Вмешательства ни к чему не приводят, если у людей устоялись определенные взгляды в своих поведенческих привычках и удовлетворенность тем, что они оставляют окружающую среду в целом такой, какая она есть.</p> <p>Первый шаг здесь заключается в том, чтобы признать возможность небольших изменений и попытаться убедить людей осуществить их.</p>	<p>Поведенческие инициативы обычно распространяются на определенные области воздействия (личные действия или окружение; физическое или социальное окружение). Здесь люди могут быть очень активными, но вряд ли изменятся в других сферах.</p> <p>На средних уровнях больше возможностей для вмешательства, поскольку люди уже имели положительный опыт изменений и проектных инициатив. Тот факт, что уже существует достаточная осведомленность о проблеме, а также определенная степень стратегической компетентности, облегчает поиск привлекательных вариантов перехода в ранее нетронутые области.</p>	<p>Обладая сильными характеристиками, существует широкий спектр форм поведения, с помощью которых может быть реализована как успешная адаптация к новым требованиям работы, так и основанный на потребностях проектирования профессиональной и непрофессиональной среды.</p> <p>Уже нет необходимости специально обучать стратегии эффективного поведения, поскольку существует самое глубокое понимание психологических механизмов, на которых основан эффективный самоконтроль поведения. Однако опасность слишком произвольных поведенческих изменений и чрезмерного воздействия на окружающую среду.</p>

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
Общая компетентность в психологическом самоуправлении	Общая компетентность психического самоуправления обнаруживает многочисленные недостатки, если она невысока. Однако люди не должны автоматически воспринимать это как бремя. Сила потребности в автономии и самореализации может сильно варьироваться от одного человека к другому. Это также зависит от того, насколько сильно люди хотят узнать о самоуправлении и получить знания о том, как вести себя более компетентно. Стоит ли (и как) работать с людьми, не обладающими навыками самоуправления, зависит от соответствующих требований. В зависимости от потребностей может быть полезно и необходимо поделиться конкретными знаниями, например, с помощью тайм-менеджмента, если это потребует лучшего решения задач на рабочем месте. Однако от дальнейших вмешательств редко можно ожидать стойких эффектов.	Средний уровень компетентности обычно состоит из сильных и слабых аспектов психологического самоуправления. Это нередко отражает индивидуальные особенности человека. В зависимости от того, как выглядят индивидуальные профили сильных и слабых сторон, люди обычно также могут иметь определенные предпочтения в отношении того, какие дополнительные стратегии самоуправления они хотят лучше узнать и использовать. То, что следует тренировать, является результатом индивидуальных профилей сильных и слабых сторон. Было бы желательно изначально спланировать все таким образом, чтобы можно было расширить существующие сильные стороны. В идеале существующие слабые места и недостатки следует рассматривать и устранять только тогда, когда передача хорошо разработанных аспектов самоуправления представляется возможной и многообещающей.	Люди, способные к самоуправлению, обычно также имеют сильную потребность в индивидуальном развитии и психологическом росте. Для этого они интуитивно или на собственном опыте узнали, какие стратегии они должны применять, чтобы иметь возможность удовлетворить свои потребности в автономии. Однако им не обязательно одновременно знать, почему определенные стратегии успешны. Работа с людьми, способными к самоуправлению, - сложная задача. С одной стороны, потому что психологические основы самоуправления не всегда очевидны. С другой стороны, потому что более глубокое чувство самоуправления иногда затрагивает личные основные ценности, а нередко даже духовные идеи.
Физическая активность	Люди ведут в основном малоподвижный образ жизни. Этому также обычно способствует сидячая работа. Люди мало что делают для компенсации существующего дефицита физической активности. Они не занимаются спортом, не ищут возможности заниматься спортом или быть физически активными по собственному желанию. Часто люди справляются с малоподвижностью только тогда, когда возникают физические нарушения, которые сохраняются, поскольку представляют серьезную угрозу для здоровья. Однако медицинские советы и рецепты - это только первый шаг, эффект от которого быстро иссякает в повседневной жизни без дополнительной поддержки.	Средние баллы часто указывают на то, что люди мало задумываются о типе и интенсивности своей физической активности. Они в определенной степени активны в движении, но их физической активности часто не хватает внутренней приверженности и постоянного использования возникающих возможностей. Поскольку существует осведомленность о влиянии физической активности на здоровье и повышение производительности, вмешательства могут быть сосредоточены на том, как преодолеть препятствия между мышлением и действием и как найти способы заниматься регулярной физической активностью.	Люди ведут активный образ жизни, ищут и пользуются возможностями, которые возникают во время и после работы. Они регулярно занимаются спортом или проводят часть своего свободного времени в походах, катании на велосипеде или занятиях в тренажерном зале. Людям не нужна помощь для увеличения физической активности или выполнения подходящей программы упражнений. В лучшем случае им помогут найти подходящий баланс с другими занятиями и избежать физического перенапряжения.
Формирование питания	Лишь немногие думают о своей диете, обычно такие люди характеризуются сомнительными привычками. Часто пища потребляется случайным образом, и постоянно меняется время приема пищи. Также они любят употреблять пищу, которая в долгосрочной перспективе вызывает симптомы дефицита или создает чрезмерную нагрузку на метаболизм организма. Привычки в еде питания изменить	Здоровое питание - это вопрос, который люди иногда учитывают при выборе и потреблении еды и напитков. Однако они не делают этого слишком систематически и сознательно, но склонны к нездоровому питанию и питью спонтанно или под влиянием внешних обстоятельств. Поскольку люди осознают важность здорового питания и того, из чего оно состоит, их не нужно специально информировать о том, что полезно для организма.	Здоровое питание - это всегда осознанная ответственность, которая определяет повседневное поведение в отношении еды и питья. Люди постоянно следят за тем, чтобы их питание было сбалансированным и богатым жизненно важными веществами. В лучшем случае они в умеренных количествах потребляют то, что нагружает обмен веществ (нездоровая пища, сахар, алкоголь). Люди обычно придерживаются здоровой

	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
	обычно очень сложно. Низкая восприимчивость, недостаточная осведомленность о проблемах и отсутствие инициативы делают изменения еще более трудными. Обучение обычно не имеет эффекта, а часто даже дает обратный эффект. Однако положительные импульсы иногда могут исходить от окружающей среды со здоровой пищей и питанием.	С другой стороны, отправной точкой для вмешательств может быть рефлексивная обработка ситуаций, в которых - например, из-за социального давления или отсутствия комфорта - игнорируется то, что хорошо для организма.	и сбалансированной диеты, богатой жизненно важными веществами. Это также включает регулярную проверку того, действительно ли организм получает достаточное питание. Вмешательства могут в лучшем случае решить проблемы и опасности, возникающие в результате потенциально культового подхода к питанию.
Осуществление релаксации	При низких уровнях люди редко интересуются, какие виды релаксации и восстановления на самом деле поддерживают жизнеспособность и эффективность организма. Они используют вещества, оказывающие длительное негативное влияние на здоровье (например, лекарства, алкоголь), или просто соглашаются жить в состоянии постоянного напряжения. Обучение методам релаксации, способствующим укреплению здоровья, обычно терпит неудачу, когда люди считают, что расслабление и активная, динамичная работа и образ жизни несовместимы. Поэтому интерес и инициативу часто можно вызвать только при возникновении серьезных проблем со здоровьем (например, выгорание или сердечно-сосудистые заболевания).	Люди осознают эффект расслабления и физического отдыха, снижающий стресс. Они также пытаются принять контрмеры, если замечают, что переутомлены или физически истощены. Однако используемые стратегии скорее традиционные, например: переехать в сельскую местность или отвлечься во время просмотра телевизора. Поскольку люди положительно относятся к укрепляющим здоровье эффектам физического и психологического расслабления, вмешательства могут быть сосредоточены на расширении их знаний о методах расслабления, разъяснении того, как работают различные техники, и открытии возможностей для обучения правильному использованию отдельных процедур.	Расслабление и восстановление осуществляются целенаправленно и являются частью повседневной работы и досуга: на работе, например, через небольшие перерывы или дыхательные упражнения, в свободное время через музыкальные паузы, упражнения на расслабление и с помощью профилактических мер, чтобы иметь возможность как можно лучше регенерировать достаточное количество сна. Люди хорошо владеют методами релаксации и стремятся развивать свои навыки самостоятельно. Вмешивающийся подход в лучшем случае может состоять из стимулирующих размышлений о том, как снова и снова привести напряжение и расслабление в здоровый баланс.
Физическое напряжение	Люди относятся к своему телосложению относительно небрежно и не проявляют особой инициативы, чтобы улучшить свою физическую форму и сохранить свой организм постоянно здоровым и продуктивным. Для них и жизненная сила исходит из источников, о которых они, если вообще думают, то только в случае болезни. Пока люди убеждены, что они могут укрепить жизнеспособность своего организма, не делая ничего самостоятельно, трудно объяснить им, почему нужно что-то делать для своей физической формы и здоровья. Изменение сознания происходит только тогда, когда люди длительное время болеют, получают серьезные травмы или чувствуют постоянную слабость и отсутствие мотивации.	Определенное внимание уделяется собственному телосложению, будь то люди, которые активно занимаются спортом, едят здоровую пищу или сознательно стремятся расслабиться. Однако готовность сделать что-то часто зависит от случая и не всегда основывается на собственной инициативе. Необходимые условия относительно легки, чтобы повысить уровень самовоспитания. Люди чувствуют ответственность по отношению к своему телосложению, но поначалу действуют лишь с умеренным успехом. Таким образом, обучение более эффективному «управлению энергией» может дать положительный импульс.	Высокие баллы - признак того, что люди знают, насколько важно их телосложение для их собственного благополучия и эффективности их организма. Эти знания помогают людям вести активный и здоровый образ жизни. Людей не нужно специально информировать, инструктировать или обучать, поскольку они в значительной степени способны обеспечить максимальную жизнеспособность своего организма. В лучшем случае могут быть полезны предложения о том, как можно еще более эффективно регулировать физическое напряжение, включая психологические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Manz C.C. Self-leadership: Toward an expanded theory of self-influence processes in organizations. *The Academy of Management Review*. – 1986. – 11(3). – p. 585-600.
2. Manz C.C., Sims H.P.Jr. Superleadership: Beyond the myth of heroic leadership. *Organizational Dynamics*. – 1991. – 19(4). – p. 18-35.

3. Birdi K., Clegg C., Patterson M., Robinson A., Stride C.B., Wall T.D., Wood S.J. The impact of human resource and operational management practices on company productivity: a longitudinal study. *Personnel Psychology*. – 2008. – 61. – p. 467-501.
4. Pearce C.L. The future of leadership development: The importance of identity, multilevel approaches, self-leadership, physical fitness, shared leadership, networking, creativity, emotions, spirituality and on-boarding processes. *Human Resource Management Review*. – 2007. – 17(4). – p. 355-359.
5. Costello M.L., Brunner P.W., Hasty K. Preparing students for the empowered workplace: The risks and rewards in a management classroom. *Active Learning in Higher Education*. – 2002. – 3(2). – p. 117-127.
6. Stewart G.L., Manz C.C., Sims H.P. *Team work and group dynamics*. New York: John Wiley, 1999
7. Yun S., Cox J., Sims H.P. The forgotten follower: A contingency model of leadership and follower self-leadership. *Journal of Managerial Psychology*. – 2006. – 21(4). – p. 374-388.
8. Maddux J.E. Self-efficacy: The power of believing you can. In C.R. Snyder & S.J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology* New York: Oxford University Press, 2002. – p. 277-287.
9. Manz C.C., Sims H.P. Jr. *Superleadership: Leading others to lead themselves*. New York: Prentice Hall, 1989.
10. Carmeli A., Meitar R., Weisberg J. Self-leadership skills and innovative behaviors at work. *International Journal of Manpower*. – 2006. – 27(1). – p. 75-90.
11. DiLiello T.C., Houghton J.D. Maximizing organizational leadership capacity for the future: Toward a model of self-leadership, innovation and creativity. *Journal of Managerial Psychology*. – 2006. – 21(4). – p. 319-337.
12. Manz C.C., Neck C.P. *Mastering self-leadership: Empowering yourself for personal excellence* (2nd ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2004
13. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов / Разработчики Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожилова. – СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2009. – 38 с.
14. Наследов А.Д. *IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. – СПб.: Питер, 2013. – С. 350-351.
15. Bentler P.M., Bonnett D.G. Significance tests and goodness-of-fit in the analysis of covariance structures // *Psychological Bulletin*. – 1980. – Vol. 88. – P. 588-606.
16. Hoyle R.H., Panter A.T. Writing about structural equation models / in Hoyle, R.H. (Ed.), *Structural Equation Modeling: Concepts, Issues, and Applications*, Sage, Thousand Oaks. – CA., 1995. – P. 158-76.
17. Kline R.B. *Principles and practice of structural equation modeling*. 3rd ed. – New York, NY: The Guilford Press, 2011. – 432 p.
18. Osin E., Boniwell I. Self-determination and well-being. Poster presented at the Self-Determination Conference. – 2010. – Ghent, Belgium.

© Ким Э Сун (info@kimlilia.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КАК ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Король Ольга Феликсовна

К.псх.н., доцент, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь
korololga2008@gmail.com

THE IMPORTANCE OF VALUE ORIENTATIONS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ORGANIZATIONAL CULTURE AND INTERCULTURAL INTERACTION IN THE ORGANIZATIONS OF THE PRODUCTION SPHERE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

O. Korol

Summary: The article discusses and substantiates the author's position regarding the problem field of determination of the organizational culture of a modern organization. The results of the analysis of the nomenclature of value orientations, which determine the meaningful characteristics of organizational culture and intercultural interaction of employees of organizations in the production sector, are presented. This position may be of interest to specialists in the field of social psychology and organizational management.

Keywords: value orientations, organizational culture, organization, group, values.

Аннотация: В статье рассмотрена и обоснована позиция автора относительно проблемного поля детерминации организационной культуры современной организации. Представлены результаты анализа номенклатуры ценностных ориентаций, определяющей содержательные характеристики организационной культуры и межкультурного взаимодействия сотрудников организаций производственной сферы. Такая позиция может быть интересна специалистам в области социальной психологии и организационного управления.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, ценностные ориентации, организационная культура, организация, группа, ценности.

Актуальность темы: Современный период в развитии Крымского региона отражает переход к новым динамичным процессам различных форм, связей и отношений социокультурного взаимодействия. Это не может находиться вне внимания ученых, обуславливая изучение не только прикладных аспектов, но и генерируя необходимость фундаментальных исследований. Наибольший интерес, в связи с этим, вызывает межкультурное взаимодействие, как способ совместного существования социальных структур системного порядка, характеризующихся интенсивным обменом информацией, ценностями, результатами деятельности и организационная культура, регулирующая сложный социально-психологический порядок межкультурного взаимодействия в коллективе организации.

Известно, что успех функционирования любого коллектива тесно связан с особым стилем взаимодействия между входящими в него личностями, точнее, со стандартизированными образцами, «опривыченными действиями» [1, с.50–72], стереотипами мышления и т.п.,

которые включены в более сложную регулятивную систему, какой является культура организации.

Вопрос организационной культуры не является новым и освещен в работах отечественных и зарубежных психологов [1;5–6;8–9;11;14–15]. Однако, из существующих определений организационной культуры, мы используем аксиологическую концепцию как имеющую наибольшие эвристические возможности для решения актуальных проблем межкультурного взаимодействия в современных организациях.

Объектом нашего исследования является культура организаций промышленной сферы, как система ценностей, фиксирующая общую направленность интересов всех её членов относительно конкретной сферы социальной активности, а *предметом* исследования – ценностные ориентации, регулирующие и определяющие тональность межкультурного взаимодействия в исследуемых коллективах.

Целью нашей работы является выявление критериев, по которым можно судить о роли ценностных ориентаций в становлении организационной культуры, ее влияния на эффективность межкультурного взаимодействия в организациях промышленной сферы. Нами сделана попытка показать возрастающую роль организационной культуры во внедрении изменений и в развитии коллективов данной сферы деятельности, а так же наметить некоторые дальнейшие пути освещения этой темы в связи с эффективностью межкультурного взаимодействия в организациях.

Изложение основного материала

Отметим, что изучение организационной культуры началось сравнительно недавно (70 - 80 года XX века) под влиянием культурологического подхода, имеющего в основе и функционалистические традиции (Б. Млиновский), и социологические (Э. Дюргейм), и исследования организационного климата в психологии (В.В. Бойко, Р.Л. Кричевский, К. Левин, Л.Г. Почебут, В.А. Чикер)[цит по 16, с.110–115].

Согласно классика организационной культуры Э. Шейна, с деятельностью которого связаны основные достижения в этой области и в настоящее время, «культура – паттерн (шаблон, схема, модель, рамки) коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [15, с.31–32].

В очевидном разнообразии определений и толкований организационной культуры, можно выделить и общие моменты [8, с.15–25]. Во-первых, в большинстве определений авторы ссылаются на образцы базовых представлений, которые являют собой регламентированные стандарты поведения и деятельности, воспроизводимые в неизменном виде в течение длительного времени всеми членами коллектива. Во-вторых, характеристикой организационной культуры считаются ценности (или ценностные ориентации), пронизывающие всю культуру коллектива и обуславливающие избирательный подход не только к вновь созданным ценностям, но и к ценностям «чужой» социальной группы. И, в-третьих, к атрибутам организационной культуры авторы относят символику. Фиксируясь в явлениях и вещах, общественные идеалы приобретают способность передаваться во времени и усваиваться людьми. Именно через атрибут, который можно подвергнуть ценностному измерению фиксируется, накапливается и передается жизненно важный опыт проявлений социального свойства.

Ценностные ориентации как идеалы, или «модели должного»[5;9;14], являясь определяющими в поведении коллектива и личности в нем, задают спектр *инвариантных* желательных преобразований взаимодействия в совместной деятельности, мобилизуя жизненные силы и способности членов коллектива.

Мы проводили исследование ценностных ориентаций как фактора в формировании организационной культуры и межкультурного взаимодействия в организациях промышленной сферы.

Представление о перечне ценностных ориентаций мы получили, рассматривая два вида структур ценностных ориентаций: иерархической структуры ценностных ориентаций, которая определялась через ранжирование личностью жизненных ценностей, традиционно исследованных в работах М. Рокича, В.А. Ядова и других [17; 20] и корреляционной структуры. Необходимость рассмотрения корреляционной структуры ценностных ориентаций обусловлена тем, что те или иные ценности могут иметь один вес, быть равнозначными для личности, то есть не существовать в иерархических отношениях между собой. Прежде всего, это может касаться не основных (второстепенных, менее значимых, расположенных ниже в иерархии) ценностей.

Для определения перечня ценностных ориентаций испытуемых, и для анализа ценностной структуры и соотношения в ней терминальных и инструментальных ценностей нами была использована методика М. Рокича «Ценностные ориентации» [13, с.637–641]. Известно, что М. Рокич, определяя ценность «как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования наиболее важна с личной и социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения» [там же, с.637], разделил ценности на два класса. Первый - это терминальные ценности, то есть убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального поведения стоит того, чтобы к ней стремиться. И второй – это инструментальные ценности, или убеждение в том, что какой-то образ действия или свойство личности является предпочтительным в любой соответствующей ситуации.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования. Иерархическая структура ценностных ориентаций предполагает изучение степени (уровня) выраженности измеряемого признака. В таблицах 1.1 и 1.2 нами представлены средние значения (Mx), всех терминальных и инструментальных ценностей в организациях производственной сферы.

Кроме того, с помощью критерия U - Манна-Уитни (Mann-Whitney U) мы определяли, насколько пересекаются наблюдаемые значения по шкалам теста М. Рокича

у испытуемых в организациях производственной сферы (промышленность) (группа 1) и организациях промышленной сферы (строительство) (группа 2). В результате, при сравнении двух выборочных средних, были получены значение уровня статистической значимости * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$ (Таблица 1.1.).

В результате, по шкале «Терминальные ценности» диапазон наиболее значимых (приоритетных) Т-ценностей (высокие показатели средних значений)

у сотрудников промышленных организаций (группа 1) включает: «здоровье» ($Mx=15,32$), «счастливая семейная жизнь» ($Mx=13,16$), «интересная работа» ($Mx=13,10$), «материально обеспеченная жизнь» ($Mx=12,97$), «любовь» ($Mx=12,54$), «наличие надежных и верных друзей» ($Mx=12,21$). У сотрудников строительных организаций (группа 2), в этом же диапазоне мы наблюдаем такие ценностные ориентации, как: «здоровье» ($Mx=13,02$), «счастливая семейная жизнь» ($Mx=12,56$), «интересная работа» ($Mx=11,44$), «любовь» ($Mx=11,21$), «наличие надежных и

Таблица 1.1.

Различия между показателями характеристики Т-ценностей «терминальные ценности» шкал теста М. Рокича в организациях производственной сферы (группа 1 – промышленность), (группа 2 – строительство)

Терминальные ценности (ценности-цели)	Группа 1		Группа 2	
	Mx, Md	$\pm Sx$	Mx, Md	$\pm Sx$
Здоровье	15,32 17,0	$\pm 0,41$	13,02 16,0	$\pm 0,47$
Счастливая семейная жизнь	13,16 15,0	$\pm 0,48$	12,56 14,0	$\pm 0,38$
Интересная работа	13,10 14,0	$\pm 0,40$	11,44 13,0	$\pm 0,35$
Материально обеспеченная жизнь	12,97 14,0	$\pm 0,36$	10,58 12,0	$\pm 0,41$
Любовь	12,54 14,0	$\pm 0,46$	11,21 12,5	$\pm 0,40$
Наличие надёжных и верных друзей	12,21 13,5	$\pm 0,41$	11,10 12,0	$\pm 0,33$

Таблица 1.2.

Различия между показателями характеристики «инструментальные ценности» шкал теста М. Рокича в организациях производственной сферы.

Инструментальные ценности (ценности-способы)	Группа 1		Группа 2	
	Mx, Md	$\pm Sx$	Mx, Md	$\pm Sx$
Образованность	11,78 13,0	$\pm 0,45$	11,97 13,0	$\pm 0,36$
Ответственность	11,75 12,0	$\pm 0,45$	12,91 14,0	$\pm 0,35$
Воспитанность	11,66 12,0	$\pm 0,44$	11,28 12,0	$\pm 0,38$
Аккуратность	11,47 12,0	$\pm 0,47$	10,74 12,0	$\pm 0,41$
Жизнерадостность	11,32 12,0	$\pm 0,48$	9,19 9,0	$\pm 0,39$
Независимость	11,15 12,0	$\pm 0,48$	9,42 9,0	$\pm 0,39$
Честность	10,29 10,0	$\pm 0,50$	11,47 12,0	$\pm 0,42$
Рационализм	10,10 10,5	$\pm 0,48$	11,13 12,0	$\pm 0,35$

верных друзей» ($Mx=11,10$)

По шкале «инструментальные ценности» (И-ценности), по аналогии с предыдущим, в список ценностных ориентаций, имеющих сильное преимущество у сотрудников промышленных организаций, включены: «образованность» ($Mx=11,78$), «ответственность» ($Mx=11,75$), «воспитанность» ($Mx=11,66$), «аккуратность» ($Mx=11,47$), «жизнерадостность» ($Mx=11,32$) и «независимость» ($Mx=11,15$). До этого же диапазона в организации строительной компании относятся: «ответственность» ($Mx=12,91$), «образованность» ($Mx=11,97$), «честность» ($Mx=11,47$), «воспитанность» ($Mx=11,28$), «рационализм» ($Mx=11,13$) и «аккуратность» ($Mx=10,47$).

Вышеотмеченные характеристики дают возможность понять модель отношений между содержанием культуры организации, ее проявлением и восприятием, и интерпретацией этой культуры работниками. Разделяя веру и ожидания, вырабатывая язык общения, проявляя понимание в чувствах и эмоциях, решая ежедневно проблемы, связанные с работой и жизнью организации, члены коллектива формируют определенные образцы поведения в межкультурном взаимодействии, которые затем и составляют содержание организационной культуры.

Далее, в исследовании параметров организационной культуры мы опирались на концепцию Г. Хофстида и Д. Боллинже, которые выделяют следующие переменные: дистанцию власти, индивидуализм, мужественность, стремление избежать неопределенность, долгосрочность ориентаций [19, с.7].

Согласно мнений респондентов, параметр «дистанция власти», определяющий степень неравенства между членами коллектива, имеет завышенное значение (80%). Большинство сотрудников рассматривают своих руководителей как «других» людей (89%), что свидетельствует о тенденции к централизации управленческих функций, этому факту мы находим подтверждение и в наличии 70% управляюще-контролирующих сотрудников нашей

выборки, отмечающих дифференциацию заработной платы (67%).

Параметр «индивидуализм» имеет среднее значение (69%) и характеризует степень самостоятельности членов коллектива и их ответственности за принятые решения. Анализ данных по этому показателю подтверждает, что 90% респондентов могут надеяться только на себя, 85% характеризуют социальные связи внутри организаций достаточно дистанционными, 87% - считают важным работать в коллективах, в котором люди хорошо взаимодействуют друг с другом, а отношения между администрацией и коллективом основываются преимущественно на учете личного вклада сотрудника (67%).

В результате анализа данных по параметру «тенденция к избеганию неопределенности» было выявлено, что высокая степень стремления избегать риска, проявление беспокойства, лихорадочности в работе, «авральность» отмечают 91% респондентов, неготовность к новой работе и боязнь неуспеха, а, следовательно, и сопротивление изменениям проявляют 86% опрошенных. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что предпочтение в исследуемых коллективах оказывают структурированным ситуациям, с ясными и четкими правилами взаимодействия, избегая неопределенности и нововведений.

Оценка параметра долгосрочности ориентаций характеризуется низкой степенью проявления (43%). Так, например, взглядом в будущее, стремлением, упорством и настойчивостью в достижении целей отличаются только 29% респондентов, 70% из них характеризуются взглядом в прошлое, беспокоятся за благополучие и обеспеченность в настоящем.

Итак, обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что организационная культура посредством доминирующих в ней ценностей закрепляет общие принципы построения межкультурного взаимодействия в коллективе и определяет вектор его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. С. 89 – 92.
2. Виханский, О.С. «Другой» менеджмент: время перемен / О.С. Виханский, А.И. Наумов // Российский журнал менеджмента. — 2004. — Т. 2. № 3. — С.105—126.
3. Журавлев, А.Л. Социально-психологические факторы обмена знаниями в организации / А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик, И.В. Никитенко // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. — 2009. — № 4. — С. 8–12.
4. Крапивская Л.В. Личность и её ценностные ориентации / Л.В. Крапивская. – М. 1983.
5. Король О.Ф. Представления о типе собственной культуры в межкультурном взаимодействии сотрудников организаций (на примере Республики Крым / О.Ф. Король // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. Сб. статей: – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып.60. – Ч. I. – С. 451– 455.
6. Король О.Ф. Ценностные предпочтения в межкультурном взаимодействии сотрудников организации / О.Ф. Король. // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. Сб. статей: – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 61. – Ч. II. – С.300–307.

7. Ладанов И.Д. Психология управления рыночными структурами: преобразующее лидерство / И.Д. Ладанов. – М.: УЦ «Перспектива», 1997. – С.155.
8. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании / Д.А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – №1. – С.15–25.
9. Мамедова Ж.С. Ценностные ориентации в культуре личности/ Ж.С. Мамедова. – Межвузовский сборник научных трудов. «Российское общество: цивилизованные горизонты трансформации». Выпуск 1. Саратов, 2004. – С.96–100.
10. Мамедова Ж.С. Ценностные ориентации личности в контексте временной перспективы/ Ж.С. Мамедова. – Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск «Педагогика». Ростов-на-Дону, издательство РГПУ, 2006. С.121– 132.
11. Немов Р.С. Психология. Учебник для студентов педагогических учебных заведений/ Р.С. Немов. – М.: Владос, 1998. –470с.
12. Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности/ В.Б. Ольшанский. – М.: Мысль, 1966. – Т.1.– 530 с.
13. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / [ред. Д.Я. Райгородский]. - Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. – 672 с.
14. Ценностные ориентации личности как система с многомерной структурой / С.С. Бубнова, В.Ю. Крылов // Психол. наука: Традиции, соврем. Состояние и перспективы: Тези докл. науч.конф. ин-та психол. РАН., (М., 28-30 янв., 1997г.). – М., 1997. –С.48 – 49.
15. Шейн Э. Организационная культура и лидерство/ Э. Шейн. – СПб.: Изд. Питер, 2002. – С. 31–32.
16. Шольц А. Организационная культура: между иллюзией и реальностью / А. Шольц // Проблемы теории и практики управления. – 1995. – №3. – С.110–115.
17. Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности / В.А. Ядов // Социальная психология в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С.76–93.
18. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С Яницкий. – М., 1997. – 592 с.
19. Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories// Academy of Management Executive. 1993. Vol.7. № 1.
20. Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values.-San Francisco, Josey-Bass Co, 1972. - 214 p.

© Король Ольга Феликсовна (korololga2008@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Король Ольга Феликсовна

К.псх.н., доцент, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь
korololga2008@gmail.com

CHARACTERISTIC OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SPACE AS A CONDITION FOR IMPLEMENTING INTERCULTURAL INTERACTION IN THE ORGANIZATION

O. Korol

Summary: The results of an empirical study of the socio-psychological space as a condition for the implementation of intercultural interaction in industrial organizations are presented. It is shown that the concept of socio-psychological space is variable in content, but its universals can be used to analyze the whole variety of complex structures of intercultural interaction of various social communities. Diagnostic techniques have been tested, which make it possible to objectify the essential components and basic elements of the socio-psychological space in their dynamic and hierarchical relationship.

Keywords: psychological space, socio-psychological space, structure of psychological space, real parameters of psychological space, ideal parameters of psychological space, behavior, intercultural interaction.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования социально-психологического пространства как условия реализации межкультурного взаимодействия в организациях промышленной сферы. Показано, что понятие социально-психологического пространства вариативно по содержанию, но его универсалии могут быть использованы для анализа всего многообразия сложных конструкций межкультурного взаимодействия различных социальных общностей. Апробированы диагностические приемы, позволяющие объективировать существенные компоненты и основные элементы социально-психологического пространства в их динамическом и иерархическом соотношении.

Ключевые слова: психологическое пространство, социально-психологическое пространство, структура психологического пространства, реальные параметры психологического пространства, идеальные параметры психологического пространства, поведение, межкультурное взаимодействие.

Введение

Известно, что в методологии психологических исследований наблюдается тенденция к рассмотрению психических явлений с позиций психологических пространств, что позволяет перенести «позицию исследователя «вовнутрь», т.е. взглянуть на мир глазами другого человека [7; 12; 16; 23].

Однако, необходимо констатировать, что психологическое пространство, являясь междисциплинарным понятием, содержательно не определено ни в одной из гуманитарных наук. И если изучение психологического пространства справедливо связывается с работами К. Левина [цит. по 12, с.3 – 12], то исследование социально-психологического пространства соотносится и с социологическими и философскими подходами.

Так, например, социологические исследования раскрывают понятие социального пространства через определение территориальности, как дистанции в процессе общения и социальных статусов [1; 2, с.181 – 207; 5; 18; 21, с.25 – 42]. Эту же идею мы находим у Э. Гидденса и Ф. Тенниса, связывающих социальное пространство

с особенностями взаимоотношения людей в активном взаимодействии [3 – 4]. Социальное пространство, как многомерный феномен рассматривал и П. Бурдьё с позиции структурирования различных полей. Автор, определяя аспекты социума, связанные с распределением материальных ресурсов (реальность первого порядка) и существующие в сознании людей (реальность второго порядка), описывает социальное пространство через топологию структурной диспозиции полей: экономическое, политического, культурного, интеллектуального и т.д. [цит. по 5 с.18; 8, с.35].

Здесь заметим, что и Гидденс и Бурдьё, рассматривая структурирование социального пространства, не включают в поле своего исследовательского внимания активность социальных агентов [цит. по 19, с.147 – 149]. В то время как Г. Зиммель, написавший работу «Социология пространства» подчеркивает, что социальное пространство — это бездейственная форма, существующая лишь благодаря энергии деятельности субъектов [цит. по 20, с 47 – 49].

Именно на активности коллективного субъекта деятельности акцентирует свое внимание и П. Штомпка,

подчеркивая, что взаимодействие субъектов происходит не только в социальном пространстве, но и в физическом (объективном) времени, а также в социальном времени, качественно субъективном [цит. по 1, с.23].

Проблеме социального пространства уделяет большое внимание П.А. Сорокин: «Социальная мобильность есть перемещение индивида внутри социального пространства... определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета». Сам же выбор «точек отсчета» зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупность групп» [17, с. 298].

Необходимо отметить, что основное свойство социального пространства, которое выделяет П.А. Сорокин, — многомерность. Однако наиболее явными, по мнению автора, являются вертикальные и горизонтальные параметры. «Разграничение вертикальных и горизонтальных параметров отражает явления, действительно существующие в социальной вселенной: иерархии, ранги, доминирование и субординация, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе. Все эти явления и соответствующие им взаимозависимости представлены в виде стратификации и суперпозиций. Для описания таких связей необходимы и удобны вертикальные параметры. С другой стороны, взаимосвязи, свободные от таких элементов, можно описать в горизонтальных параметрах» [17, с. 301].

Таким образом, делая краткий вывод, отметим, что понятие социально-психологического пространства вариативно по содержанию, но мы можем вполне использовать его универсалии для анализа всего многообразия сложных конструкций межкультурного взаимодействия различных социальных общностей.

Методы исследования

Использовались теоретические методы исследования: теоретико-методологический и логический анализ, обобщение, классификация, конкретизация, построение аналогий, моделирование; эмпирические методы

Литературный обзор

Предметом современных психологических исследований является множество «психологических пространств существования человека, как общих, универсальных, так и частных, специализированных видов пространства, выделяемых в результате анализа взаимодействия субъекта с конкретными сферами жизнедеятельности человека. Журавлев А.Л. подчеркивает, что

«в концептуальных моделях и программах эмпирических исследований многих современных авторов можно отметить явный рост внимания к ценностно-смысловым и духовно-нравственным компонентам личности и группы» [6, с. 51 – 81]

Гораздо реже в научной литературе затрагиваются вопросы онтогенеза групповой и индивидуальной вариативности психологического пространства, роли возрастных закономерностей и профессиональных интересов в процессе развития и структурирования психологического пространства. Однако, существует достаточное количество классификаций социальных процессов. Так, например, классификация, предложенная Леопольдом фон Визе, в основу которой положены принципы конструкции и деструкции, систематизирующие все процессы, связанные с изменениями социальных структур.

Анализ данной системы классификации показывает, что различные процессы качественного перехода социальных процессов, например, от состояния закрытости структур к их открытости, сближению и объединению предполагает наличие не только временных характеристик, но и определенных параметров пространства. В координатах такого пространства формируются позиции и диспозиции вступающих в процесс взаимодействия субъектов, например «изоляция – контакт – сближение» или «соперничество – оппозиция – конфликт». В каждом из этих случаев для процесса взаимодействия необходимо пространство, в котором каждому из вступающих во взаимодействие партнеру предоставляется возможность соотнесения связанности задач и функция, степени автономности и взаимосвязи. Иными словами, в координатах пространства разворачивается сеть иерархических структур различных уровней зависимостей и связей.

Подобное определяется и в социально-психологическом пространстве организации. Здесь можно выделить целую систему его характеристик, которые опосредованы либо физическими свойствами, например, форма, расположение частей, либо системными свойствами организации, например, целостность, структурность, функциональная разнородность. Более того, следует иметь в виду наличие собственно психологических свойств в социально-психологическом пространстве организации. Вне взаимодействия и взаимоотношений людей, вне социальной деятельности организации социально-психологическое пространство не существует, так как оно всегда представлено объективными формами взаимодействующих партнеров в системе оценок, представлений и понимания. Иначе, социально-психологическое пространство понимается, переживается и оценивается каждым субъектом, который в него включен. Отсюда, мы

можем представить разнообразие связей и отношений в социально-психологическом пространстве организации в единой схеме с критериями, отражающими свойства любой системы. Известно, что эти связи разделяются на одноуровневые и разноуровневые, однозначные и многозначные [11, с. 82].

Согласно данному утверждению, разнообразие однозначных связей можно разделить на три группы:

1. взаимно-однозначных связей, когда существует некоторая переменная или элемент А, связанный с переменной или элементом В, а этот элемент или переменная В — только с переменной или элементом А;
2. одно-многозначные связи существуют, когда одна переменная или элемент множества А связаны с несколькими переменными или элементами множества В;
3. много-однозначные связи имеют место, когда одна переменная или элемент множества В связана с несколькими переменными или элементами множества А.

В подтверждение изложенного находим у Т. Котарбинского, который обратил внимание на то, что каждый составной элемент имеет свою позицию в пространственном упорядочении, каждый частичный процесс из числа составляющих совокупность имеет свое место во времени, а различные элементы находятся в зависимости от других элементов. Всякая система при этом стремится к сохранению внутреннего равновесия, что не менее важно, к достижению необходимой цели [9, с. 79].

Отсюда можно сделать вывод, что критерием оценки социально-психологического пространства может быть некоторая форма упорядоченности ее элементов и структур, а основными параметрами их измерения — целостность, структурность и автономия.

Результаты и обсуждение

Исходя из проведенного нами теоретического анализа и, основываясь на обобщенных теоретических представлениях о характеристиках социально-психологического пространства как условия реализации межкультурного взаимодействия в организации, мы можем определить вектор эмпирических исследований. Во-первых, межкультурное взаимодействие может быть рассмотрено как организация совместной деятельности, то есть, как социальный процесс, в котором происходит обмен деятельностью или субъект-субъектное взаимодействие. Во — вторых, оно может быть описано параметрами системы межличностных связей и взаимоотношений. Если в первом случае речь идет не только о планировании совместной деятельности, но и о раз-

делении функций между взаимодействующими субъектами, о координации и контроле этих функций, то есть функционально-ролевой взаимодействии, то во втором — об отношениях, возникающих, как эмоциональные, непосредственные отношения, которые вытекают из задач и требований совместной деятельности.

Таким образом, принимая за основу эмпирического исследования субъект — субъектный подход, определяем задачей его первого этапа выявление специфики функционально-ролевого взаимодействия, или, как указывалось ранее — функциональной разнородности, а второго этапа — изучение отношений, или разнообразия связей и отношений в единой схеме межкультурного взаимодействия.

Анализ функционально-ролевых позиций сотрудников производственной сферы промышленных организаций (таблица 1) и в организациях строительства (таблица 2) показал следующее.

Распределение средних значений варьируется от 5,49 до 13,57 баллов ($Mx=8,53$) в группе 1 (промышленные организации производственной сферы) и от 4,93 до 12,94 баллов ($Mx = 8,21$) в группе 2 (строительные организации производственной сферы).

Анализируя показатели по шкалам теста «Групповые роли» можно определить, что у сотрудников организаций производственной сферы (строительство (группа 2) полученные значения по шкалам «генератор идей», «оценщик идей», «организатор работы» и «исследователь ресурсов» приблизительно на один балл ниже, чем те же значения шкал у сотрудников промышленных организаций (группа 1). Значение по шкале «завершитель» приблизительно на два балла ниже, чем то же значение в коллективах строительных организаций (группа 2).

Кроме того, анализ распределения средних оценок групповых ролей в исследуемых организациях дает нам возможность сгруппировать их в содержательные блоки:

1. роли в выполнении поставленной задачи (оценщик идей (аналитик), исследователь ресурсов (эксперт), генератор идей);
2. роли в организации групповой работы (глава, организатор работы, завершитель);
3. роли для создания благоприятной социально-психологической атмосферы (формирователь, организатор группы).

Ролевой репертуар в исследуемых нами организациях определился таким образом. В организациях производственной сферы (промышленность) основными являются роли направленные на решение групповых

Таблица 1.

Анализ функционально-ролевых позиций сотрудников промышленных организаций производственной сферы (по методике М. Белбина)

№ п/п	Функционально-ролевые позиции во взаимодействии	Уровни репрезентации функционально-ролевых позиций.	
		Высокий и средний уровень распределения значений	Низкий уровень распределения значений
1.	Завершитель	13,57	-
2.	Организатор работы	13,00	-
3.	Организатор группы	9,37	-
4.	Формирователь	7,21	-
5.	Оценитель идей	-	6,94
6.	Исследователь ресурсов	-	6,36
7.	Председатель	-	6,36
8.	Генератор идей	-	5,49

Таблица 2.

Анализ функционально-ролевых позиций сотрудников строительных организаций производственной сферы (по методике М. Белбина)

№ п/п	Функционально-ролевые позиции во взаимодействии	Уровни репрезентации функционально-ролевых позиций.	
		Высокий и средний уровень распределения значений	Низкий уровень распределения значений
1.	Завершитель	12,94	-
2.	Организатор работы	9,84	-
3.	Организатор группы	9,70	-
4.	Формирователь	7,97	-
5.	Оценитель идей	-	7,52
6.	Исследователь ресурсов	-	6,89
7.	Председатель	-	5,90
8.	Генератор идей	-	4,93

задач («организатор работы» и «завершитель»). Отметим, что основными функциями при выполнении данных ролей – превращение идей в конкретные задачи и организация их выполнения в срок и до конца. Кроме того, функционально-ролевая позиция «организатор группы» относится к блоку ролей для создания благоприятной социально-психологической атмосферы и включает функции, содействующие согласию группы и улаживанию возникающих расхождений.

Дифференцированный анализ функционально-ролевых позиций в исследуемых нами организациях производственной сферы свидетельствуют о том, что сотрудники промышленных организаций больше ориентированы на выполнение ролей, связанных с организацией групповой работы («завершитель», «организатор работы») и с созданием благоприятной социально-психологической атмосферы («организатор группы», «формирователь»).

Ориентация на реализацию функционально-ролевых позиций, связанных с выполнением поставленных задач («оценщик идей», «исследователь ресурсов»), в которых актуализируются аналитические и экспертные функции, имеет низкий уровень распределения значений (таблица 1). И еще в меньшей мере сотрудники промышленных организаций производственной сферы ориентированы на актуализацию своего творческого потенциала, на отказ от стереотипов и обычных методов работы, поиска инновационных решений. Такие тенденции, на наш взгляд, могут свидетельствовать о снижении реформаторской активности сотрудников, а, значит, и снижении тенденции к усовершенствованию организационной деятельности.

Детальный анализ представленных в таблице 2 данных ориентации сотрудников строительных организаций производственной сферы на основные функционально-ролевые позиции в организации показал, что они больше ориентированы на выполнения ролей,

связанных с организацией групповой работы («организатор работы», «завершитель», «организатор группы») и на роли для выполнения поставленных задач («оценщик идей»).

В меньшей мере сотрудники в строительных организациях производственной сферы ориентированы на реализацию таких функционально-ролевых позиций, как «формирователь» и «председатель», которые предполагают функции лидера, принимающего решение и соединяющего усилие членов группы в единое целое. Еще в меньшей мере наблюдается ориентация на реализацию такой позиции, как «исследователь ресурсов», выполняющего функции эксперта. И на последнем месте по степени реализации находится такая функционально-ролевая позиция, как «генератор идей», что, во-первых, предполагает наличие в организации сотрудников творчески мыслящих, а, во-вторых, содержание трудовой деятельности наполняет всей палитрой многообразия функций и возможностью актуализировать способности и талант. Как видно из приведенных данных, сотрудники строительных организаций производственной сферы менее всего ориентированы на самовыражение, на потребность работать не просто профессионально, а с высоким уровнем мастерства, переводя профессиональный опыт не столько в плоскость самовыражения, сколько в плоскость самоутверждения.

Далее, на следующем этапе исследования выявлялась система полифункциональных связей и взаимоотношения людей, основанных на отражающих процессах – процессах категоризации, непременным условием которых является ощущение общности, то есть ощущения того, что есть кто-то, как «Я».

Здесь отметим, что организация складывается как совместный организованный субъект, а, следовательно, и как некоторая социальная общность с мерами единства, разобщенности, и многого другого, что присуще человеческой общности. Но социальная общность не сводится к некоторой простой сумме личностей, в нее входящих. Отношения между людьми синтезируются в сложную гармонию организационных свойств. Включенная в сеть организационных отношений личность подчиняется законам этих отношений, сознательно следуя требованиям норм и правил, регулирующих ее поведение в организации. В самом общем виде это процессы организационной упорядоченности, они отражают основные механизмы перехода от энтропии к состояниям организационной целенаправленности, целеустремленности и целеполагания [7, с. 35 – 49].

Возвращаясь к изучению взаимоотношений и полифункциональных связей в межкультурном взаимодействии, заметим, что они строятся на основах

воспринимаемых или прогнозируемых отношений участников взаимодействия друг к другу, поэтому мы включили в анализ взаимоотношений сотрудников организаций три равноправных компонента: когнитивный, аффективный и конативный, как традиционно принято в психологической науке при рассмотрении проблем деятельности и общения [73; 128; 176].

Известно, что когнитивный компонент взаимоотношений и общения, который состоит из отдельных впечатлений и выводов, охватывает не только познание другого человека, но и самопознание [10 – 11; 14; 16; 23]. На этой основе происходят не только акты понимания внутреннего мира другого, но и акты самопонимания. Анализ этого компонента взаимоотношений в нашем исследовании дает возможность получить общие образы и стратегию построения межкультурного взаимодействия в организациях в целом. Аффективный компонент позволит понять модальность и силу взаимодействия сотрудников организаций, конативный – откроет реальный узор их поведения в общей системе межкультурного взаимодействия в коллективе.

Для изучения субъективных значений сотрудников организаций и субъективных значений их партнеров по взаимодействию мы использовали тест интерперсональной диагностики Т. Лири [15, с.125 – 129].

Анализ представлений в группе 1 (промышленные организации производственной сферы) и в группе 2 (строительные организации производственной сферы) о самих себе и о партнере, а также основных социальных ориентациях, которые определяют стиль поведения в межкультурном взаимодействии в организации, показал следующие результаты. Полученное различие в оценках работниками качеств реальных и идеальных партнеров во взаимоотношениях статистически достоверная по критерию U- Манна- Уитни (Mann-Whitney U) [13, с.173 – 176] на высоком уровне значимости (* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$).

Средние значения субъективных оценок («Реальное – Я») взаимоотношений варьируются в группе 1 (промышленные организации) – от 4,69 до 6,79 баллов, в группе 2 (строительные организации) от 4,32 до 7,44 баллов. Средние значения оценок идеального партнера во взаимоотношениях в группе 1, по аналогии с предыдущим, варьируются от 3,20 до 7,30 баллов и в группе 2 от 2,23 до 7,09 баллов. Таким образом, сотрудники строительных организаций (группа 2) оценивают качества идеального партнера в отношениях в среднем приблизительно на один балл выше, чем те же качества «Я – реального», а в оценках этих же качеств у работников промышленных предприятий мы наблюдаем различие в два балла.

Кроме того, степень выраженности свойств по шкалам «Реальное – Я» и «Идеальное – Я – партнер по взаимодействию» характеризует адаптивный вариант поведения сотрудников в исследуемых организациях, поскольку диапазон распределения свойств в строительных организациях находится в пределах от 4,32 до 7,44 в «Реальное – Я» и от 2,23 до 7,26 в «Я – идеальное – партнер по взаимодействию», что, в свою очередь, соотносится с первой степенью диапазона проявления свойств. В промышленных организациях диапазон распределения свойств находится в пределах от 4,69 до 6,79 по «Я – реальному» и от 3,20 до 7,3 по шкале «Я – идеальное – партнер по взаимодействию», что также свидетельствует об адаптивности поведения в межкультурном взаимодействии.

Анализ результатов средних значений количественных показателей по характеристике «Реальное – Я» в промышленных организациях (группа 1) показал, что преобладает «сотрудничающий – конвенциональный» тип поведения в межкультурном взаимодействии [15, с.131]. Он характеризуется тем, что большинство работников данных предприятий определяют себя причастными к проблемам, успехам и неудачам коллектива. Осознавая свое единство и целостность, которая проявляется в ощущении «мы» - ощущении социальной общности и единства мыслей, оценок, целей, интересов, они стремятся к согласованности действий, преодолению возникающих трудностей, к решению новых задач.

В строительных организациях производственной сферы по субъективным оценкам результатов исследования («Реальное–Я») тип отношений в целом можно классифицировать, как «ответственно- великодушный» (альтруистичный [там же, с.130]. Основными параметрами, определяющими его, являются чуткость, самоотдача, бескорыстие, служение идеалу, эмпатия, эмоциональная реактивность. Кроме того, данный тип отношений характеризуется выраженной потребностью отвечать социальным нормам поведения, склонностью к идеализации и гармонии взаимоотношений, экзальтацией своих убеждений, выраженным эмоциональным вовлечением, легкостью внедрения в разные социальные роли, гибкостью в контактах, коммуникабельностью, доброжелательностью, жертвенностью, стремлением к деятельности, полезной для всех.

Для более полного описания отметим, что согласно показателям по данному параметру сотрудники строительных организаций в межкультурном взаимодействии ориентированы на альтруизм, проявление которого связан с мотивами моральных обязательств и сочувствия [там же, с.129]. На наш взгляд, в первом случае сотрудники этой категории ориентированы на альтруистические поступки ради этического удовлетворения, повышения

самооценки. Их помощь носит скорее жертвенный характер. Во втором случае альтруизм сотрудников связан с отождествлением и сопереживанием, а помощь характеризуется повышенной ответственностью.

Далее, полученные результаты по характеристике «Идеальное – Я – партнер по взаимодействию» выявляют совпадение оценок с характеристикой «Реальное – Я» у сотрудников строительных организаций. Похожесть мыслей относительно линий поведения в данном случае свидетельствует о наличии конгруэнтности, которая предполагает взаимность ролевых ожиданий, созвучность их переживаний, возникновение доверия и симпатии.

Работники промышленных организаций (группа 1), по аналогии с предыдущим, наоборот, ориентированные на общение с «властно-лидирующим» (авторитарным) типом партнера [15, с.133]. Для наиболее точного описания отметим, что данный тип поведения в межкультурном взаимодействии характеризуется оптимистичностью, скоростью реакций, высокой активностью, выраженной мотивацией достижения, тенденцией к доминированию, повышенным уровнем притязаний, легкостью и скоростью в принятии решений. Это реагирование по типу «здесь и сейчас», с активным влиянием на окружение, завоевательной позицией, стремлением вести за собой и подчинять своей воле других.

Кроме того, мы рассматривали тип поведения в межкультурном взаимодействии сотрудников производственной сферы в целом с позиции трехдиапазонного проявления каждого свойства: от адаптивного до дезадаптивного варианта поведения. Как было показано выше, сотрудники строительных организаций производственной сферы ориентированы на «ответственно-великодушный» (альтруистический) тип поведения в характеристике «Реальное – Я». Адаптивный вариант поведения оказывается в диапазоне чуткость - бескорыстие - жертвенность. Кроме чуткости, согласно показателям соотношения шкал (0,581), работникам данной сферы присущие сочувствие, способность к сопереживанию и доступность при контакте. Такими же они видят и партнеров по взаимодействию: соотношение значений шкал (0,301) по характеристике «Идеальное – Я – партнер по взаимодействию».

Продолжая анализ моделей взаимодействия по соотношению шкал «Реальное – Я» у сотрудников промышленных организаций производственной сферы, мы определили, что адаптивный вариант поведения у данной категории сотрудников оказывается в диапазоне добросердечность – несамостоятельность – чрезмерный конформизм [15, с.129]. А отношение значений шкал (0,801) характеризует демократичность и гибкость по-

ведения с учетом конкретной ситуации взаимодействия. Полученные показатели оценки партнера по взаимодействию у этой же категории сотрудников свидетельствуют об адаптивном проявлении свойств в диапазоне доминирования – властолюбие - деспотизм. Отношение значений шкал (1,201) означает преобладание лидерских качеств, стремление занять руководящую позицию, инициативность и ответственность.

Выводы

Итак, на основе результатов этой части нашей ра-

боты, мы можем утверждать, что в организациях производственной сфера определяется «сотрудничающий – конвенциальный» (дружелюбный) и «ответственно – великодушный» (альтруистичный) типы поведения во взаимоотношениях в коллективах. Созвучность переживаний, стремление к согласованности действий, взаимность ролевых ожиданий, которые характеризуют данные типы отношений, свидетельствуют о наличии эффекта конгруэнции, как параметра социально-психологического пространства, в условиях которого будут разворачиваться полифункциональные связи в межкультурном взаимодействии сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; [пер. Е.Д. Руткевич]. – М.: Медиум 1995. – 323с.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 181 – 207.
3. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс. [пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева]. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011, – 352с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. / Э. Гидденс – М.: Академический проект, 2005. – 350с.
5. Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности / А. Гофман // Социол. исслед. 2005. № 1. – С.16 – 26.
6. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта / А.Л. Журавлев // Психология индивидуального и группового субъекта [под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой]. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2002. – С.51 – 81.
7. Казмиренко В.П. Социальная психология организаций: Монография. / В.П. Казмиренко. – К.: МЗУУП, 1993. – 384с.
8. Козер Л. Мастера социологической мысли. / Л. Козер. – М.: Норма, 2006. – 205с.
9. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / пер. с польск. / Т. Котарбинский. – М.: Экономика, 1975. – 270 с.
10. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – [3-е изд.] – М.: Смысл, 2000. – 365 с.
11. Мерлин В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М.: Педагогика, 1986. – 253с.
12. Мерлин В.С. Взаимоотношения иерархических уровней в системе взаимосвязей «Человек - общество» / В.С. Мерлин // Вопросы психологии –1975. – № 5. – С. 3 – 12.
13. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования // А.Д. Наследов. – СПб.: Речь, 2004. – 392.
14. Поздняков В.П. Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности / В.П. Поздняков // Знание. Понимание. Умение.2013. №1. – С. 167 – 174.
15. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / [ред. Д.Я. Райгородский]. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. – 672 с.
16. Пригожин А.И. Организация: системы и люди / А.И. Пригожин. – М., 1983. – 176 с.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / П.А. Сорокин. – М., 1992. – С.298 – 301.
18. Симонова О.А. История социологии XX века : избранные темы : учеб. пособие для студ. вузов / О.А. Симонова. - М.: Логос, 2008. - 205 с. - (Новая университетская библиотека).
19. Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии: избр. / Евгений де Роберти; редкол. сер. : А.О. Бороноев (отв. ред.), И.А. Голосенко, В.В. Козловский; сост. А.О. Бороноев и М.В. Ломоносова; СПб. гос. ун-т, Фак. социологии, Социолог. о-во им. М. М. Ковалевского. – М.: Алетей, 2008. – 394 с.
20. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж Ритцер СПб., 2002. – 321с.
21. Луман Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. — СПб.: Петрополис, 1994. — С. 25 – 42.
22. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во института Психотерапии, 2002. – 490 с.
23. Хоуманс Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоуманс // Современна зарубежная социальная психология. – М., 1984. – 321с.

© Король Ольга Феликсовна (korololga2008@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСПЕШНОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SUCCESSFUL FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN THE CONDITIONS OF UNIVERSITY EDUCATION

*N. Shcherbakova
Kh. Khayrova*

Summary: The article is devoted to the problem of the development of the success of mastering a foreign language by students in the process of studying at a university. The role of a foreign language is increasing in connection with the development of economic ties, with the internationalization of public diplomacy. Being a cognitive activity, mastering a foreign language is subject to the action of universal factors that determine the success or failure of this type of activity, both objective (learning conditions) and subjective (mental cognitive processes, affective sphere, volitional processes, abilities, needs and motives, character traits, characteristics temperament).

The article identifies the factors of the success of students' professional training in mastering a foreign language. The article analyzes research data on the relationship between success in a foreign language and student's personal qualities.

Keywords: success, success, successful learning, personality traits, mastering a foreign language, student age, higher education.

Щербакова Наталья Евгеньевна

*к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
stenyakova-n@mail.ru*

Хайрова Халида Жаферовна

*к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
halida.tat@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме развития успешности овладения иностранным языком студентами в процессе обучения в вузе. Роль иностранного языка возрастает в связи с развитием экономических связей, с интернационализацией народной дипломатии. Являясь познавательной деятельностью, овладение иностранным языком подвержено действию универсальных факторов, определяющих успешность или неуспешность данного вида деятельности как объективных (условия обучения), так и субъективных (психических познавательных процессов, аффективной сферы, волевых процессов, способностей, потребностей и мотивов, черт характера, особенностей темперамента).

В статье выявлены факторы успешности профессиональной подготовки студентов в овладении иностранным языком. Анализируются данные исследования связи успешности в иностранном языке и личностных качеств студента.

Ключевые слова: успех, успешность, успешное обучение, качества личности, овладение иностранным языком, студенческий возраст, высшее образование.

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования форм и методов обучения иностранному языку, дальнейшей разработки дифференцированного подхода к обучению с учетом индивидуально-психологических особенностей студентов. Поэтому важно выяснить какие именно факторы влияют на успешность в овладении иностранным языком.

Понятие успешности сегодня волнует многих людей, а точнее не сам термин, а способы достижения успеха. Успешность понимается в современном мире очень широко, в чем состоит определенный недостаток – те, кто его употребляют говорят только о внешней стороне успеха – о том, что можно увидеть в материальном мире, результаты конкретной деятельности.

Понятие «успешность» мы рассматриваем как результат деятельности; результат положительного, достойного признания как самой личностью, его достигшего, так и значимых для нее людей.

Успешность обучения студентов в условиях универ-

ситетского образования связана с такими факторами, как уровень довузовской подготовки, индивидуальные способности, умение планировать и контролировать свою учебную деятельность, уровень квалификации преподавательского состава вуза. К другой группе факторов традиционно относят состояние здоровья студента, материальное положение его семьи и др. [1].

Мы считаем, что для успешного овладения иностранным языком необходимы следующие качества личности: волевые качества, а именно волевая саморегуляция и волевой контроль (Н.С. Назаренко [2]); специальные способности, например, сенсорные, к которым относятся фонематический слух; креативность; беглость мышления; гибкость мышления; социальный интеллект; положительная внутренняя учебная мотивация; адекватная самооценка; общий уровень интеллекта; познавательно-коммуникативная потребность в изучении иностранного языка (И.А. Зимняя[3]).

Н.М. Симонова дифференцирует четыре мотивационные ориентации при усвоении иностранного языка в вузе: мотивация на процесс учебной деятельности; мотивация на результат; мотивация на социальное признание; мотивация на овладение иностранным языком.

вация на результат учебной деятельности; мотивация на оценку; мотивация на избегание неприятностей. Автор утверждает динамический характер структуры учебной мотивации, варьирование ее компонентов в зависимости от условий обучения (типа вуза, сетки часов, особенностей программ, целевых установок, года обучения) [4].

На основе вышеизложенного в своем исследовании мы предположили, что студенты, обладающие такими качествами как общительность, высокий интеллект, гибкость мышления, высокий самоконтроль, адекватная самооценка, а также внутренней мотивацией наиболее успешны в овладении иностранным языком.

Для подтверждения данного предположения было предложено студентам пройти анкетирование, на основе которого выявлялись такие показатели, как: является ли студент успешным, имеется ли интерес к предмету, мотивация и цели изучения иностранного языка, а также какие трудности он испытывает в овладении иностранным языком.

В исследовании приняли участие 60 студентов первых-вторых курсов Педагогического института им. В.Г. Белинского ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Результаты анкетирования показали, что 80% опрошенных имеют оценки «4» и «5» по иностранному языку, что говорит об их успешности, также 70% человек отметили, что им нравится его изучать, т.е. они заинтересованы в обучении и хотели бы продолжить обучение в дальнейшем. Остальные 20% - имеют оценку «3», также можно отметить, что 15% опрошенных не заинтересованы в дальнейшем обучении иностранному языку, они не видят в нем необходимости, кроме как для перехода на следующий курс. В качестве целей 45% респондентов отметили, что язык им необходим в первую очередь для саморазвития и самосовершенствования; 40% студентов - необходимость языка в общении с иностранцами и 30% отметили важность языка для путешествий; еще для 5% опрошенных главная цель изучения языка - просмотр фильмов и чтение книг в оригинале. В качестве трудностей, которые возникают при изучении иностранного языка студенты отметили: 20% опрошенных испытывают трудности, связанные с произношением, с усвоением фонетических основ; 15% опрошенных - с изучением грамматики и еще 15% испытывают трудность с запоминанием слов, вследствие чего обладают малым словарным запасом. Также 10% студентов отметили нехватку времени, как препятствие в овладении языком и 5% - отсутствию практического применения из-за чего возникают проблемы с акцентом. Остальные 35% респондентов трудностей в овладении иностранным языком не испытывают.

Затем с помощью методики многофакторного исследования личности Р. Кеттелла было проведено исследование для определения выраженности определенных факторов личности, которые, предположительно, могут влиять на успешность студентов в овладении иностранным языком, а именно: общительность – замкнутость (фактор А: Общительность), высокий интеллект – низкий интеллект (фактор В: Интеллектуальность), гибкость мышления – ригидность мышления (фактор Q1: Радикализм), высокий самоконтроль - низкий самоконтроль (фактор Q3: Дисциплинированность).

По фактору «Общительность» 15% студентов обладают высоким уровнем выраженности этого свойства личности, что говорит об их открытости, легкости в общении, эмоциональности, разговорчивости, импульсивности, любят работать в коллективе, часто берут на себя роль организатора; большинство опрошенных студентов, а именно 60% обладают средним уровнем выраженности этого свойства; 25% имеют низкие показатели, что говорит об их замкнутости, такие люди чаще обособлены, конфликтны, холодноваты, нет эмоциональной живости в общении, молчаливы, несколько педантичны и более эффективны, когда работают в одиночку.

По фактору «Интеллектуальность» 35% опрошенных студентов обладают высоким интеллектуальным потенциалом, 60% обладают средним уровнем выраженности этого свойства; 5% студентов имеют низкий уровень.

По фактору «Радикализм» 30% опрошенных студентов обладают высоким уровнем гибкости мышления. Большинство опрошенных студентов, а именно 65% обладают средним уровнем выраженности этого свойства и 5% - низким уровнем, что говорит о консерватизме, ригидности мышления, боязни всего нового.

По фактору «Дисциплинированность» 10% опрошенных студентов обладают высоким уровнем самоконтроля, 80% обладают средним уровнем выраженности этого свойства и 10% - обладают низким самоконтролем.

По методике исследования самооценки личности С.А. Будасси большинство студентов (55 %) обладают средней адекватной самооценкой, что говорит о наличии положительной связи между Я-реальным и Я-идеальным.

Результаты применения методики «Опросник направленности учебной мотивации» Т.Д. Дубовицкой следующие: высоким уровнем мотивации обладают 75% студентов, что говорит об их увлеченности предметом иностранного языка, их деятельность направлена на сам процесс, сама по себе работа, овладение содержанием данного предмета выступает одновременно и мотивом, и целью; 40% студентов обладают ярко-выраженной

внутренней мотивацией, что говорит о том, что они наиболее заинтересованы изучением иностранного языка и для них на данный момент это актуально; низкий уровень внутренней мотивации имеют 25%, у данных студентов мотивация внешняя, т.е. их деятельность больше направлена на результат, нежели чем на сам процесс, она связана с какими-либо внешними обстоятельствами, требующими дополнительных стимулов.

Высоким уровнем мотивации на достижение успеха по методике диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач Т. Элерса обладают 10% опрошенных студентов. Средний уровень мотивации на достижение успеха имеют также 40%, данным студентам необходимо несколько активизировать себя, чтобы быть преуспевающим в данной области, работать над собой, вырабатывать уверенность и целеустремленность; 10% студентов обладают низким уровнем мотивации на успех, они проявляют неуверенность в себе, тяготеют к выполняемой работе.

Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке с целью обнаружения достоверной связи успешности в иностранном языке и личностных качеств студента с помощью t-критерия Стьюдента.

Из результатов корреляционного анализа обнаруживается наличие большого количества взаимосвязей между различными параметрами. А именно, были выявлены положительные корреляции успешности студентов с показателями мотивации ($t_{\text{Эмп}} = 3.2$), между успешностью студентов и фактором «Интеллектуальность» ($t_{\text{Эмп}} = 3.1$), между успешностью студентов и фактором «Радикализм» ($t_{\text{Эмп}} = 3.2$), между успешностью студентов и фактором «Дисциплинированность» ($t_{\text{Эмп}} = 2.9$); и отрицательные корреляции между успешностью студентов и фактором «Общительность» ($t_{\text{Эмп}} = 0.2$), между успешностью студентов и показателями самооценки ($t_{\text{Эмп}} = 0.7$).

Мы выявили и отрицательные корреляционные связи между успешными и неуспешными группами студентов по факторам «Общительность», а также в отношении самооценки. Такие результаты, по нашему мнению, объясняются недостаточностью выборки, и дальнейшие исследования могут выявить более существенные различия.

В дальнейшем необходимо проработать и апробировать модель развития успешности овладения иностранным языком в условиях вузовского образования, а также выявить педагогические условия успешности в овладении иностранным языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов С.Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/science/public/smirnov/students.html>.
2. Назаренко Н.С. Психологические детерминанты эффективности овладения иностранным языком в вузе: Автореф. дисс. . . канд.псих.наук: 19.00.07. - М.: Московский гос. пед. ин-т, 1986. - 16 с.
3. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. - М.: Русский язык, 1989. - 219с.
4. Симонова Н.М. Экспериментальное исследование структуры мотивации при усвоении иностранного языка в вузе: Автореф. дисс. . . канд.псих.наук: 19.00.07. - Московский гос. пед. ин-т, 1982. - 15 с.

© Щербакowa Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Хайрова Халида Жаферовна (halida.tat@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИМВОЛИЗМ ВЕЛИКИХ ПОБЕД В РОССИЙСКОМ СОЗНАНИИ

SYMBOLISM OF THE GREAT VICTORIES
IN RUSSIAN CONSCIOUSNESS

Zh. Andrievskaya

Summary: This article is devoted to the consideration of the role of great military victories as a factor in the process of the formation of Russian consciousness and self-awareness. The article analyzes the impact of the millennial tempering, forged in great victories, on the formation of the Russian character and the Russian will to victory. The article considers the «firmware» of the memory of great victories in the cultural code of our nation, their significance in the self-consciousness of the Russian nation – as a nation of victors. Having received a consolidation in the historical memory of the peoples of the world, the idea of Russia's invincibility underlies its external relations and demeanor on the world stage.

Keywords: russian consciousness, great victories, symbolic programs, Russian cultural code.

Андриевская Жанна Викторовна

К.псх.н., доцент, Южный Федеральный Университет
zhandan3@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящается рассмотрению роли великих военных побед как фактора в становлении российского сознания и самосознания. Подвергается анализу воздействие закалки, выкованной в великих победах, на формирование российского характера и российской воли к победе. Рассматривается «прошивка» памяти о великих победах в культурный код нашей нации, их значение в самосознании российской нации как нации победителей. Получив закрепление в исторической памяти народов мира, представление о несокрушимости России фундаментирует её внешние отношения и манеру поведения на мировой арене.

Ключевые слова: российское сознание, великие победы, символические программы, российский культурный код.

Российская история есть история великих побед в крайне масштабных войнах. Нося, прежде всего, оборонительный, а отнюдь не завоевательный, характер, великие победы есть своего рода «визитная карточка» нашей страны, ведь, как известно, «кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет». Эти перманентные военные столкновения нередко распадались на войны на нескольких фронтах (нередко более двух и выше), с несколькими странами сразу (например, Третьим Рейхом и Японией в Великой Отечественной Войне) и характеризовались крайней степенью кровопролитности, забирая с собой жизни миллионов. Такая специфика исторического пути российского народа не могла не наложить свой отпечаток на способ мышления россиян, возбуждая в нём – как и в российской рациональности, российской ментальности, российской психологии – оборонительные настроения (что предельно рельефным образом отразилось в политике СССР, где на оборонные нужды бросались едва ли не все возможные и невозможные силы).

Так, «9 мая 1945 г. была поставлена победная точка в Великой Отечественной войне советского народа против фашистской Германии и ее союзников. В 2015 г. Россия широко и торжественно отметила 70-летие этого эпохального события. Праздничные мероприятия прошли в городах и весях всей страны. В них приняли непосредственное живое участие миллионы и миллионы людей, тем самым продемонстрировав миру, что российский народ помнит, понимает и ценит великий подвиг поколений военных лет, сокрушивших германский фашизм» [Бельков, С. 5]. Сокрушив в очередной раз агрессивного

захватчика, советский народ проявил волю к победе и стремление к национальной свободе.

Наша страна прошла через многие военные испытания, и в этой связи отнюдь неслучайна героизация этих великих побед – над Ордынским ли Игом, над войсками Наполеона ли, над Третьим ли Рейхом. Проявляя всякий раз выраженное народное единство, наши предки собирали всю свою волю к победе «в кулак», и отражали целостным образом различные нападения извне: откуда бы ни исходила агрессия по отношению к нашей стране – от Запада ли, от Востока ли – наши деды и прадеды выступали сплочённым фронтом в каждый из таких моментов.

В этом смысле *Великая Отечественная Война* является *символом победы*, что формирует вокруг себя целое *семейство символических программ мышления российского человека*: начиная с символизма Георгиевской ленточки, и заканчивая масштабными парадами на Красной Площади, в которых принимают участие тысячи человек. Нетрудно понять, что современные Парады Победы носят, прежде всего, *символический характер*, они выковывают *символические* смыслы и значения, впитывающиеся умами россиян в качестве живой презентации того самого исторического опыта нашего народа (как и всех иных российских народов), который потребовал от всех народов России предельной мобилизации внутренних сил и личностных ресурсов каждого в некий критический момент.

В этом смысле первая и важнейшая благодетель предводителей страны – Царя ли, Генерального ли Секретаря,

Президента, какого-либо иного полководца – это благодетель Победы над захватчиками, преодоления внешней угрозы, которая может настичь Родину едва ли не с любой стороны её границ, попытается проникнуть едва ли не с любой точки границ страны – причём как по земле, так и по морю, как по воздуху, так под водой.

Так, «в то же время Победа показала всему миру безнадёжность попыток разговаривать с Россией с позиции силы. Она закрепила в исторической памяти мира, наших друзей и геополитических соперников понимание бесперспективности силового противоборства с Россией» [Бельков, С. 7]. Символы наших Побед – так или иначе, во всех произошедших войнах – оказываются мощной заслонкой для разрушительных идей и мыслей покорения нашей Великой Родины, как и вообще всяких возникающих помыслов сломить Россию.

Подогреваемая попытками «изолировать» Россию, поставить её в зависимое состояние, ввести против неё те или иные «санкции», память о великих победах только лишь усиливается в сторону поднятия патриотических настроений в нашем обществе, только лишь возвеличивает понимание особой роли нашей страны в общемировом контексте, её особой исторической миссии и её цивилизационного предназначения, возвращая непоколебимость и стойкость в отношении любых и всяких внешних попыток сдержать влияние нашей страны в мировом контексте.

Символические программы, закладываемые этими праздниками в мышлении россиян – это, напр., ценность российского интернационализма как продолжение, следствие ценности борьбы с фашистами, нацистами (ядро Дня Победы, разумеется). Символизм Дня Победы – это, разумеется, и Георгиевская лента, и бессмертный полк с его фотографиями героев войны, и парад военной техники на Красной Площади (о чём в широком культурном горизонте см. выше).

А ведь именно память о Великих Победах – но, беря её уже в политической плоскости – оказывается основанием ведения внешней политики (напр., борьба с украинскими про-нацистскими политическими силами), солидарности в мировом масштабе (напр., между Россией и Израилем). Беря политический срез подобных символических действий, нельзя не обратить внимание на то, что они формируют ландшафт приоритетов внешнеполитических взаимодействий и дипломатии, – напр., отношений между Россией и Китаем, основания которых были заложены ещё в Советский период истории России (и Китай понёс весьма значительные потери в его борьбе с фашистской Японией).

Так, например, беря иной пример великой победы, а именно победы над Ордынским Игом, принято замечать,

что «аналогия между «вавилонским пленением» иудеев и «ордынским пленением» Руси позволяла не только отыскать необходимый в таких случаях по законам средневековой историографии прообраз происходящего в Священной истории человечества, но и актуализировать «идеологию выживания» в условиях иноземного владычества» [Рудаков, С. 29] – эта «идеология выживания», в дальнейшем проявленная, напр., в Блокаде Ленинграда, уже навсегда зафиксировалась в памяти российского народа; в этой связи обычно принято говорить, что «русские не сдаются» – и подчёркивать, акцентировать характер российской воли к победе; пройдя тысячелетнюю закалку, выкованная в великих победах, российская воля к победе уже никогда не сможет быть сломлена никакой возможной агрессией – и всякие планы поставить нашу страну в зависимое положение уже навсегда терпят крах. В этой связи нетривиально, что ни одна страна мира не имеет опыта ведения военных действий, аналогичного нашему, и этот опыт уже навсегда закрепился в нашем «культурном коде».

В этой связи особое российское национальное мышление погружено в объёмлющий контекст самосознания, обнаруживая себя, прежде всего, в истории – это победы в таких жутких, кровопролитных войнах, как свержение Ордынского ига, победа над Наполеоном, победа над Третьим Рейхом.

Российское национальное самосознание формируется именно через призму великих военных Побед, и – в силу географических причин – едва ли может быть иным. Именно великие Победы определяют облик российского национального самосознания – неслучайно в этом контексте именно 9 мая является той великой общенациональной духовной «скрепой», которая объединяет всю российскую нацию. Кучуков М. пишет: «государство, в котором мы живём, уникально и своей историей, и огромной территорией, и трагическими для жизни народов страницами глобальных социальных экспериментов. Российское государство исторически возникло на пересечении разных парадигм цивилизационного развития, объединило народы, отличающиеся друг от друга по уровню социального развития и культуре, расовому облику и численности» [Кучуков, С. 124]; как следствие, самосознание российской нации, и русского народа как конституирующего её, формируется через противопоставление различного рода захватчикам, которые издавна приходили «с мечом» на нашу страну, и получали соответствующий «отпор». Именно великие военные победы оказываются духовными общенациональными «скрепами», которые объединяют народы и этносы в единую российскую нацию, именно в них содержится тот самый исторически бессмертный консолидирующий потенциал.

Но более того: всякая великая победа носит освобо-

дительный характер; напр., «победа русской армии в Отечественной войне 1812 года создала предпосылки для освобождения всей Европы от наполеоновского господства» [Шевченко, С. 263], не говоря уже об освобождении Европы от коричневой чумы. В этой связи открывается мировая миссия России – а именно миссия страны-освободительницы ото всяких сторонних узурпаторов, пытающихся построить свои «империи» на костях своих и чужих людей: а ведь как Орда и Французская империя, так и Третий Рейх полагали своими предельными целями «мировое господство», пытались реализовать свои имперские амбиции.

Беря более широкий контекст, в символической составляющей великих побед, стоит указать, что, например, День Победы как символическая программа включает социальные поступки (например, поздравления ветеранов), социальные действия (символические ношение Георгиевских лент на одежде), социальную практику – самоидентификацию населения страны с образом народа-победителя, и, соответственно социальную событийность – торжественные мероприятия (скажем, мероприятия на Красной Площади в день 9 мая). Тем самым перманентная внешняя агрессия является одним из внешних факторов, формирующим символические программы российского мышления, особенно в вопросах Великих Побед – над Ордынским ли Игом, Французской ли Империей, Третьим Рейхом, эта специфика накладывает неизгладимый отпечаток на символические программы и формирует особую

ментальность нации победителей. Эти великие Победы, достигнутые ценой миллионов жизней, оказываются бессмертным историческим фоном ведения современной политики – как внешней, так и внутренней; они символически фиксируются в таких мощнейших образах, как Георгиевская ленточка, и закрепляются в бессознательных пластах коллективной памяти, формируя и определяя ландшафт архетипических структур общественного бессознательного.

Эта нация победителей, в культурном коде которой заложены мощнейшие и неистребимые установки на победу, всегда играла и играет свою роль на мировой арене – во всяком случае, с момента строительства единого централизованного русского государства, и – далее – Российской империи, Советского союза, Новой России. В культурном коде нации победителей заложены такие установки, как «русские не сдаются», «русские своих не бросают» – эти установки буквально «прошиты» в нашем коде, и они решающим образом влияют на наше поведение и нашу деятельность, особенно – в т.н. «пограничных» ситуациях, в военное время, требующего проявления от человека особого героизма, лучших патриотических качеств, а нередко – вовсе самопожертвования ради Родины и её будущего; великие победы – средоточие символических программ российского мышления; они заложены в нашем национальном сознании и самосознании, и не могут быть искоренены из него никакой сторонней пропагандой уже никогда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельков, О.А. Великая победа и современность // Власть, 2015'05, С. 5-8.
2. Купцов, В.П. Победа Советского народа в Великой Отечественной войне: проблемы историографии // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2010, №2. С. 129-138.
3. Кучуков, М.М. Национальное самосознание: интерпретация социального содержания и роли. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I.
4. Нолев, Е.В. «Монголо-татарское иго»: идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 8/2013, С. 92-96.
5. Рудаков, В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков. Вестник МГИМО-Университета. 2012;(4(25)):24-32.
6. Шевченко, В.Н. Отечественная война 1812 г. // Вестник университета. 08/2013. С. 260-263.

© Андриевская Жанна Викторовна (zhandan3@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА «РУССКОГО СОЛДАТА» В МЕДИА ПРОСТРАНСТВЕ С XX И ПО XXI ВЕКА

Биндас Дмитрий Валерьевич

Соискатель, Московский государственный институт
международных отношений МИД России
Dmitrij.bindas@bk.ru

THE EVOLUTION AND MYTHOLOGIZATION OF THE IMAGE OF THE 'RUSSIAN SOLDIER' IN THE MEDIA SPACE FROM THE XX TO THE XXI CENTURY

D. Bindas

Summary: In the article, the author reviews a key scientific phenomenon about the mythologization of the image of the «Russian Soldier». The text of the article presents the author's view of the concept, the development of the myth phenomenon formed in Russian and Western culture on the topic «man at war». The concept of the theory of the versatility and complexity of the image of the military has not yet been applied in the study of the ontological characteristics of the phenomenon in the era of «information war». The author's proposed consideration of the image of the «Russian Soldier» in the context of Western and domestic theories of formation allows us to identify such essential characteristics as recursiveness through aggression and retribution. The analysis of the methods of epistemology, their possible and proper application in the framework of the «information war» confirmed the relevance of the study for the formalization of complex phenomena of the surrounding world, determined the possibility of constructive generalization of knowledge obtained as a result of the complex formalization of the characteristics of the phenomena under study.

Keywords: information war, the image of the «Russian soldier», PTSD, cultural codes, mythologization, mass media, culture, society.

Аннотация: В статье автор проводит обзор ключевого научного феномена о мифологизации образа «Русского солдата». В тексте статьи представлен авторский взгляд понятия, развития феномена мифа, сформировавшегося в отечественной и западной культуре по теме «человек на войне». Концепция теории о многогранности и сложности образа военных до настоящего момента не применялась в исследовании онтологических характеристик феномена в эпоху «информационной войны». Предложенное автором рассмотрение образа «Русского солдата» в контексте западных и отечественных теорий формирования позволяет выделить такие существенные характеристики как рекурсивность через агрессию и возмездие. Проведенный анализ методов эпистемологии, их возможного и должного применения в рамках «информационной войны» подтвердил актуальность исследования для формализации сложных явлений окружающего мира, определил возможность конструктивного обобщения знания, полученного в результате комплексной формализации характеристик исследуемых явлений.

Ключевые слова: информационная война, образ «Русского солдата», ПТСР, культурные коды, мифологизация, СМИ, культура, общество.

Необходимость создания образа «Русского солдата», встала перед политическими руководителями еще со времен Крымской войны 1853-1856 гг. И политический процесс – укрепления и утверждения в народных массах патриотизма, стал актуальным еще в те далекие времена. Но это было давно, Россия успела участвовать в стольких войнах и военных конфликтах, что сегодня недостаточно просто подчеркивать и показывать положительный образ «Русского солдата», но и необходимо народным массам давать больше информации и раскрывать кулуарные или рабочие моменты из жизни настоящего военнослужащего Российской Федерации. На данный момент, обществу недостаточно агитплакатов в стиле: «я выбираю службу по контракту» или «Родина-мать зовет!», даже недостаточно снимать документальных и художественных фильмов про военных. Возможно, неправильно было бы об этом говорить во вступлении данного исследования, однако в современных условиях недостаточно строить патриотические парки или постоянно показывать в СМИ героический

образ военнослужащего. Культурологические особенности современного общества сигнализируют нам, что необходимо делать что-то большее. Патриотизм можно давать порционно, а можно дать огромной дозой, но такой, которая будет держать народные массы на протяжении ближайших 30 лет.

Анализируя развитие образа «Русского солдата», необходимо начать с антропологических корней данного общественно-политического процесса. В отечественной литературе огромное место уделяется образу «Русского солдата». Философская мысль о биполярности добра и зла не только стала ключевой в развитии сюжета, как в прозе, так и в произведениях, но и стала основным рычагом в пропаганде патриотизма. Переходя к конкретике, стоит начать с того, что это за образ и кем он является. Образ «Русского солдата» всегда был многогранен и каждый раз менял свои значения, он выступал и в образе освободителя, защитника, даже в образе старшего брата, который вступился за младшего, в образе сына

и мученика. Но если ранее это был исключительно положительный и абсолютизированный образ, то сегодня «русский солдат» демонстрируется в агрессивной форме, как человек из мира насилия который видел открытое зло и возможно прикасался к нему. Современная тема солдата уже стала нейтральной, а не доброй и положительной. И при наличии такой агрессивной среды в «Новых медиа», современный «Русский воин» воспринимается, в большинстве, в отрицательном ключе.

Пропаганда всегда возвышала этот образ, вкладывала в него важность и высокие ценности военнослужащего. Солдат выступал воином освободителем в Крымскую кампанию, в Первую Мировую популярен был образ старшего брата, который вступился за младшего. В Великую отечественную он был уже многогранен, он был и защитник и освободитель и сын Родины и мученик одновременно. Конфликт в Афганистане, полностью стер высокие идеалы солдата, который перевоплотился в воина интернационалиста. Помимо это ветераны вернулись забытыми, как солдаты Первой мировой, с посттравматическим стрессовым расстройством и социально неадаптированными. Но если после Первой мировой сразу началась гражданская война и военным быстро нашлось применение их навыков и одновременно ими двигала высокая цель, то афганцы испытывали большие социально-культурные проблемы. Пожалуй, этот феномен и можно назвать отправной точкой, которая размыла идеальный образ «Русского солдата». Операции и конфликты на Северном Кавказе, практически уничтожили остатки темы российского воина-защитника. И негативное отношение к вооружённым силам только подогрело слабые стороны образа. Более того, освещение СМИ и новых медиа неудачных операций силовых ведомств по противодействию терроризму стали трагедией не только для народа, но и для вооруженных сил в целом. На этих темных страницах истории по данной проблеме, стоит провести еще одну черту. Добровольческие операции российских солдат для урегулирование военных конфликтов на Балканах и бывших советских республик, привели тоже к интересным социальным проблемам, которые отложились как у гражданских людей, которые скептических относились и относятся к людям в форме, а также наоборот у военных, которые не видят отдачу и поддержку их работы от мирного населения.

Чтобы понять современные социально-психологические и культурно-философские проблемы, сложившиеся между военными и невоенными сообществами, необходимо проследить развитие данного феномена через военные поколения.

Первая мировая война, известна изначально, как «Великая война». Была первой и великой еще по той причине, что всё было впервые: танковые сражения, первые снайперские дуэли, первое применение газа и огнемет-

тов. Естественно, у воинов первопроходцев также впервые и появились серьезные психологические и социальные проблемы, после пережитого ими негативного опыта, которые не просто переживались ветеранами, как посттравматическое стрессовое расстройство, но и нашли отклики в культуре и литературе. Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк и другие авторы серии произведений, посвященных теме «Потерянного поколения», пропагандировали не просто пацифистские теории в своих книгах, но и декларировали новые социально-психологические и культурные проблемы. Помимо прочего, период «потерянного поколения» был интересным с той точки зрения, что война была в моде, как это не звучит парадоксально. В те времена считалось, что, если ты не записываешься на фронт «Великой войны», значит ты «не мужчина». И отношение в обществе было негативное к тем, кто не пошел на войну. Хорошим примером является сын Киплинга – известного деятеля литературы, которого не брали на фронт, по причине плохого зрения [1]. Возможно именно из-за такого социального давления, что каждый мужчина должен пережить все ужасы войны, старший Киплинг подключил все свои связи в адмиралтействе, чтобы его сына забрали на фронт, закрыв глаза на его проблемы со здоровьем. Этот пример заканчивается тем, что в итоге Джон Киплинг погиб в битве при Артуа, во Франции. Мифологемы, создаваемые политическими деятелями, а также суфражистками первой волны того времени о войне, также проводили акции угнетения и общественного позора с использованием «белых перьев» [2]. В то время как у русского солдата, не было такого опыта. Русский солдат, вернувшийся домой живым, был забытым из-за революции, и обществу некогда было думать о нем, поэтому ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) не успело проявиться в нашей отечественной культуре, в отличие от западной, и о этой войне старались забыть. Поскольку российское общество активно решило это вспоминать в 2014 году, в годовщину этих событий, снимая и транслируя по телевидению фильмы про героев и ставя им памятники [3].

Образ солдата Великой Отечественной войны – это комплексный образ, воплотившийся и остающийся непоколебимым. Это абсолютно самый интересный образ из всех. Который не возможно и который никогда не забудут, по той причине, что все медиа, общество и политики, приложили такие массивные усилия для того, чтобы воин освободитель был вечным и был только положительным героем, в его деяниях на войне есть только чистое добро. Еще одна из причин, которая передалась и отложилась на «подкорке» в массовой культуре – закрытость. О таких проблемах военнослужащих не принято говорить и уж тем более заявлять открыто. И это заложило новые проблемы, но уже у другого военного поколения, которые сражались в Афганистане.

Тема «закрытости» военных и силовых ведомств не-

новая и продолжает существовать сегодня. Боязнь утечки государственной и военной информации в тактике и стратегии ведения войны была приоритетна для обеспечения безопасности страны. И о бытовых и психологических проблемах солдат нельзя было раскрывать, тем более, потому что это ставило под сомнение сильный и непобедимый образ солдата. Говорить о том, что защитники родины сходят с ума после войны и не могут привыкнуть к мирной жизни, означало, то что военные – простые люди, а не сильные герои, чей образ мифологизировала современная культура и общество. Поэтому даже сегодня, многие ветераны боятся признаваться в том, что у них есть какие-то психологические травмы из-за негативного опыта. Сегодня, начало появляться большее количество в «новых медиа» (Instagram, Facebook, YouTube, Вконтакте, Telegram) военного контента, где бывшие или действующие сотрудники специальных ведомств, рассказывают про спецназ то, что раньше просто скрывалось, популярные блогеры этого узкого профиля, занимаются этим как раз для разрушения стереотипов и изменения информационного поля, которое мифологизировало политическое руководство во всех странах мира.

Афганистан, Ангола, конфликты на Балканах – это интернациональные походы наших военнослужащих, и образ в СМИ, который закрепляла пропаганда звучал так: русский воин – это защитник, который важен для страны. Вдобавок, мода службы в армии, которая прививалась обществом, подталкивала записываться по собственному желанию в Афганистан, а далее после приобретенных навыков и опыта путешествовать по другим странам, выполняя добровольческие миссии по поддержанию мира, оставляя их без выбора других профессий. В итоге, весь этот сладкий образ прививаемый пропагандой превращал ветерана в такого же забытого солдата, как в западной литературе после Первой Мировой войны.

Общество из-за распада Советского союза, тяжелой экономической ситуации в стране и по многим другим социальным обстоятельствам, стожило полное безразличие к власти и государственным институтам. Пропаганда и освещение в СМИ, а также организация культурных мероприятий, посвященных образу «Русского солдата и воина» не велась. И до конфликтов на Кавказе обществу не было дело. Безразличие общественного мнения формировалось не только из-за политического шока и нестабильной ситуации в стране. Но и из-за отношения, которое формировали СМИ [4]. Существует либеральное мнение, что на тот момент они были более свободными и независимыми. Но на наш взгляд просто тогда еще не была сформирована система информационного пространства, понятие экстремизма и терроризма с юридической стороны не были закреплены. Яркими примерами несформированной системой информационного потока являются показ интервью у ключевых фи-

гур и полевых командиров террористических организаций по центральному телевидению, а также ведение переговоров между высокопоставленными чиновниками и боевиками по освобождению заложников [5]. И единственные, кто как-то декларировал образ русского солдата это были деятели культуры и искусства: режиссеры кино, музыканты и другие [6]. Причем образ этот был размытым как от простого солдата, которого призывали на войну, так и воина, который вернулся с войны, но пытающимся адаптироваться не в мирной жизни, а среди волков. Режиссер Балабанов в своих фильмах очень много работал с таким образом и ретранслировал его обществу [7].

Мы подошли к важному моменту это культурные коды. На каждой войне формировались свои культурные коды, которые легким нарративом закреплялись в общественном сознании. Эти культурные коды и формировали пропагандистский образ русского солдата в любом конфликте. В Первую Мировую войну пыла песня «Прощание Славянки», которую впоследствии перепел ансамбль имени Александрова уже в Великую Отечественную войну. И эта песня была формированием образа военного, который должен идти на войну «за Царя и Отечество». Если говорить про ВОВ, то эта песня «Священная война», которая призывала солдата идти в бой для победы над общей угрозой – Фашизмом. Введение войск в Афганистан не закрепляло сильных культурных кодов, как в предыдущих войнах, но среди ветеранов, и в литературе можно найти множество примеров: песни А. Розенбаума, группы «Голубые береты». Новой отправной точкой современных мифологов служат «Вежливые люди» или «Зеленые человечки». Именно так, «государственной машиной» сегодня показан спецназовец, который держит в руке и оружие и кота. Присоединение Крыма в 2014 году стало новым этапом в развитии этого эвфемизма. Более того Министерство обороны закрепило за собой этот образ как фирменный знак, обратившись в Роспатент [8]. Вежливым людям ставят памятники как в воинских частях, так и в Симферополе. Рекламные пиар акции, конференции и выставки вооруженных сил проходят под лозунгом «Вежливость – города берет!» [9].

В начале своей работы, мы отметили, что формируется агрессивный образ, который неположительный и неотрицательный и к данному персонажу много негативных вопросов на Западе. Спецназовец современной России демонстрируется, как тот, кто чит подвиги поколений (на его бронезилете прикреплен георгиевская лента), как человек с душой и добрым сердцем (у которого в руках домашнее животное) и как тот, кто без единого выстрела берет города, которые принадлежат ему по праву. И в любом уголке света, где бы ему не приходилось выполнять свой воинский долг, он представляется обществу еще и как военный, который охраняет памятники культуры, например разрушенный храм Баала в

Пальмире, Сирия [10]. По своей структуре это достаточно полный образ, поддерживаемый идею и мысль, как со стороны государства и военных, так и общества.

Однако, на наш взгляд, формат подачи в медиа, задается не тот. Ведь есть и другая идея, для чего необходимо заниматься формированием подобных образов? Патриотизм — это важная задача, но еще упор должен делаться на противника. А современный противник «Вежливого человека» или спецназовца это террористы. И образ должен представлять еще и угрозу для них. Наше исследование плавное перетекает и к тому, какой создается образ террориста. Это неновая тема, что идея терроризма построена на страхе и запугивании. Но с появлением «новых СМИ» и развитием интернет-пространства, теория распространения терроризма начинает еще больше набирать обороты из-за своих роликов, фильмов и литературы, с которыми и современный мир ведет информационную войну, блокируя и запрещая их. Основные задачи по формированию джихадистских каналов, провозглашению всемирного Халифата и другие пиар акции и пропагандистские идеи лежат на известном деятеле Аз-Заркави, его считают отцом основателем ИГИЛ – запрещенная организация на территории Российской Федерации [11]. Сегодня пропаганда террора, для привлечения на свою сторону сторонников старается отходить от старых теорий, построенных на страхе. Хотя от части и подается, как запугивание Западных государств. Их философская идея интерпретировалась в то, что моджахед – это не просто воин, который жертвует собой ради идеи о всемирном Халифате, это демонстрация того, что в мире, все братья мусульмане, должны объединиться и убивать неверных, потому что это правильно. Их идеологическая пирамида строится на принципе: «я, мы, дело». Представим, что есть радикально настроенный мусульманин, который пока не представляет опасности и не совершивший на данный момент ничего плохого, с ним общаются такие же радикально настроенные люди и они все могут находиться в разных уголках планеты. Просмотр ими запрещенных экстремистских материалов приводит к формированию в них агрессии, на основе которых радикал идет совершать террористический акт – так строится основа пирамиды – «я». Другие радикалисты, смотрят на подвиги их брата-смертника и понимают, что надо делать тоже самое – так формируется второй основной фундамент – «мы». И на основании двух ступеней террора появляется конечный этап – «дело». И чем агрессивнее представлен для западного человека образ террориста, тем лучше для общей идеи о провозглашении войны [12]. Арест и заключение террористов в тюрьмы приводит к другой проблеме, они создают свои ячейки там, выходя из которых превращаются в полевых командиров, которые уже управляют другими террористами. Яркими примерами таких эволюций являются, Бен Ладен, Аз-Заркави и Абу Бакр аль-Багдади. Поэтому мы переходим к балансу сил. А именно насилие на насилие.

Западная теория создания образа спецназовца не основывается на положительном и красивом «вежливом» персонаже. Зарубежные медиа и культурные деятели прошли по другому пути, они формируют свой образ исходя из того, что террористы действуют жестко, как в информационном поле, так и на войне, поэтому идею нужно строить на такой же основе. В своих роликах, книгах, музыке, и что не мало важно в «новых медиа», они создают своих спецназовцев, как угрозу терроризму, такого же жесткого человека, который готов нести возмездие на боевиков за их удары по мирному населению. В своей книге «Американский снайпер», которую написал морской котик армии США, Крис Кайл есть цитата: «В апреле 2009 года сомалийские пираты захватили грузовое судно и угрожали убить его капитана. Снайпер из отряда SEAL, находившейся на борту подошедшего к месту происшествия эсминца, перебил пиратов. Корреспондент одного из местных изданий спросил Райана, что он думает по этому поводу. «Несмотря на то, что ваша мама утверждает обратное, - пошутил он, - насилие решает проблемы» [13].

Западный образ спецназовца, строится на идеи показа образа без прикрас, тем самым демонстрируя реальный характер человека из мира насилия, который на откровенные акты зла отвечает агрессией. Формирование в культуре и поколении данного феномена имеет свои отрицательные и положительные стороны. Отрицательная сторона – заключается в том, что из-за агрессивности, воспитывается враждебное поколение, которое не будет преследовать гуманные идеи по отношению к противнику. Положительной стороной – является то, что показывается настоящий, немифический образ воина. И если кто-то из новобранцев или будущих защитников своей Родины захочет посвятить жизнь службе, то он приходит в войска уже со сформированной позицией, которая разрушает романтический шаблон о войне и солдата на ней. Тем самым, отсеивая молодых людей, которые воодушевились стереотипами, основанные на мифах о лирических героях, закладываемых ранее в искусстве и культуре.

В добавок к вышесказанному, в западной модели закладывается мысль о том, что быть воином – это тяжелая работа, которая несет под собой большие психологические проблемы, которые начинают закладываться с раннего формирования мужчины. Норвежец, бывший солдат батальона Telemark, который воевал в Афганистане. А потом вступил добровольцем в курдский отряд Peshmerga, сражающийся против боевиков ИГИЛ, в своей книге написал следующее: «Лично мне наплевать на день ветеранов (в Норвегии) и мне неудобно, когда кто-то меня благодарит за мою службу. Признание ветеранов важно, но я думаю большинство так называемых ветеранов не заслуживает этого, а некоторые так и вовсе используют это в своих целях. Я не собирался сражаться

с талибами или террористами, потому что «Бог, страна» и тому подобная чушь. Честно говоря... Я просто хотел охотиться на плохих парней и все. Я как-то прочитал, что есть три типа мужчин. Любовники, бойцы и убийцы. Я определенно убийца и не думаю, что заслуживаю похвалу за это. Я отказываюсь верить, что я один такой. Мое поколение выросло, смотря боевики с Шварцнеггером и Сталлоне, мы убивали террористов в Counter-Strike и Call of Duty. А когда выросли, то смогли попасть в армию и получили возможность делать по-настоящему то, что раньше только видели. Может наши намерения не настолько уж благородные? Не обманывайте себя. Мир нуждается в таких людях как мы, наша безопасность и образ жизни зависят от этого. Сохраняйте свое уважение и помощь для тех ветеранов, которые не вернулись домой целыми физически или психологически... Я же просто военный наркоман и чувствую себя мошенником, когда кто-то благодарит меня за службу» [14].

Тема PTSD (Post-traumatic stress disorder) или ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) наиболее известная как тема «военного синдрома» достаточно популярная на Западе. О ней открыто говорят по центральному телевидению, проводятся международные научные конференции. В то время, как, основной ошибкой в агитации и пропаганде образа русского воина, является то, что в ней нет места для рассказа о сложных перипетиях судьбы и стрессе, которые пережил и продолжает переживать военнослужащий. И если говорить о культурных кодах, которые закладывают западные коллеги в своего героя-спецназовца, который действует жестко, агрессивно и без сожаления к противнику. То помимо сильных образов, заложенных в СМИ, культуре, искусстве, есть еще и исторические корни. И на это очень важно обратить внимание в данном исследовании. Многие военные специалисты носят на своих рукавах шевроны, имеющие особое значение и антропологические корни. Часто у военнослужащих войск специального назначения можно увидеть самый распространенный шеврон, на котором надпись на греческом «Molon Labe», в переводе с греческого: «Приди и возьми». Эта же фраза оставлена царем Леонидом и его спартамцами в битве при Фермопилах. Если копаться в истории, по это были первые спецназовцы. Когда 300 отборных воинов Греции бросили вызов огромному персидскому войску. Любопытным фактом остается, то, что фраза «Приди и возьми» не просто закрепилась в истории, но и еще в настоящее время служит слоганом и фирменным знаком спецназа разных стран. Подобные моменты встречаются довольно часто и в других войсковых соединениях специального назначения. В 2010 году шведская утренняя газета-таблоид «Dagbladet» опубликовало видео, где командир роты батальона «Telemark» в Афганистане Руне Веннеберг, перед штурмом позиций Талибана, поднимает дух солдат с призывами: «Til Vallhall!» (Идем в Вальхаллу!), где на его клич целая рота добавляла на норвеж-

ском «Dere re rovdyret, Taliban er byttet. Til Vallhall!» (пер. «Талибан будет добычей. В Вальхаллу!») [15]. Это видео «в новых медиа» набрало такую популярность, что образ викинга, идущего к раю для воина, закрепилось не только для военнослужащих норвежского батальона, но и стало популярным флэш-мобом в военной среде. Такие акции военных, довольно часто закрепляются в обществе и их предельно много, даже во время Второй Мировой войны, есть знаменитое фото, где десантники армии США, перед высадкой в Нормандии, на лица нанесли индейский боевой грим, а головы их лысы побриты под прическу ирокез, которую носили коренные народы Америки как символ войны.

В 2016 году боевики, называющие себя рекрутами «Исламского государства», напали на Магомеда Нурбагандова – лейтенанта полиции, который со своей семьей отдыхал в лесу. Боевики выложили в сеть экстремистский ролик со связанным сотрудником силового ведомства, призывая его сделать публичное заявление. В нем говорилось: «Скажи своим братьям, чтобы они не работали!». Последними словами Магомеда были: «Работайте братья!», после чего, его убили. За свой подвиг, он был награжден золотой звездой героя Российской Федерации (посмертно). Этот резонансная новость запустила целые пиар акции поддержки героя среди общества и военных организаций. Печатались наклейки и носились шевроны в память подвига героя со словами «Работаем, брат!» [16]. 3 февраля 2018 года, российский пилот штурмовика Су-25, подорвал себя гранатой, когда его сбили над территории провинции Идлиб, Сирия. В российские СМИ, Министерство вооруженных сил представила расшифровку радиоэфира за несколько минут до смерти пилота, в которой его последними словами перед падением были: «Это вам за пацанов!» [17]. Позже, эту фразу писали на бомбах самолетов, перед боевым вылетом российских ВКС в Сирии, которые транслировались по центральному телевидению – как символ скорби и мести за террор.

В своем исследовании, мы проследили эволюцию и мифологизацию образа русского солдата на протяжении столетнего опыта войн. Параллельно сравнивая его с западными методами формирования. Нами были проанализированы пиар акции и основные положения в популяризации военных по средствам медиа. Критика западных и отечественных подходов является ключевой в данном исследовании. Однако, не стоит забывать и о разнице систем СМИ. Цели и задачи позиционирования, закрепления в социальной и общественной сфере образа военного играет важную роль, формируя патриотические идеалы и военно-культурные ценности.

Освоение информационного пространства, противодействия экстремизму в СМИ, а также развитие новых медиа – Instagram, Facebook, YouTube, Вконтакте,

Telegram, раскрыли новые рамки для волны эволюции образа военнослужащих. Концептуальные подходы в освещении и предоставлении обществу информации о закрытой «касте» силовых ведомств стали доступны по всему миру. Утверждение и отпечаток на культуре, становятся очевидным. И если ранее герой на войне имел романтический образ, то сегодня он трансформируется и подается в агрессивной манере. В персонаж закладывается больше смысла, и он подается обществу как возмездие за террор. Для философских восточных теорий, он кажется деструктивным. И принцип «око за око», с появлением агрессии в СМИ все больше утверждается. Военные – это люди из мира насилия, сила и антигуманность по отношению к современному противнику подается через старое крылатое латинское выражение: «In hostem omnia licita» (По отношению к врагу все дозволено). Глубина этой фразы раскрывает тему современно человека на войне, но не показывает другую часть айсберга. Ранее закрепившиеся мифы о военных постепенно размываются из-за развития нового информационно-го поля и в эпоху сформированного антинаучного тезиса о ведении «информационной войны».

На основании изложенного нам представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, нам представляется обоснованным, проследить интерпретацию абсолютизированного и положительного образа человека на войне, который на современном этапе полностью поменялся, и стал нейтральным.

Во-вторых, внутреннее содержание образа оставляет свои отпечатки на современной культуре по средствам СМИ и новых медиа систем. В результате чего, имеет как негативные, так и положительные стороны формирования и закрепления новых проблематик и тем в обществе, посвященных целому комплексу военно-политических аспектов.

В-третьих, дальнейшая мифологизация и эволюция образа солдата, приводит нас к созданию агрессивной среды через отечественные и западные методики (несмотря на их различия между собой) позиционирования нового этапа развития с применением культурных кодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Киплинг,_Джон
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Белое_перо
3. <http://kremlin.ru/events/president/news/46385>
4. <https://openuni.io/course/2/lesson/12/material/252/>
5. <https://www.kp.ru/daily/25782.4/2765006/>
6. https://www.vokrug.tv/person/show/aleksei_balabanov/
7. <https://meduza.io/feature/2017/06/17/brat-20>
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Вежливые_люди
9. <https://www.mk.ru/economics/article/2014/04/17/1015873-vezhlivost-goroda-beret-internetmem-vezhliyvie-lyudi-stanet-brendom.html>
10. https://aif.ru/politics/world/varvary_protiv_istorii_v_sirii_unichtozhen_odin_iz_hramov_antichnoy_palmiry
11. <https://avidreaders.ru/read-book/islamskoe-gosudarstvo-armiya-terrora.html?p=9>
12. <https://avidreaders.ru/read-book/islamskoe-gosudarstvo-armiya-terrora.html?p=43>
13. К. Кайл «Американский снайпер», стр. 136
14. <https://peshmerganor.com/>
15. <https://www.dagbladet.no/nyheter/dere-er-rovdyret-taliban-er-byttet-til-valhall/64663514>
16. https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201609231348-bn0p.htm
17. <https://www.mk.ru/politics/2018/02/05/eto-vam-za-pacanov-vosstanovleny-poslednie-minuty-zhizni-pogibshego-letchika.html>

© Биндас Дмитрий Валерьевич (Dmitrij.bindas@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ РФ

Кочарский Лев Савельевич

аспирант, Сочинский государственный университет;
м.н.с., Институт пространственного развития
регионов, г. Сочи
lum.mas@yandex.ru

FEDERAL LAWS INFLUENCING ON SOCIAL STRUCTURE POST-SOVIET SOCIETY OF THE EURASIAN REGION BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION

L. Kocharsky

Summary: The presented article is devoted to study of federal laws as factor that influenced the social structure post-soviet society in Russia. The author attempts to research in works Russian leading researchers (M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova) impact of federal laws on social structure post-soviet society in Russia.

At this time taking into account the relevance of research such social categories as: social stratification, social institutions and society, there is a need to study such an external factor as federal laws that influenced them.

In the research process the author points out that the external influence of federal laws on the social structure of post-Soviet society in the Russia is poorly studied by leading Russian sociologists.

The author concluded that federal laws are one of the factors that influenced the social structure of the Russian Federation in the post-Soviet period. This factor must be taken into account for the implementation of state policy in Russia.

Keywords: federal regulations, social structure, post-Soviet society, Eurasian region, RF.

Аннотация: Представленная статья посвящена исследованию федеральных нормативно-правовых актов, как внешнего фактора повлиявшего на социальную структуру в современном российском обществе. Автором предпринята попытка, рассмотреть в трудах ведущих отечественных исследователей (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова) влияние федеральных нормативно-правовых актов на социальную структуру, в постсоветский период.

В работе отмечается, что в настоящее время, с учетом актуальности исследований, таких социальных категорий как: социальная стратификация, социальные институты и общество в целом существует необходимость исследования такого внешнего фактора, как федеральные нормативно-правовые акты, повлиявшие на них.

В процессе исследования, автор указывает на то, что внешнее влияние федеральных нормативно-правовых актов, на социальную структуру постсоветского общества в РФ слабо изучено, ведущими отечественными социологами.

Автор пришел к выводам, что федеральные нормативно-правовые акты, являются одним из факторов, повлиявшим на социальную структуру РФ в постсоветское время. Этот фактор необходимо учитывать, для реализации государственной политики в России.

Ключевые слова: федеральные нормативно-правовые акты, социальная структура, постсоветское общество, Евразийский регион, РФ.

В постсоветский период, является актуальным изучение социальных страт Евразийского региона, так как после распада СССР, политика либерализации привела к образованию новых суверенных государств и социальных институтов. Этот период характеризуется либерализацией внешней торговли, отказом от подготовки годовых планов экономического и социального развития и приватизацией советского имущества [1, с. 1-2]. Возникает зависимость экономики государства от международных экономических организаций таких как: МВФ, Всемирный банк, ВТО. В тоже время в евразийском регионе появляются такие межгосударственные организации как Евразийский экономический союз, ОБСЕ, СНГ, ШОС. Эти процессы привели к коренным изменениям в социальной структуре постсоветского общества на евразийском континенте. Исследование данных процессов привлекало внимание видных социологов, таки как: В.А. Ядов 1995, В.В. Радаев 1997, Г.А. Ястребов, О.И. Шкартан 2007; Н.Е. Тихонова 2017, М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги 2021 и др.

Поэтому анализ причин, повлиявших на социальную структуру российского общества в постсоветское время, является актуальным. Еще одним аспектом подчеркивающим актуальность изучения социальной стратификации на евразийском континенте на примере РФ, являются идеи классических евразийцев. Несмотря на то, что большинство из их концепций были утопичны, следует отметить факторы (геополитические, территориальные и экономические), которые, по их мнению, влияли на все Российское общество и в том числе на его социальную структуру. Одной из причин, повлиявших на социальную структуру российского общества в постсоветское время, может выступать федеральное законодательство. Но в исследованиях ведущих отечественных социологов, практически не рассматривается данный фактор, либо, же он отражен слабо, что и обуславливает актуальность исследования. На основании этого целью статьи стало изучение влияния федеральных нормативно-правовых актов как внешнего фактора, влияющего на социальную

структуру постсоветского общества евразийского региона на примере РФ.

Для исследования, были использованы следующие методы: синтеза, анализа и сравнительно-правовой метод. Сравнительно-правовой метод был применен для сравнения между собой федерального законодательства РФ и вычленения норм, повлиявших на социальную структуру.

Изучая различные подходы к определению феномена «социальная стратификация», необходимо указать на многоаспектность и сложноструктурированность данного общественного явления, выступающего в качестве динамично меняющейся системы исследования классового неравенства в обществе. При этом, анализируя сущностные аспекты социальной стратификации, следует отметить, что данный феномен имеет двойственную форму реализации: может рассматриваться как явление, так и как процесс.

Как явление оно представляет собой иерархически соподчиненное деление социума на социальные слои. Как процесс, социальная стратификация реализуется в качестве системы критериев и признаков оценки социального неравенства [2, с. 21]. В свою очередь, данная дефиниция, в сущности, является значимым социальным явлением в жизни общества.

Следует акцентировать внимание на том факте, что на социальную стратификацию, как на многогранное динамичное явление, в постсоветский период оказывали влияние не только внутренние, но и внешние факторы, в частности государственное управление. Государственная политика по формированию и упорядочиванию социальной структуры общества реализовывалась посредством нормотворчества. По мнению академика М.К. Горшкова «в настоящее время в России, произошли процессы сильно повлиявшие на развитие общества» [3, с. 15]. Соответственно, федеральные нормативные правовые акты как ключевой инструмент государственной политики могли выступать одним из факторов, на социальную структуру российского общества в последние 30 лет.

Со вступлением в законную силу Конституции 1993 г. были декларированы: равенство всех перед законом, включая отношение к религии (ст.19), свобода вероисповедания (ст.28), право на объединения (ст.30), право на частную собственность и занятие предпринимательской деятельности (ст.34,35.), право на свободный труд (ст.37) [5].

Так, ввиду декларирования свободной экономической деятельности, частной собственности и свободного распоряжения ею, формируется новый социальный слой

- предпринимателей. Положения статей 19, 28 основного закона, признающие идеологическое и мировоззренческое многообразие, закрепленные в основном законе, послужили законным основанием для образования социального слоя священнослужителей и религиозных деятелей, который в советское время не был легитимен в силу коммунистической идеологии атеизма. Нормы пунктов 4, 5 статьи 29 Конституции, декларирующие свободу поиска, получения, передачи, произведения и распространения информации любым законным способом, а также свободу массовой информации, в свою очередь, послужили основанием для образования социальных слоев, таких как блогеры и фрилансеры [5].

Законодательное закрепление права на «объединения, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов», а также право на свободу деятельности общественных объединений способствовало формированию новых элементов в социальной структуре постсоветского общества таких как: общественные, религиозные и политические объединения, в том числе и иностранные, которые были законодательно закреплены в федеральных законах. В поправках к Конституции от 2020 года в статьях (38, 67), были прописаны такие элементы социальной структуры как: защитники отечества и дети.

Изучением социальной структуры постсоветского общества, занималась Н.Е. Тихонова. Она отмечает, что в эпоху Путинского правления, социальная структура подверглась сильным изменениям. Исследователь выделяет тенденцию повышения благосостояния граждан, с одной стороны, а с другой выделяя кредитную кабалу и исчезновения класса крестьян [6, с. 21-22]. На основании материального положения ученый выделяет 4 класса и 11 страт, сформировавшихся в постсоветский период. (Таб №1)

Н.Е. Тихонова, в своей работе «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России», исследуя период 2014 - 2018 годов затрагивает экономические процессы, повлиявшие на социальную мобильность и структуру российского населения [6, с. 30-31].

Но необходимо отметить, что в данный период как раз вышел «ФЗ №422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход». Данный закон, стал правовым основанием для появления новой социальной прослойки - самозанятых. Также, он повлиял на социальную мобильность, в частности способствуя переходу людей из медианного и нижнего среднего класса в социальный слой самозанятых.

Таблица №1.

Численность основных классов и страт российского общества, выделенных по критерию уровня жизни, по состоянию на 2003, 2005 и 2006 гг., в %

Классы и стараты	2003 г.	2005г.	2006 г.
Бедные	32	34	34
Нищие (1 страта)	6	7	7
Собственно бедные (2 страта)	14	15	15
Пограничная 3 страта (нуждающиеся)	12	12	12
Медианный класс – малообеспеченные (4 страта)	28	28	26
Средние классы	35	33	35
Нижний средний класс	23	22	23
Нижний средний класс - 1 (5 страта)	17	16	16
Нижний средний класс – 2 (6 страта)	6	6	7
Средний класс	12	11	12
Средний класс - 1 (7 страта)	7	6	7
Средний класс - (8 страта)	5	5	5
Богатые	5	5	5
Пограничная 9 страта (верхний средний класс)	4	4	4
Собственно богатые (10 страта)	1	1	1
Элита и субэлита (11 страта)	-	-	-

Социолог справедливо отмечает, что в постсоветский период, произошло новое социальное образование – прекариат, которое несет в себе черты протокласса [7; 286-287]. Этот протокласс, включает в себя людей занятый частичной или непостоянной трудовой деятельностью, а также работающие в теневом секторе экономики. В период 2014 – 2018 годов, произошло стремительное увеличение данного социального образования. В свою очередь, необходимо отметить, что в совместном исследовании Горшкова и Тихоновой, упоминается, что

принятие новой редакции ФЗ №233 «О прожиточном минимуме в РФ» и постановление Правительства РФ № 56, повлияло на социальную мобильность и структуру общества в РФ [8, с. 156-158].

Исследователь А.А. Королев справедливо подчеркивает влияние на социальные слои новых евразийских межгосударственных организаций в евразийском регионе. Так «СНГ начального периода в основе своей представляет слабовыраженный межправительственный союз с неоднородным социально-экономическим комплексом с развивающимся национальным законодательством. Постепенно стало происходить развитие интеграции. Создание в 1996 г. Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Спустя три года подписание Договора между странами о едином экономическом пространстве. Учреждение союзного государства России и Белоруссии. Образование Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) по инициативе Н.А. Назарбаева. Все это стало платформой для новых интеграционных преобразований в евразийском континенте. Так В.В. Путин Н.А. Назарбаев и А.Г. Лукашенко подписали договор о создании Евразийского экономического союза» [10, с. 2-3]. Все это повлияло на социальную стратификацию евразийского региона.

Исходя из исследования, можно сделать вывод о том, что ведущие исследователи такие как М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова в области социальной структуры общества, практически не придают значения федеральным нормативно-правовым актам евразийского региона на примере РФ, в качестве аспекта, влияющего на социальную структуру общества. На основании исследования мы пришли к выводу, что одним из факторов, который влияет на социальную структуру общества, являются федеральные нормативно-правовые акты. Этот фактор необходимо учитывать, для реализации государственной политики в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшова Е.В. Пробелы в правовом регулировании государственного планирования // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал 2008 №3.
2. Социологический энциклопедический словарь (М., 1998).
3. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. - Вып.6. - М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 3-9
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 09.06.2020).
5. Тихонова Н.Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоёв населения России: 2003–2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Том. 6. № 3. С. 7-25.
6. Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 27-47.
7. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. — М.: Весь Мир, 2018. — 384 с.

8. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.
9. Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. — М.: 2008. — 320 с.
10. Королев А.А. Евразийство: от идей к современной практике // Знание. Понимание. Умение 2015 №1.

© Кочарский Лев Савельевич (lum.mas@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сочинский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ В ВИЗУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Лаврентьева Анна Юрьевна

к.ф.н., старший преподаватель, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
Lavrenty0719@mail.ru

SOCIAL IMPORTANCE OF STUDYING RELIGION IN VISUAL PHILOSOPHY

A. Lavrentieva

Summary: The article examines the role of visualization in the spiritual and moral development of an individual. Visual philosophy explores the prospects for the formation of visual thinking. Difficulties of perception and decoding of information are associated with an excessive actualization of the role of visualization in modern education. Among the methods of visual structuring, it is necessary to single out structural and logical schemes. The possibilities and risks of studying religion by digital philosophy are presented.

Keywords: visualization, visiosophy, religion, spiritual and moral development, Digital Philosophy, Digital Humanities.

Аннотация: В статье рассматривается роль визуализации в духовно-нравственном развитии личности. Визуальная философия исследует перспективы формирования визуального мышления. Трудности восприятия, раскодирования информации сопряжены с чрезмерной актуализацией роли визуализации в современном образовании. Среди методов визуального структурирования необходимо выделить структурно-логические схемы. Представлены возможности и риски изучения религии цифровой философией.

Ключевые слова: визуализация, визиософия, религия, духовно-нравственное развитие, Digital Philosophy, Digital Humanities.

Религия как социальный институт выполняет основную группу функций, обеспечивающих относительно стабильное существование общества. В данной практике особое внимание уделяется воспитательной, образовательной деятельности института. Социум формирует социальные связи внутри собственной социальной структуры, создавая границы, которые регулируют социальные институты, в том числе религиозный, что позволяет выстроить стройную систему взаимодействий. Эти пределы выражаются в правилах, нормах, традициях, законах, принципах, категориях, которые передаются из поколения в поколение посредством словесных формулировок, фиксированных текстов, графических схем, таблиц, культурных символов, иконографии и т.д., в том числе в образовательном пространстве.

Как продукт человеческой деятельности, религия применяет особые способы представления религиозной информации, то есть визуализацию. Более того, не все компоненты в религии могут быть объяснены непосредственно только терминами, категориями. В данном случае религии помогают визуальные наглядные образы, к примеру, символы рыбы в христианстве, меча в сикхизме, лотоса в буддизме, многоликости в индуизме, полумесяца в исламе, которые непосредственно доносят определенное знание до субъекта, объединяют в общину, компенсируют социальную аномию. Религия, как социальный институт, обеспечивает нормализацию социальных процессов и стабилизацию общества.

Духовно-нравственное воспитание является одной

из основных задач религии как социального института. Каждая религиозная система предлагает принципы духовного самосохранения, примеры добродетельного поведения. Так, нравственный подвиг в христианстве (католицизме, православии и протестантизме) выражается в категориях: возрождение, обращение, оправдание, освящение, прославление. «Тоска по новому человеку»[1] есть главный принцип строительства христианского образа жизни, где Абсолют выступает воплощением добродетели, к которой должен устремить свой взор человек. Протестантизм определяет веру как единственное важное дело совершенствования, что следует наполнить обязательным чтением Библии. Католическое вероучение уделяет внимание почитанию Христа и Богородицы Марии. Достижение гармонии человеком есть совокупность разных аспектов, морали и призвания особого художества (милосердия и любви). Добрые дела, борьба с грехом, труд, жизнь в вере, любви и благодати, посредством участия в таинствах направляют к нравственному подвигу православного верующего человека.

Мировые религии (ислам, буддизм и христианство) формируют концепцию нравственного воспитания, учение нравственного закона, основанные на добродетелях. Наглядно данный процесс воспитания добродетелям можно представить в виде двух схем (рис. № 1, № 2), которые характеризуют сложную, трудоемкую систему духовного развития человека в мировых религиях.

Иисус в христианстве, Мухаммед в исламе, Будда в

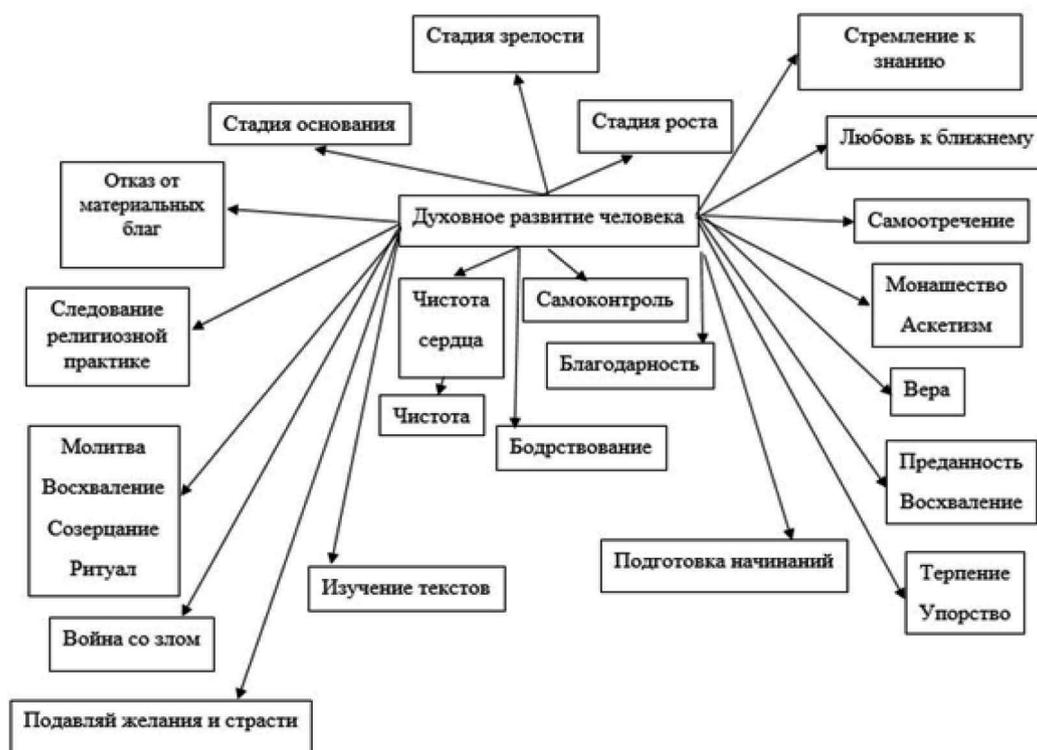

Рис. 1. Духовное развитие человека в мировых религиях. Сходство

буддизме есть эталоны совершенства. Путь духовного совершенствования включает три ступени: основание, рост и зрелость, последняя из которых является пределом духовного развития. Это стадия арханта, единения с Христом, святого, человека, приближенного к Богу, бодхисатвы.

Духовно-нравственное развитие человека различно определяют в мировых религиях. В исламе это духовное самосовершенствование, которое возможно в результате выполнения установлений Аллаха. В буддизме это самосовершенствование, то есть развитие человека собственными усилиями при прохождении всех ступеней совершенства, где цель – отрешение от внешнего мира. В христианстве это духовное совершенствование на основе веры и добрых дел.

Религия является одним из объектов философского изучения, современные способы которого актуализируют визуализацию. Доктор философских наук А.В. Макулин дает определение визуализации философии как способов представления философской информации в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа [5, с. 63]. Термином «цифровая визиософия» А.В. Макулин формулирует наглядное, интерактивное представление о философском знании, его визуально-семантическом кодировании и распознавании [5, с. 70]. А.А. Ромащенко и М.А. Ромащенко называют данный метод современным и популярным корпусом цифровых методов – Digital

Philosophy – и суммой наук о духе, преломленная сквозь призму цифрового мастерства – Digital Humanities, обосновывают наличие в учебном процессе трех принципов онтологии визуального образа в философии: абстрактное мышление, способность к воображению и обобщению, которые имеют преимущества перед схематичной философской визуализацией [10, с. 40, 41]. Следовательно, философское обоснование проблем визуализации образования, философии и религии, актуально.

Цель духовно-нравственного развития – сформировать когнитивную, ценностно-смысловую сферу личности. В данном процессе образовательные институты выполняют важную задачу. С позиции кандидатов педагогических наук И.В. Тихомировой, И.И. Иванова, П.Г. Омаровой, визуализация учебной информации позволяет решить определенные задачи: обеспечить интенсификацию обучения, активизировать учебную и познавательную деятельность, сформировать и развить критическое и визуальное мышление, эвристическое восприятие, передать знаний и распознать образы, повысить визуальную грамотность и визуальную культуру [11, с. 309]. Как отмечает Д.В. Рахинский, «тенденция демократизации системы ... образования отражается в развитии дистанционных форм обучения, появление которых непосредственно связано с развитием компьютерных сетей, позволяющих желающим повысить образование, получить доступ к учебно-методическому массиву информации учебного заведения». [8, с. 205].

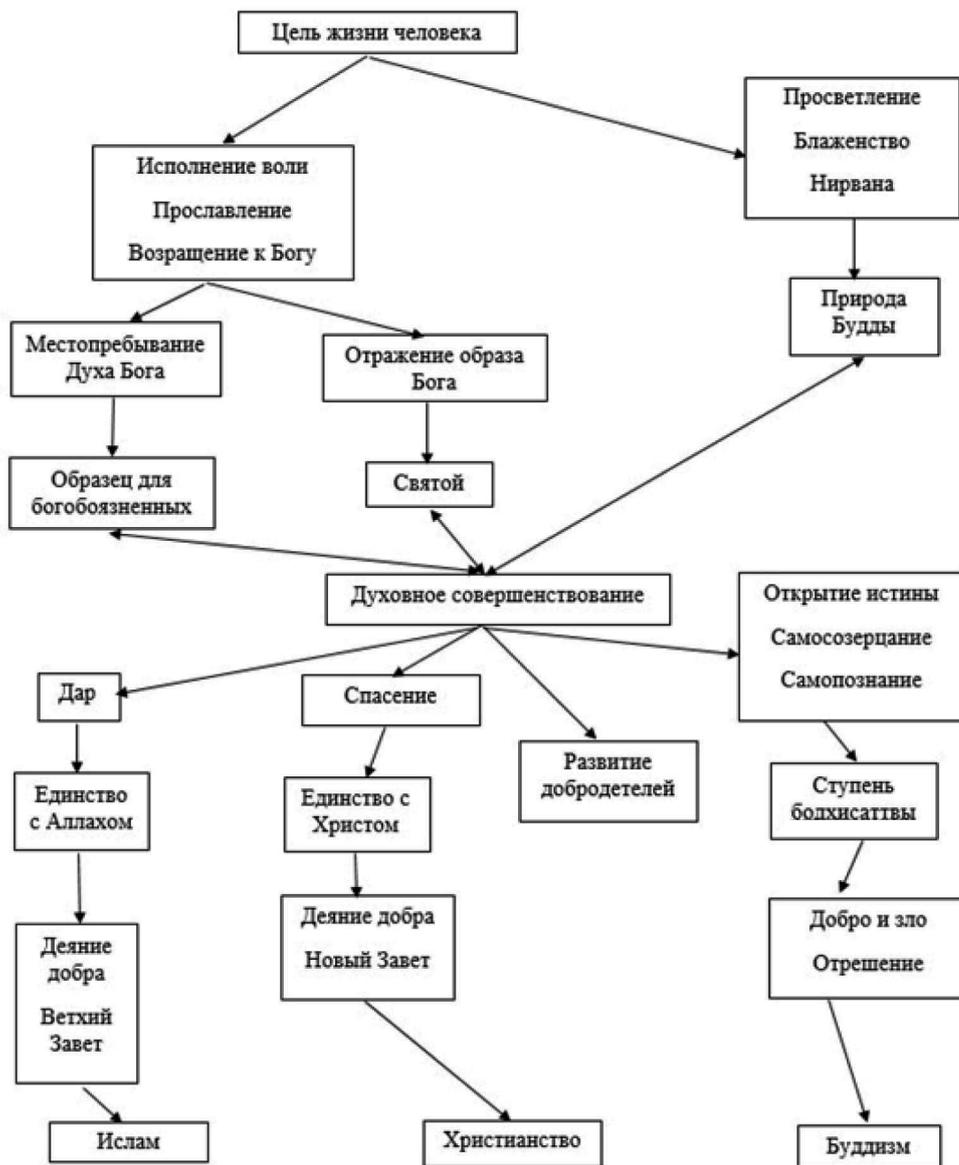

Рис. 2. Духовное развитие человека в мировых религиях. Различие

Применяя визуализацию, как способ представления информации в образовательном процессе, преподаватель более эффективно раскроет смысл и значение объясняемого явления, предмета изучения. Полякова Е.В. считает, что на практике применять необходимо именно структурно-логические схемы, так как они более информационно емкие и универсальные; хотя на практике, используются более сотни методов визуального структурирования – от традиционных диаграмм и графов до «стратегических» карт (roadmaps), лучевых схем-пауков (spiders), казуальных цепей (casual chains) и интеллектуальных карт (mind maps), что обусловлено различиями в природе, особенностях и свойствах знаний различных предметных областей [7, с. 123]. Формирование визуального мышления способствует иллюстрации изменений процессов, твор-

честву, развитию стереоскопичности, трехмерного восприятия, которые «многократно усиливается при использовании возможностей компьютера» [3]. В подобном процессе сам субъект есть предел для познания окружающего мира. Что станет критерием логики отбора информации? Каково будет методическое оснащение изучения визуального объекта? Частность позиций, отсутствие последовательности, очередности, важности, знаний, инструкции, методик работы с визуальными религиозными компонентами, бедность выбора, подмена понятий, не будет способствовать формированию системного мышления.

Дудник С.И., Марков Б.В., изучая трансформации образования в цифровую эпоху, делают следующие положения:

1. если слово воздействует на мышление благодаря значению, то аудиовизуальные медиа возбуждают желания, формируют «клиповое сознание»;
2. новые медиа, с одной стороны, открывают возможности развития визуальных и эмоциональных способностей учащихся, а с другой — блокируют живое межличностное общение;
3. для развития рефлексивного опыта новые образовательные программы должны быть дополнены герменевтическими и семиотическими техниками обучения, способствующими пониманию смысла, обеспечивающими живое межличностное общение;
4. повышение производительности образования путем внедрения цифровых технологий сопровождается усилением электронного контроля и управления;
5. необходимо создание такой педагогической атмосферы, в которой культивируются свобода и ответственность, доверие и дружба [2, с. 214].

Поэтому, обнаружение подобных рисков, связанных с использованием наглядных форм в объяснении религии, указывает на сложность процесса восприятия религиозного явления и может привести к ошибкам восприятия, в крайнем случае, к социальным катаклизмам. Как делает вывод доктор педагогических наук Е.Ю. Ромашина, исследовав визуализацию религии в пособиях XIX века, сегодня религиозная тема все еще не имеет наработанного опыта выстраивания диалога с учеником [9, с. 81]. Существуют лишь частные методики

религиоведческих школ и конфессиональных направлений. Поэтому, данный способ представления следует назвать в отношении изучения религии дополнительным, а не основным методом обучения. «Успехи визуализации, достигнутые в науке, позволяют говорить о том, что после грандиозного визуального поворота XX столетия, мы стоим на некоем наблюдательном пункте и видим мир гораздо глубже, виртуальнее, чем мог себе представить самый смелый наблюдатель прошлого, однако утверждать аналогично, что с высоты цифровых достижений мы воочию смотрим на философию и понижаящие ее процессы мышления, даже сквозь всю мощь визуального аппарата инфографики – слишком рано. Философия еще крепко держится невидимого мира идей, а существующие ныне визуализации постоянно демонстрируют нам как свою собственную познавательную непрочность, так и фундамента, на котором базируется все здание визуализации философского знания. Однако это не может являться веским аргументом в пользу отказа от визуализации, это значит, что она должна искать свою дорогу к философии, тем более что сделано в этом направлении уже очень многое» [4, с. 456]. Таким образом, визуально-семантическое кодирование и распознавание цифровой визиософии необходимы для исследования в философии, а также для изучения развития религиозной мысли, религиозных традиций и др., в процессе изучения религий мира. Благодаря цифровым технологиям возможно расширить информационное поле гуманитарных исследований [6], в том числе в области религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильдебранд, Д. фон. Сущность христианства. Режим доступа: https://psychoanalysis.pro/lib/gildebrand-lib/gilderbrant_sustchnost_hristianstva/page02.htm. (Дата обращения: 17.08.2021).
2. Дудник С.И., Марков Б.В. Кризис образования в цифровую эпоху // Вестник С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, вып. 2. С. 214–226. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.201> (Дата обращения: 26.05.2021).
3. Крюкова, С.А. Понимание визуального мышления // Аналитика культурологии / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2012. № 1(22). С. 152–155.
4. Макулин, А.В. Визиософия: монография. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2017. 480 с.
5. Макулин, А.В. Визуализация философии и цифровая визиософия // Вестник Сев. (Аркт.) федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск, 2016. № 3. С. 62–72.
6. Можяева, Г.В. DIGITAL HUMANITIES: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8 – 23.
7. Полякова Е.В. Применение способов и методов визуального мышления в современном образовании // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 10(135). С. 120–124.
8. Рахинский, Д.В. Социальное значение информатизации образования // Проблемы современной аграрной науки : материалы междунар. заоч. науч. конф. / Красноярский гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2015. С. 203–205.
9. Ромашина, Е.Ю. Визуализация религии в российских азбуках и букварях XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2017. Вып. 46. С. 67–85.
10. Ромашенко, А.А., Ромашенко, М.А. Онтология визуального образа и цифровая реальность современной философской визуализации // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 4(21). С. 39–42.
11. Тихомирова, И.В., Иванов, И.И., Омарова, П.Г. Реализация принципа визуализации в процессе обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-1. С. 307–309.

© Лаврентьева Анна Юрьевна (Lavrenty0719@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И СУДЬБЫ РУССКОГО МИРА

RELIGIOUS AND MORAL TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND THE FATE OF THE RUSSIAN WORLD

E. Mochalov
M. Eldin
M. Gryzhankova

Summary: In Russian ethical thought primary attention was paid to the practical aspect of the idea of traditionality, ways of its implementing. The works of thinkers of Medieval Russia expressed a call for active concern for the welfare of another person (Vladimir Monomakh), active philanthropy, which was considered as the basis of piety («The Word about ordeals»). The issues of the essence of human value (Joseph Volotsky), the greatness of the mind (Daniel Заточник), the perfection of the spirit (Nil Sorsky) were also covered. Dialogic ethics of M. Bakhtin, considering the sphere of intercultural interaction, offers a new understanding of the space of practical implementation of the principle of focusing on active care for the well-being of a person.

Keywords: dialogue, tradition, Russianness, counterculture, philosophy, ethics, Russian spirituality.

Мочалов Евгений Владимирович

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск
mochalov_ev@mail.ru*

Елдин Михаил Александрович

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск*

Грыжанкова Марина Юрьевна

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск*

Аннотация: В российской этической мысли большое внимание уделялось практическому аспекту идеи традиционности, путям претворения ее в жизнь. В этой связи произведения мыслителей Средневековой Руси выражали призыв к активной заботе о благе другого человека (Владимир Мономах), деятельному человеколюбию, рассматривавшемуся как основа благочестия («Слово о мытарствах»). Также освещались вопросы сущности человеческой ценности (Иосиф Волоцкий), величия разума (Даниил Заточник), совершенствования духа (Нил Сорский). Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа деятельной заботе о благе человека.

Ключевые слова: диалог, традиция, русскость, контркультура, философия, этика, российская духовность.

Основной формой выражения идеи философичности в религиозной мысли Средневековой Руси стало представление о христианской добродетели как принципе, требующем активной заботы о благе другого человека, деятельного человеколюбия. В этой форме она ярко проявляется в «Поучении» Владимира Мономаха, призывавшего помогать сиротам, вдовам, нищим, странникам, защищать человека от притеснения «сильных», чтить старых «как отца, а молодых, как братьев» и т.д. [1]. Деятельное человеколюбие средневековый русский человек рассматривал как основу благочестия: «благочестивым он считал не того, кто проводит время в постах и молитвах, но того, кто добродетелен в жизни» [4, 55].

По нашему мнению, непосредственной основой признания высшей ценности человеколюбия выступала христианская идея о подобии человека Богу, что нашло яркое отражение в работах Иосифа Волоцкого [7]. Особая значимость придавалась также человеческому разуму (Даниил Заточник). В философии Древней Руси рассматривалась и проблема совершенствования чело-

века, его ума (Владимир Мономах) и духа (Нил Сорский). Безусловно, во всех этих идеях сохраняется присутствие основной гуманистической традиции – ориентации на деятельную заботу о людях.

Следует подчеркнуть, что со временем эта традиция только укрепляется. Как показывает анализ русских проповедей XVII в., любовь в них предстает не только главной добродетелью христианина, но и основой других его добродетелей. В этой связи очень интересно определение М.М. Бахтина относительно места культурных традиций в контексте духовного развития общества: «Каждое явление культуры конкретно- систематично, то есть занимает какую- то существенную позицию по отношению к преднаходимой им действительности других культурных установок...» [2, 46]. Причем, если в католических проповедях этого периода любовь к ближнему рассматривалась как уважение его интересов, непричинение ему вреда, то в православных проповедях она понималась именно в ее деятельном аспекте, как сострадание, милостыня, бескорыстная помощь [10, 153]. Рассматривая эту особенность русской гуманистической мысли на

примере подвижничества, Котельников В.А. называет ее харитативной обращенностью к миру (*χαρις*), любовным служением миру [9, 55].

В XVIII в. направленность на заботу о благе человека четко прослеживается в формирующихся в русской этике под влиянием Запада светских формах идеи гуманизма (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев). Она выражается в отмечаемом исследователями [6, 93] придании основной значимости морали, в установлении приоритета нравственности (духовности) над разумом.

Влияние ориентации на деятельное человеколюбие прослеживается и в светских направлениях отечественной мысли первой половине XIX в. Опыт переживания граней чувственной природы этой ориентации представлен в эстетическом гуманизме русских романтиков Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. Он выражается и в призывах В.Г. Белинского к практической деятельности как сущности нравственности в его конкретном гуманизме.

В то же время, не найдя достаточных оснований для деятельного человеколюбия в светских идеях российской философской мысли в поисках его глубинной природы в XIX в. обращается к религиозной и метафизической тематике. В этом контексте выделились два основных направления. Первое сосредоточилось на исследовании предельных форм выражения этого принципа. Оно было представлено «этикой непротivления злу» Л.Н. Толстого и «этикой абсолютного добра» Ф.М. Достоевского. Второе направление сконцентрировалось на выявлении особой природы взаимосвязи людей как источника и пространства реализации этого принципа. К нему относится учение о едином христианском человечестве и всеобщем нравственном законе П.Я. Чаадаева и «этика соборного добра» В.С. Соловьева. Это направление, ставшее особенно популярным, получило свое развитие и в первой половине XX в. (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, С.А. Левицкий, Б.П. Вышеславцев). В этот же период формируется еще одно самостоятельное направление, связанное с исследованием метафизического статуса человека как основы его подлинной морали, нацеленной на заботу о благе людей. Речь идет об эсхатологической этике творчества Н.А. Бердяева и богочеловеческой этике С.Н. Булгакова.

Вместе с тем, представители евразийского направления в философии России критически рассматривали специфику российского развития и становление русской государственности в тюркских регионах. В трудах евразийцев неоднократно высказывается идея о многогранных и многоаспектных связях русских и тюрков, повлиявших на судьбы российской духовной традиции: «Пример монголо-татарской государственности (Чин-

гисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно, сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской. Широко повлиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было особенно сильно с XIII по XV век [14,18].

Историческое взаимодействие тюрков и славян философы-евразийцы воспринимали как обычный феномен не только межцивилизационного диалога, но прежде всего как отличительная особенность российского общественно-исторического пути развития. После распада и упадка тюркских ханств, осколков Золотой Орды, Россия становится естественным восприимчиком могущественной Золотой Орды, а не только византийской имперско-православной традиции. Современный исследователь историософских проблем евразийства С.Н. Пушкин отмечает: «Русская государственность могла стать преемницей монголо-татарской государственности в связи с тем, что лишь на Руси ее дух и идеи получили достойное преобразование в национально-религиозной форме» [13, 50].

И действительно, российско-тюркское взаимодействие носит «непрессованный» характер. Россия воплотила в реальной социальной практике принцип религиозной толерантности и полиэтничности, чего достаточно сложно проследить в государствах, сходных по геополитическому расположению своих территорий с Россией. В этом отношении справедлива я мысль, высказанная выдающимся евразийцем Н.С. Трубецким в его работе «Наследие Чингисхана»: «Московский царь, оказавшийся носителем ...новой формы татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблекли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса» [16, 242].

В советское время в официальной этике произошел отход от российской гуманистической традиции. В 60-х годах вводится понятие социалистического гуманизма как воплотившейся в советском государстве промежуточной стадии между буржуазным гуманизмом и коммунизмом. Выступая в качестве идеологии пролетариата, он выражал высшую ценность не человека, а этого класса, поскольку именно этот класс должен был путем борьбы с эксплуататорами привести общество к коммунизму. Идея гуманизма в ее традиционном российском понимании ярко проявилась в неортодоксальной этической мысли. Например, диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека.

Противоречивость действительности в оценке в

оценке понятия традиции была отмечена еще в исследованиях М.М. Бахтина. Он назвал подобные явления реальности полифонией, объединяющей «статические» и «динамические» черты в описываемой исследователем практике. В диалоге культур, по Бахтину, возможно выйти до предела данной культуры, то есть выйти к исходным, первоначальным, вечным вопросам и ответам. При этом «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [2,333].

Поясним, что идея российской специфики и «судеб русского мира» была одним из основных объектов рассмотрения в этической мысли России. Отличительной особенностью российской философской традиции, одновременно составившей и ее важнейшее достижение, является осуществленный ею глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении человека к другим людям. К числу основных рассматривавшихся форм ее выражения на этом уровне были любовь, добродетельность, милосердие, обращенность человека к миру, его нацеленность на благо каждого человека и всего общества (общее благо). Не ограничиваясь уровнем анализа индивидуально-общественного отношения человека к людям, российская этическая мысль разрабатывает проблему выражения идеи гуманизма на уровне всей системы человеческих взаимоотношений, исследуя такие связанные с ней феномены, как соборность, всеединство. Основным содержанием нравственных требований к человеку, определявшихся российской религиозно-нравственной традицией, была сама идея «русского мира», представавшая в роли принципа должного отношения к людям.

Общей чертой российских форм идеи морали является их направленность на взаимоотношения людей, на человечество как единое целое, что позволяет говорить о выраженном в них особом глобалистическом типе этой идеи. По словам М.А. Маслина, «XX век внес в российский исторический процесс особенно тяжелую череду беспрецедентных переломов, взлетов и падений, отрицаний и потерь... Россия как бы втянулась в поставленный историей грандиозный и мучительно затянувшийся эксперимент на выживание» [11,50].

Такие перспективы грозят распадом государства, социальной общности и усилят межрегиональные экономические, культурные и этнополитические диспропорции. Судьбы духовности тех или иных этнокультурных общностей – проблема весьма сложная и невозможно ее разрешить, не опираясь на исследования исторического

контекста наследия.

Распад государств исторически не является чем-то новым, этот для кого-то печальный процесс – естественное явление, особенно для имперских систем. Сохранение единства России становится проблемой не менее злободневной нежели укрепление «единения народов СССР», в XXI веке выживание столь обширного унитарного государства представляется маловероятным. По словам Ю. Бохеньского, «современная духовная ситуация не дает оснований для прометеевских представлений, для веры в человеческое всемогущество...». [5,98].

Общественная мысль, отображая прошлую и настоящую общественную жизнь в то же время сама влияет на нее, нередко предугадывая ее дальнейшее развитие, содействуя ее активизации, вызывая новые общественные движения- или, наоборот, замедляя ее, способствуя консервации идей и взглядов. В общественной мысли присутствует и прошлое и настоящее, и будущее - хотя бы в виде различного рода прогнозов, утопий и т.д. Как четко заметил В.А. Сендеров относительно культурного концепта «русского мира», многое оказалось драматичным для судеб традиций российской духовности: «панславизм абстрактной идеей отнюдь не является...привел страну к поражению и к гибели. Близкая к панславизму идеология «русского мира» не может с ним все-таки совпадать. Мощным корректором выступает советский менталитет» [15, 138].

Укажем, что общественная мысль представляет собой динамическую систему взглядов определенного класса, социальной группы или общества в целом. Необходимо при этом подчеркнуть явственно подразумеваемый факт зависимости общественной мысли от породившей ее общественной жизни, общественных отношений. В России материальной стороне жизни отводилось второстепенное место. Эта позиция приобретала довлеющее значение, когда проводилась политика изоляционизма и утверждение мессианизма. Однако тенденции современного культурного сознания и интеграция в мировое пространство, где господствуют довольно высокие запросы к материальному потреблению, оставляет мало надежды на сохранение единого пространства не только бывшего СССР, но и современной России.

В современную эпоху широкое распространение получила массовая потребительская («рыночная») культура, для которой характерно доминирование материальных (потребительских) ценностей и уменьшение значимости нематериальных ценностей. Снижение уровня духовности культуры отражается и на моральном сознании людей, приводя к уменьшению значимости в нем нематериальных ценностей и увеличение важности материальных.

Снижение духовности личности и общества имеет целый ряд негативных последствий. Исследователи связывают с этим утрату базовых смысложизненных ориентиров человека, рост напряженности и конфликтности отношений, деградации социума (разрушение социальных связей). Это влияет и на экономику. Преобладание своекорыстных, собственнических интересов ведет к радикализации естественного для рынка «экономического эгоизма», отходу от принципов сотрудничества и ориентации на неограниченное обогащение любыми средствами. Некоторые исследователи видят в этом основную причину мирового финансово-экономического кризиса [12, 123]

Именно духовные ценности образуют основу внутреннего мира человека, являются выражением его индивидуальности. Нивелирование их значения в моральном сознании индивида ведет к опустошению его личности. Духовные ценности являются важной основой и одним из источников социальной взаимосвязи людей. Это отмечается в российской этической мысли [5, 45] и находит подтверждение в исследованиях в области нейробиологии [17]. Поэтому снижение их значимости в обществе ведет к разрушению социальных связей. Угроза индивидуальности человека и угроза положительным (конструктивным) человеческим взаимоотношениям являются главными вызовами духовного кризиса человеку.

Негативная роль духовного кризиса проявляется также и в том, что, по всей видимости, он является глубинной причиной возрастания роли масс и даже тенденции к формированию глобальной политической системы, основанной на подчинении личности. Опустошение внутреннего мира человека, его личности, реализуясь в обществе в больших масштабах, ведет к формированию «человека массы», описанного Ханной Арендт. Переоценка материальных ценностей, устремленность к ним и к власти как к средству их приобретения лежит в основе желания некоторых сетевых и классических политических элит сформировать глобальную систему господства. Это делает духовный кризис главной глобальной проблемой современности.

Каковы перспективы использования гуманизма для противодействия кризису духовности? Рассматривая этот вопрос нельзя обойти вниманием критические замечания некоторых современных мыслителей в адрес утверждаемой им идее свободы человека. Ее подробное изложение представлено в работах современных глав православной и католической конфессий – патриарха Кирилла и папы римского Франциска XVI. Они указыва-

ют на то, что одного утверждения человеческой свободы не достаточно для преодоления духовного кризиса, что для этого свобода должна объединяться с нравственностью, со сферой моральных требований и ограничений.

Безусловно, многие западные исследователи отмечают, что России для того, чтобы достичь постиндустриальной фазы развития в соответствии с ее реальными природными особенностями потребуется десятки лет упорной работы, громадных капитальных вложений. Не существует на сегодня уверенности, что общество найдет в себе сил для того, чтобы осуществить такую грандиозную программу вторично. Данная критика направлена на традиционализм как мировоззрение. Имеющиеся в ней нравственные требования имеют характер мировоззренческих ориентиров, а не морального долга. Гуманизм как мировоззрение в действительности не содержит и не может содержать ни самостоятельной сферы нравственных требований, ни сферы феноменов воли, необходимых для следования им. Данные сферы могут существовать и иметь самостоятельную силу и значение лишь в системе морали. Таким образом, данная критика гуманизма является дополнительным свидетельством в пользу необходимости разработки его как морали, которая будет содержать все необходимое для обеспечения человека надежной системой нравственных ориентиров.

Таким образом, главными вызовами духовного кризиса человеку является угроза индивидуальности человека и угроза положительным (конструктивным) человеческим взаимоотношениям. По мысли М.С. Кагана, «духовность – это атрибут человека как субъекта..., а бездуховность – признак утраты личностью ее субъективных качеств и ее вырождение в простой субъект в подобие животного или механизма» [8, 136].

Для эффективного противодействия им необходимо, чтобы мораль гуманизма формирующегося глобального общества основывалась и на индивидуалистическом, и на глобалистическом типе идеи гуманизма. Ее индивидуалистическая основа будет способствовать утверждению и защите человеческой индивидуальности, обоснованию необходимости развития разума, интеллектуальных и творческих способностей человека, обогащению его внутреннего мира, освобождению и развитию духа, формированию стремления к самосовершенствованию, в том числе духовно-нравственному, и самореализации. Ее глобалистическая основа – ориентации людей на конструктивные взаимоотношения, сохранению их положительной взаимосвязи.

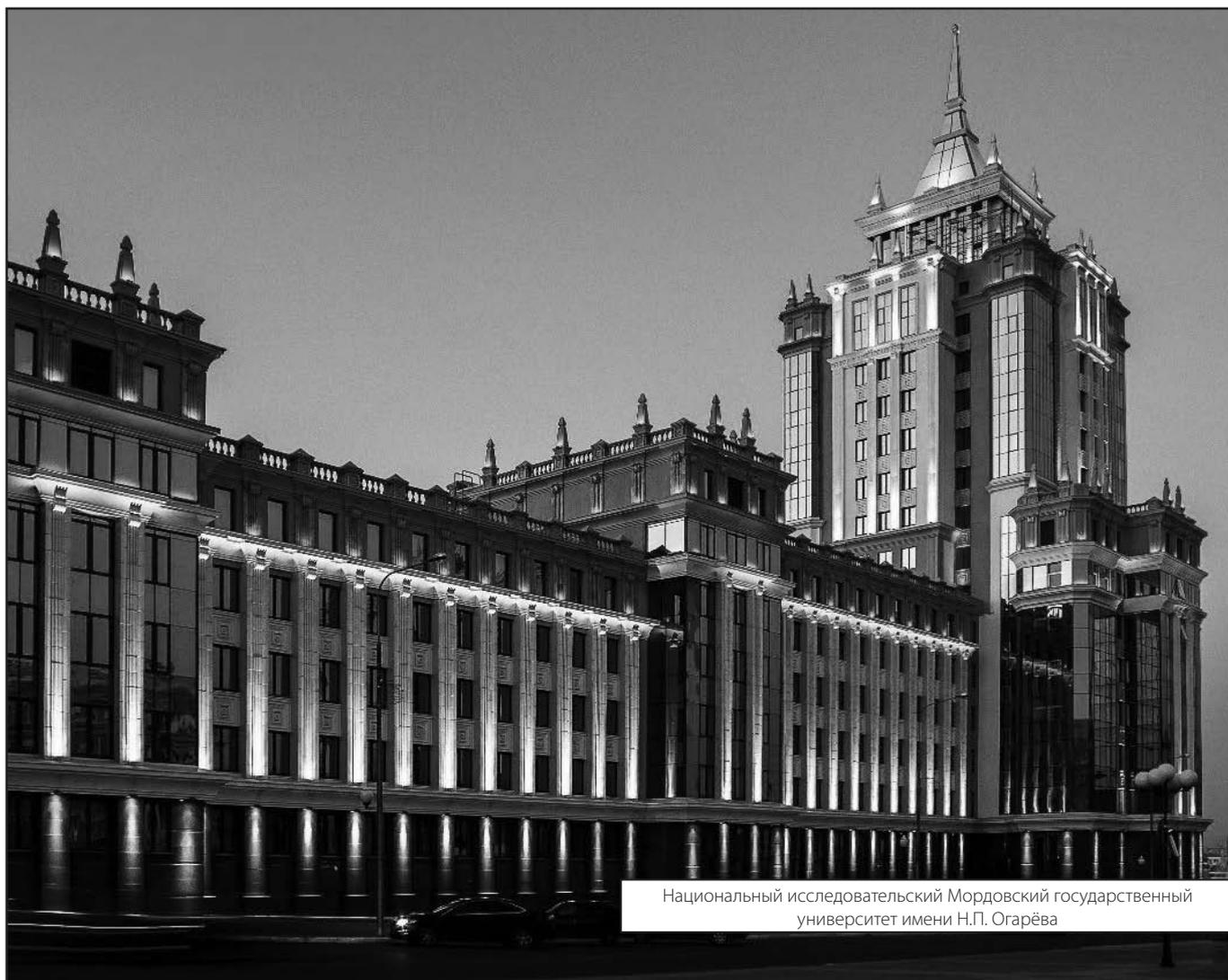
ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В 4-х т. – М.: «Мысль», 1969. Т. 1 (2). – 700 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.

3. Бубер Мартин. Два образа веры: пер с нем. — М.: Республика, 1995. — 464 с.
4. Замалеев А.Ф. Философская мысль в Средневековой Руси (XI-XVI вв.). — Л.: «Наука», 1987.
5. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности / [Отв. ред. В. И. Толстых]. — М.: Наука, 1981. — 134 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 93 с.
7. Иосиф Волоцкий Просветитель. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. — 68 с.
8. Каган М.С. системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. — 384 с.
9. Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. — М.: Прогресс-плекса, 2002. — С. 54-55.
10. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. — М.: ИФРАН, 1999. — 153 с.
11. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. — СПб.: Изд-во русской христиан. гуманитар. академии, 2017. — 526 с.
12. Петросян Д., Фаткина Н. Экономический эгоизм и гуманизация экономики // Вопросы экономики. 2010. № 8. — С. 123-131.
13. Пушкин С.Н. Историческая философия евразийства. — СПб, 1999.
14. Савицкий П. Евразийство. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн// Византизм и славянство: великий спор. — М.: Эксмо Пресс, 2001.
15. Сендеров В.А. «От Всеславянской федерации» к русскому миру// вопросы философии, 2015. -№3. — С. 138-139.
16. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. — М., 2000.
17. Moll, J., and de Oliveira-Souza, R. «Extended Attachment» and the Human Brain: Internalized Cultural Values and Evolutionary Implications //The Moral Brain: Essays on the Evolutionary Neuroscientific Aspects of Morality / edited by J. Verplaetse. Heidelberg; — London; New York: Springer Science+Business Media B.V., 2009. — P. 69-85.

© Мочалов Евгений Владимирович (mochalov_ev@mail.ru), Елдин Михаил Александрович,
Грыжанкова Марина Юрьевна

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЗНАНИЯ. СОЗНАНИЕ КАК КАУЗАЛЬНОСТЬ БЕЗ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Сафронов Алексей Владимирович

К.т.н., МГУ им. М.В. Ломоносова

alexey.safronov.w@gmail.com

ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF CONSCIOUSNESS. CONSCIOUSNESS AS CAUSATION WITHOUT INFORMATION TRANSFER

A. Safronov

Summary: The article proposes a hypothesis that consciousness is a high-level interaction, which consists in the transmission of causality without the transmission of information. Some previously not discussed properties of consciousness are considered, including the property to occupy the position of a supersystem in relation to any system, including in relation to the states of consciousness itself, as well as the property to fill the Causal gap and the property to form a causal environment. The question of the correlation of neurophysiological approaches to the study of consciousness is considered in the example of the theory of integrated information by G. Tonini and the theory of cognitoma by K.V. Anokhin. It is concluded that Anokhin's theory has a much greater potential for development, however, this requires a new conceptual apparatus, as well as concepts of the causal environment, uncertainty and the concept of non-systems as complexes of non-interacting elements with each other.

Keywords: neural theories of consciousness, mental causation, information, theory of non-systems, causal environment.

Аннотация: В статье предлагается гипотеза, что сознание представляет собой высокоуровневое взаимодействие, которое заключается в передаче каузальности без передачи информации. Рассматриваются некоторые ранее не обсуждаемые свойства сознания, среди которых свойство занимать положение надсистемы, по отношению к любой системе, в том числе, по отношению к состояниям самого сознания, а также свойство заполнять каузальный разрыв и свойство формировать каузальную среду. Рассмотрен вопрос соотношения нейрофизиологических подходов к изучению сознания на примере теории интегрированной информации Дж. Тонини и теории когнитома К.В. Анохина. Делается вывод, что последняя теория имеет значительно больший потенциал для развития, однако, для это необходим новый понятийный аппарат, включающий такие понятия как каузальная среда, неопределенность, а также понятие о несистемах, как о комплексах не взаимодействующих друг с другом элементов.

Ключевые слова: нейронные теории сознания, ментальная каузальность, информация, теория несистем, каузальная среда.

Свойство сознания передавать каузальность без передачи информации

Почему герой романа Умберто Эко «Имя Розы» Вильгельм Баскервильский не стал смачивать слюной палец, листая экземпляр второй книги «Поэтики» Аристотеля? Потому что он догадался, что слепец Хорхе пропитал страницы этой книги быстродействующим смертельным ядом. Однако, что скрывается за формулировкой «он догадался»? Какого рода это влияние, и что выступает здесь в качестве причины? Если бы кто-то сообщил Вильгельму о том, что страницы пропитаны ядом, то причиной его предусмотрительного поведения было бы это сообщение. Но Вильгельму об этом никто не сообщил, и он сам сделал этот вывод, соотнося факты при расследовании преступлений в аббатстве. В то же время, сам Вильгельм никак не может быть единственной причиной собственного поведения в данном случае, так как ядовитые страницы книги являются для него внешним фактором. Так что же в мире романа Умберто Эко оказало это предупредительное влияние?

Мы вынуждены признать, что главная причина тако-

го поведения Вильгельма, как ни странно, в том, что слепец Хорхе пропитал страницы ядом. Именно это в итоге остановило Вильгельма от опрометчивого поступка. Но эта же причина привела к иному результату в случае с несколькими жертвами Хорхе, которые не догадались о его коварстве. Различие между Вильгельмом и менее удачливыми временными обладателями книги Аристотеля в романе в том, что основная действующая причина (пропитывание листов ядом) действовала для них в разных условиях. И в случае Вильгельма эта причина действовала на него как недостающее звено в цепи рассуждений, как ключ к разгадке преступления, который позволил бы свести все части в единую картину. Хотя Вильгельм и получал сведения о смертях, и знал, что было орудие убийства, но он не знал какое это было орудие. Недостаток информации об этом побудил средневекового детектива смоделировать в своем сознании модель возможных вариантов прошлых и будущих событий. И его удачная догадка спасла его жизнь, одновременно погубив злодея.

Подобно Вильгельму Баскервильскому каждый человек прогнозирует в сознании прошлые и будущие события, достраивая, таким образом, неизвестную, но

важную информацию о реальности или воображаемой реальности. В этом смысле каждый человек - немного детектив. Без такой способности человеку по-сути не было бы доступно очень многое, что мы считаем нормой в поведении. Как отмечает В.В. Васильев в книге «Сознание и вещи» [1], важным свойством сознания является его способность устанавливать принцип соответствия прошлого и будущего, и на этом основании в некоторой степени предвидеть какие-либо события будущего. Он пишет: «Вспомним, что принцип соответствия прошлого и будущего, из которого вытекает каузальная вера, говорит нам о том, что при полном повторении совокупных событий должны повторяться и те совокупные события, которые предшествовали им и следовали за ними в прошлом».

Вильгельм Баскервильский должен был знать о том, как ведут себя яды и наверняка сталкивался с их действием в прошлом, наблюдая жертв отравления. Однако, медицина описываемого времени не позволяла установить причину смерти, а улики, напротив, сбивали с толку. И все же Вильгельм догадался о яде. Как было отмечено выше, именно отравление листов книги Хорхе повлияло на поведение Вильгельма, в противном случае он не стал бы защищать свои пальцы от страниц отравленной книги. Но при этом, и это ключевой вопрос, имела ли место передача информации об этом событии к Вильгельму? Иными словами, было ли сопряжено это влияние с передачей информации? Как мы указали, о коварном деянии Хорхе никто в аббатстве ничего не знал. В то же время, нельзя сказать, что информации совсем не было. Но эта информация была как бы закодирована в происшествиях, мельчайших намеках, уликах, деталях, попавших во внимание Вильгельма. То есть можно условно сказать, что Хорхе послал Вильгельму и всем остальным «шифрованное» послание, но если другие в нем увидели предзнаменование и божий гнев, то Вильгельм смог его расшифровать.

Осознание чего-либо как моделирование прошлого или будущего, или их взаимосвязи, сопряжено с расшифровкой некоего кода, на что, в частности, указал Д.И. Дубровский, рассуждая о природе этого явления [2]. Он пишет, подразумевая под СР - субъективную реальность или просто сознание: «Рассмотрим пример. Я вижу сейчас дерево перед окном. Переживаемый мной образ дерева есть явление СР (обозначим его О), его носителем (согласно современным представлениям) является определенная мозговая нейродинамическая система (обозначим ее Х). Связь О и Х специфична в том плане, что О и Х есть явления одновременные и однопричинные, они находятся в отношении взаимодозначного соответствия. Такой тип функциональной связи я называю кодовой зависимостью. Х является кодом О. Поэтому нейро-физиологическое объяснение данного явления СР О состоит в расшифровке его нейродинамического кода Х».

Там же он добавляет: «Что означает задача расшифровки кода? Ведь информация существует исключительно в кодовой форме. Это может означать лишь одно: преобразование непонятного для данной системы кода в понятный. А постольку существуют два типа кодов, я называю их «естественными» и «чуждыми». «Естественные» коды непосредственно «понятны» той системе, которой они адресованы, «прозрачны» для нее, не требуют операции декодирования (слово «дерево» сразу понятно человеку, хорошо знающему русский язык, ему не нужно специально (сознательно) анализировать физические и структурные свойства этого кодового объекта и т.п.). Информация в форме естественного кода «готова» для управления. «Чуждые» коды требуют декодирования. Но это означает не что иное, как преобразование «чуждого» кода в «естественный» код. После того как найден и закреплён способ такого преобразования, «чуждый» код становится для самоорганизующейся системы «естественным», что знаменует акт ее развития».

Обратим внимание, что Дубровский не указывает на то, каким образом происходит расшифровка кода или «осознание» чего-либо. Он указывает, что есть процесс расшифровки, который переводит «чуждый» код в естественный. Но это не проливает свет на то, происходит ли эта расшифровка в тот момент, когда у человека оказывается вся необходимая информация или же он способен понять «чуждый» код и в ситуации недостатка или почти полного отсутствия информации. Заметим, однако, что в данном случае, это ключевой момент. Дубровский в том же исследовании пишет, что эволюционно кодовые зависимости и их расшифровка начинается со структур ДНК, и далее органически продолжается на уровне нейронных процессов. Так как для ДНК почти не применима успешная расшифровка неполных сообщений, можно предположить, что Дубровский имеет в виду под декодированием кода и под переходом от «чуждого» кода к «естественному» сбор недостающей информации, а не креативное формирование «догадки». Но ведь субъективная реальность воспринимается нами как творческая, креативная среда.

В связи с этим возникает непростой вопрос. Как соотносятся передача каузальности и передача информации для нейронных и ментальных процессов. Отражает ли человек реальность или хотя бы отчасти креативно формирует ее? Интуитивно нет сомнений, что он во-многом креативно формирует ее, поскольку имеет место воображение, предвидение, планирование и т.д. Человек формирует реальность ещё и потому, что она дана ему неполно, и известно, что имеет место лишь иллюзия полноты восприятия человеком окружающего мира. (Крис Фрит «Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир»). Но это порождает парадокс. Если человек достраивает свою реальность, и при этом эта субъективная реальность соотносится с

действительностью, значит, он успешно формирует эту реальность в условиях недостатка информации, причем далеко не всегда на основе опыта (или как его называет Васильев, принципом соотношения прошлого и будущего). И речь идёт не о кантовских синтетических суждениях априори, а о креативных «догадках» сознания, которые и отражают, и достраивают действительность.

Что есть такая догадка, или креативное озарение, или, проще говоря, что есть осознание, в таком случае? Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрим более подробно, отличие между ситуациями, когда передача каузальности и передача информации происходят вместе и когда каузальность не сопровождается передачей информации, необходимой в достаточной мере для каузального влияния. Очевидно, что в первом случае речь идёт об обычной каузальности, а во втором – о креативном озарении или догадке (хотя при этом догадка не обязательно должна быть верной). И главной проблемой здесь оказывается вопрос о достаточности информации для соответствия каузальному действию, и о возможности такого каузального действия при недостаточном уровне информации.

Является ли, например, передача закодированной информации достаточной для каузальности? Скажем, при соударении шаров каждый шар «сообщает» другому не только импульс, но и в полной мере информацию о своём импульсе. Так же и преподаватель, давая студентам домашнее задание, не только становится причиной того, что студенты будут его выполнять, но и делает это путем передачи информации. Каузальность в классическом случае происходит одновременно с передачей информации. Но если информация закодирована и не может быть декодирована, то она как будто не оказывает и влияния. Так если преподаватель даёт задание на китайском языке группе, не говорящей по-китайски, то задание вряд ли кто-то выполнит, и каузальность в привычном смысле как будто не будет иметь место. То есть условием классической каузальности является не просто передача информации, а передача информации в том виде, в котором она может быть декодирована. И в классическом случае здесь есть два варианта: либо адресат уже имеет ключ к коду, либо ключ содержится в самом послании. При этом большинство случаев, рассматриваемых в науке, относится к классической схеме связи информации и каузальности.

В физическом мире взаимодействие всегда подразумевает и передачу информации. Это относится и к классическому миру, и к релятивистскому, и к квантовому. Единственный процесс, для которого это правило, возможно, не выполняется это поглощение тела чёрной дырой. Есть предположения, что информация о поглощающем теле пропадает. Однако, нам в действительности неизвестно, что происходит при этом, и информация

«стирается» для внешнего наблюдателя. Вполне можно предположить, что с точки зрения системы самого тела и чёрной дыры между ними происходит обмен информацией, как и в любом другом случае.

В мире химических соединений передача информации и каузальности также синхронизированы, но значительно усложняется набор взаимодействующих агентов, и повышается «ценз» взаимодействия. Чтобы вступить в химическую реакцию молекулы должны соответствовать набору взаимных условий. На биологическом уровне «ценз» ещё сильнее повышается. Взаимодействие молекул ДНК или, тем более, клеток, сопряжено с передачей информации между ними, но эта информация тщательно закодирована. И если декодирование информации не происходит, невозможно и взаимодействие. Сложность биологических кодов очень высока, и число возможных несовместимых другими с другим агентов взаимодействия резко возрастает.

Следующий принципиально более сложный уровень кодирования информации имеет место в нервной системе живых организмов. Это связано с тем, что нейронная система кодирования – коннектом мозга животного или человека – значительно сложнее, чем биологическая система кодирования – ДНК. Как пишет С. Сеунг [3]: «Ваш геном – последовательность нуклеотидов вашей ДНК, представляемая как длинный ряд букв четырехбуквенного алфавита. На рисунке показан фрагмент этой книги в три миллиарда знаков. Полный ее объем – миллион страниц. А коннектом – вся совокупность связей между нейронами нервной системы. Сам термин (как и геном) предполагает полноту охвата. Коннектом – не одна связь и даже не множество. Это все связи. Ваш мозг в принципе можно исчерпывающе описать такой же диаграммой, как и для червя *C. elegans*, только эта диаграмма будет куда сложнее».

Особенность кодирования для нервной системы заключается в том, что она имеет возможность кодировать не только внутренние состояния системы, но и создавать коды образов чувственный (внешних) объектов, и коды их взаимных соотношений. Кодировается также и ответная реакция агента, которая становится «зашифрованным» посланием для других агентов. Можно предположить, что при этом набор взаимодействующих агентов и набор шифров снова экспоненциально восторгает, и «ценз» взаимодействия, под которым мы понимаем сложность подбора «ключа» или декодирования одним агентом кода другого, также растёт. Поэтому обойтись без креативных «догадок» или озарений сознания на этом уровне, вероятно, уже невозможно. Креативность сознания становится вынужденной ценой за беспрецедентную сложность тех кодов, которые оно расшифровывает, по всей видимости, при недостатке информации.

И остается вопрос: можно ли считать расшифровку сознанием таких кодов окружающего мира отражением, или необходим согласиться, что человек достраивает свою реальность сам? Учится ли человек, скажем, говорить на языке родителей, или творчески формирует свой язык в процессе общения с родителями? Изучаем ли мы в школе математику, или создаём свою математику, которая оказывается удивительно похожа на изучаемую... и так далее. Ведь если все это так, и верны эти гипотезы, то имеет место до сих пор неизученное явление природы - передача каузальности без передачи информации, которую мы привыкли называть творчеством.

Как было показано на примере выше, Вильгельм Баскервильский оказался единственным участником событий романа, кто смог полностью расшифровать действия слепца Хорхе. Настолько сложным и замысловатым был этот код. Вильгельм, как, впрочем, и настоятель аббатства, и ученик Вильгельма, и некоторые другие, осознавали, что имеет место «зашифрованное послание» ещё до того как оно было расшифровано. Или, переводя, на обычный язык, они осознавали, что имеет место некий набор неизвестных событий-причин, без которых невозможно объяснить происходящие события-следствия. Иными словами, действия Хорхе повлияли на окружающих людей при том, что никто ещё не знал какие и именно это действия.

Здесь может возникнуть сомнение, что причинами подозрений в аббатстве стали не действия Хорхе, а найденные там мертвые тела послушников. Ведь настоятель призвал Вильгельма к проведению расследования уже после того, как произошли убийства. Классические причины, как известно, всегда материальны, и нам кажется, что не может быть какой-то нематериальной причины. В частности, уже упомянутый выше В.В. Васильев [1, с.136] по этому поводу пишет: «Еще раз напомним, что каузальная вера требовала от нас признания того, что прошлые, уже несуществующие ряды событий могут влиять на актуальное развитие событий. Чтобы не впасть в противоречие, мы замещали эти несуществующие ряды событий актуальными ментальными состояниями. Но при такой замене получалось, что составные части причин наступающих событий не могут быть даны в нашем непосредственном опыте, что опять-таки не стыковалось с требованиями каузальной веры. Сейчас мы видим, как можно обойти эту трудность. Несуществующие ряды событий, влияющие на их актуальный ход, могут быть замещены не только приватными ментальными состояниями, но и некими физическими данностями, выражающими отличие того мира, в котором события будут развиваться одним способом, от того, в котором они развивались бы каким-то другим способом».

Действительно, мы всегда стремимся увидеть причины в физических данностях, и заменить в цепочке рассуж-

дений все идеальные составляющие, на материальные. Но как в таком случае объяснить, что движущей силой для поведения человека становится его незнание? А точнее неполное знание. Настоятель аббатства догадывался, что имеет место цепочка намеренных убийств, но он не знал, кто убийца. Движущим мотивом чтобы призвать на помощь брата Вильгельма, таким образом, послужило частичное знание настоятеля аббатства, а точнее, незнание им всей картины. Формально под незнанием, мы, конечно, имеем в виду «знание о незнании», так как само по себе незнание не может приводить к активным действиям. Но что есть «знание о незнании», которое еще называют осознанием проблемной ситуации?

В терминах статьи, это зашифрованное послание, которое не содержит ключа для своего декодирования. О таком послании известно, что оно есть, но неизвестно, что оно означает. Например, как забытое слово, которое «вертится» на языке. В действительности, единственный способ расшифровать такое послание - метод перебора ключей или перебора «догадок». Сознание воссоздает смысл послания при разных воображаемых ключах и оценивает получаемый результат, и если оказывается, что какая-то из догадок даёт неожиданное совпадение, то такая догадка обретает статус озарения. Однако, примерно таков же механизм подбора ключей и между молекулами ДНК. Но есть и важное отличие, которое заключается в том, что, как мы указали, список для перебора возможностей для сознания непосильно велик. Чтобы совершать выбор в пользу одной из версий расшифровки послания в конечное обозримое время сознанию, вероятно, требуется не просто интуитивно сократить список перебора, щедро предлагаемого подсознанием, но и творчески, а значит с помощью образного или абстрактного мышления сконструировать свой вариант расшифровки.

На нейронном уровне этот процесс, вероятно, относится к наиболее сложным и энергозатратным. И он заключается в том, что в мозге формируются новые нейронные связи или в значительной мере и за очень короткое время (а не путём длительного обучения) изменяется сила существующих связей. Возможно, происходит какой-то дополнительный, до сих пор не изученный вид нейронной связи, сверхкоммуникация, нейронная сверхпроводимость или нейронный «пробой» (озарение), превышающий некое пороговое значение. Кроме того, в статье «Causal topology and non-material causes» [4] обсуждалась возможность динамических изменений на уровне каузальных топологий, резко повышающих эффективность возможных нейронных коммуникаций за счёт топологических эффектов в дополнительных измерениях. Все эти дополнительные возможности обсуждаются потому, что для решения такой задачи как производство обоснованной «догадки» нервной системе часто недостает проводимости каких-либо связей в

существующей «нейросети», и она как бы достраивает недостающий для адекватного восприятия реальности уровень связей.

В то же время, представляется, что наиболее эффективной нейронной коммуникацией, которая позволяла бы решать человеку задачи такого уровня была бы неинформационная коммуникация. А именно коммуникация передающая каузальность без участия передачи необходимой информации. Необходимость таких коммуникацией обусловлена тем, что информационные коммуникации нейронов беспрецедентно сложны, и в рамках информационных потоков в мозге человека неизбежно должны формироваться области информационной неопределенности, области информационного разрыва, выделение в топологии нейродинамических процессов обособленных информационных онтологий. Также представляется, что сложность и уровень ментального восприятия действительности человека или животного непосредственно связаны со сложностью разветвленной системы таких обособленных областей, разрывов и неопределенностей, а не с уровнем интегрированной информации, как полагает, например, Дж. Тонини (теория интегрированной информации). Точно также как интеллектуальный уровень человека тем выше, чем в более сложных и неопределенных условиях он способен принимать адекватные решения.

При детальном изучении подобных ситуаций и случаев, когда сознание человека достраивает реальность и находит в ней незаполненные пустоты, и стремится их заполнить, как, например, в случае воображения, или когда мы говорим, что человек «догадался», «предвидел», «предвосхитил», следует предположить, что возможно имеет место каузальность без передачи информации. Как на нейронном, так и на логическом уровне.

По мнению таких исследователей как Д. Чалмерс [5] и Д.И. Дубовский [6], сознание как форма взаимодействия представляет собой информацию особого рода. Это не просто информация, а «информация об информации» или «информация изнутри». Действительно Вильгельм не имел информации о Хорхе, но он имел информацию о том, что информация о Хорхе существует. Он не знал, кто убийца и каково орудие убийства, но знал, что есть и то, и другое. Но как было показано, такая информация (об информации) далеко не всегда сама является информацией в том смысле, что она содержит в себе элементы неинформации, то есть того, что не может быть выражено «словами», пока оно не будет декодировано сознанием.

Также известны исследования Т.Нагеля [7] «Каково это быть летучей мышью?» и Ф.Джексона «Комната Мэри» [8], в которых допускается, что информация может быть также и нефизической. Нагель называет ее информацией «как», к Джексона приводит к понятию нефизической информа-

ции в виде несуществующих на физическом (а значит и нейронном уровне) ощущений или восприятий, называемых квалиа. Оба исследования связывают сознание с нефизической информацией. К сожалению, эти исследователи не предложили нейронные модели сознания, которые бы связали квалиа с нейронными процессам.

Другой также уже упомянутый исследователь сознания Джулио Тонини [9] считает, что сознание является особой формой информации, а именно интегрированной информацией. По его мнению, информация возникает там, где уровень интегрированной информации очень высок. Также есть известная позиция Дж. Серля, который убежден, что сознание связано с информацией, но при этом оно не сводится к известным нам информационным процессам в мозге. Иными словами, мозг, по его мнению, это не только компьютер, но и что-то ещё, и для объяснения сознания необходимо понять, что ещё делает мозг кроме передачи информации.

Отечественный исследователь сознания К.В. Анохин [10] также не сомневается, что сознание некоторым образом связано с информацией, но считает недостаточным исследование информационных процессов в коннектоме мозга, полагая, что сознание является продуктом надструктуры или гиперструктуры - когнитома мозга. По мнению Анохина, теория сознания должна учитывать тот факт, что сознание оперирует не просто безликими информационными связями, а смыслом.

Таким образом, практически все исследователи сознания сходятся в том, что понятие сознания каким-то образом связано с понятием информация, и что это информация особого рода. Однако, до сих пор не было предложено исследовать этот вопрос с той точки зрения, что сознание есть передача влияния между агентами без передачи информации, либо с передачей закодированной информации, которую агент не в состоянии декодировать. В этом смысле сознание представляет способ существования каузальной связи между агентами в ситуации информационной неопределенности. Под агентами при этом понимаются как люди, так и каузально связанные нейродинамические области отдельного мозга.

Как указывалось выше, при переходе от физических к химическим и далее биологическим процессам резко возрастает «ценз» взаимодействия за счёт того, что усложняется, специфицируется передача информации. Возрастает демаркация «свой» - «чужой». Агентам становится все сложнее найти «своих». И поэтому естественно предположить, что на определённом уровне передача взаимодействия стала бы просто невозможна, если бы не возник дополнительный способ такой передачи - независимый от информационного потока.

О том, что сознание является эффектом сложности

нейронной сети говорится уже давно, и этот путь исследования является до сих пор мейнстримом. Однако, мы видим, что многие прорывные работы в этом направлении, сделанные за последние десятилетия, так и не привели к пониманию природы сознания. Возможно, это связано с тем, что исследователи искали способы описания связей нейронов в сети, их комбинаций и т.п., но не учитывали то, что фундаментальная особенность сознания, вероятно, заключается не в интеграции информации, а напротив в ее «расщеплении», и что особенность «информации об информации» как раз заключается в том, что она может иметь место без самой информации, или без достаточного ее уровня.

Проведя теоретическое исследование свойств сознания и сопоставляя их с условиями нейронных процессов [11], автор статьи пришёл к выводу, что онтологическое или информационное «расщепление» необходимо для того, чтобы обусловить феноменальные свойства сознания, описанные Д. Чалмерсом, Т. Нагелем, Ф. Джексоном и др. Предельной возможностью, которую предлагает модель «нерасщепленного» нейронного процесса, является нейронная сверхпроводимость, или сверхэффективная нейронная коммуникация. В этом случае сознание представляется как нелокальная передача информации за счёт искривления каузальной топологии нейронных связей. Однако, даже такая теоретическая возможность недостаточна, так как не отвечает на вопрос «кто» является сознательным агентом (в формулировке К.В. Анохина). Онтологическое, или информационное, «расщепление» (что в силу Закона сохранения информации можно считать почти синонимами), напротив, позволяет теоретически выделять процессы относящиеся непосредственно к деятельности агента сознания, обусловить их взаимное отображение. В этом случае сознание также каузально «заполняет» информационный разрыв, описанный выше. Оно создает каузальную среду определенности в условиях недостатка информации.

Свойство сознания формировать надсистему и его динамическое ядро

В пользу «расщепленной» или, проще говоря, не материалистической концепции сознания косвенно говорят и другие его свойства. Например, это свойство - занимать положение надсистемы по отношению к бессознательным состояниям и сознательным состояниям более низкого уровня. Поясним это на двух примерах.

Первый пример имеет отношение к эволюции мозга. Известно, что мозг от животного к человеку эволюционировал путём усложнения структуры за счёт трансформаций и появления новых областей. Мозг имеет слоистую структуру. В частности, до сих пор есть животные, у которых основная часть мозга это ствол и мозжечок – это рептилии. И посольскому можно предположить,

что субъективный опыт таких животных формируется с помощью существующих отделов мозга, то мозжечок играет в этом важную роль. Дальнейшее развитие мозга связано, в том числе, с появлением коры полушарий. Вначале возникает древнейшая кора, потом старая кора, и потом новая кора полушарий головного мозга. Вероятно, что при таком развитии мозга субъективный опыт примата или человека формировался преимущественно за счёт все более новых структур. При этом более старые структуры приобретали смешанный функционал: мозжечок человека теперь во многом отвечает за координацию движений, области, связанные с древней корой - за обоняние, а старая кора преобразовались, например, в гиппокамп, где формируются эмоции и происходит консолидация памяти.

Можно предположить, что если в мозге человека именно новая кора отвечает за высшие нервные функции — сенсорное восприятие, выполнение моторных команд, осознанное мышление, речь у людей, то эта новая кора в то же время «лидирует», «задаёт тон» всему процессу субъективного восприятия, формируя как бы надсистему по отношению к предыдущим когнитивных «лидерам» в мозге. Однако, здесь весьма важно не следовать ошибочному суждению Пола Маклина [12], который предложил гипотезу о «триедином мозге», который состоит из трёх отделений - рептильный мозг, лимбическая система и неокортекс. По мнению Маклина, существует три центра психической активности, которые по-своему реагируют на происходящие события. Эта теория была опровергнута именно на том основании, что она разделяла мозг на самостоятельные области, что не подтвердилось на практике, так как несмотря на слоистую структуру мозг функционирует как единое целое. Поэтому предполагая, что более «молодые» отделы мозга «лидируют» в формировании ментальных процессов, мы в то же время имеем в виду, что они являются частью надсистемы, а не независимыми областями.

Принимая это ограничение, можно по аналогии распространить принцип материальной экспансии мозга на экспансию самого субъективного восприятия. В этом смысле, логично предположить, что «новое сознание» (в системе с участием новой коры) становится надсистемой по отношению к «старому сознанию» (в системе с участием «старой коры»), которое, в свою очередь, сформировало надсистему по отношению к «древнему сознанию» и также далее, по отношению к «мозжечковому сознанию» и т.д.

Как пишет выдающийся советский изобретатель и писатель-фантаст Г.С. Альтшуллер [13]: «Исчерпав возможности развития, система включается в надсистему в качестве одной из частей; при этом дальнейшее развитие идет на уровне надсистемы». И хотя советский учёный писал не о мозге, но аналогия явно прослеживается. Но

вые области мозга формируют «авангард» новой надсистемы, и соответствующая этим новым областям «новая ментальность» человека также образует надсистему в отношении предыдущего уровня ментальности.

Это свойство можно заметить не только при изучении эволюции мозга, но подобный механизм, такое свойство работы сознания проявляется, по всей видимости, ежедневно. Например, просыпаясь после сна, наполненного сновидениями, человек переключается от измененного состояния сознания к обычному состоянию сознания при бодрствовании. При этом на очень короткое время сознание бодрствования оказывается в положении надсистемы по отношению к измененному состоянию сознания сна, так как отдельные элементы содержания сна становятся доступны сознанию бодрствующего человека. Также важно, что это «сонное» сознание и его содержание, каким бы ярким оно ни было, со стороны надсистемы уже воспринимается человеком как, в какой-то мере, «чужое», «не настоящее». То есть ядро субъективного восприятия и ментальное «лидерство» перемещается на уровень надсистемы.

В теории Д. Деннета этот эффект называется «церебральная селебрити» [14]. Философ указывает, что одновременно мозг формирует множество ментальных проекций, каждая из которых имеет структуру сознания, но фактически сознательной становится в каждый момент времени только одна из них, захватившая общее внимание и влияние, – некая «церебральная» знаменитость. Однако, в течении дня происходит постоянный переход между этими проекциями, и «знаменитость» сменяется. «Сознание есть церебральная селебрити – не больше и не меньше. Осознаны те процессы, которые сохраняют и монополизируют ресурсы достаточно долго для оказания типичных и „симптоматичных“ воздействий на память, контроль за поведением и т. д.»

Однако, Деннет не говорит о том, что проекции, который в данный момент не являются «знаменитыми» входят в общую надсистему, а это крайне важно, постольку иначе упускается тот факт, что надсистема оказывается в отношении к предыдущей системе, и может формировать оценки по отношению к ней.

Например, когда человек говорит: «Неужели это сделал я», «Я был сам не свой», «Я был очень рассеян в этот момент и не мог сконцентрироваться», это означает, что в момент говорения его текущее сознание составляет надсистему по отношению к состоянию сознания, о котором идёт речь. Более отчетливо и выпукло этот эффект можно наблюдать на уровне интроспекции бытовых ситуаций в течении дня. Например, автор статьи часто водит машину, и время от времени «ловит себя на мысли», что композиция, которая исполняется по радио ему не нравится. Но это часто происходит не сразу, и может быть

даже в середине композиции, поэтому действие (переключение канала радио) следует не сразу, а только тогда, когда сознание, как утверждает Н. Блок, получило доступ к оценке ситуации.

В книге «Сознающий ум» [5] Д. Чалмерс подробно обсуждает подобные примеры, и в том числе пример из самого Н. Блока, тоже связанный с восприятием назойливого звука: «Что же касается существования феноменального сознания без сознания доступа, то здесь Блок упоминает несколько реальных случаев. Один из них — это ситуация, в которой субъект неожиданно осознает тот факт, что уже какое-то время фоном в его ушах громко визжала дрель».

Оценка самого себя в прошлом как «рассеянного», «отвлеченного другими делами» подразумевает, что человек ставит себя в оппозицию к прошлому состоянию сознания. Поэтому «сознание доступа» к действиям по Блоку это тот же эффект «надсистемы», о котором идёт речь.

Такое любопытное свойство сознание - всегда быть центром лидирующей надсистемы - можно для наглядности представить в виде следующей метафоры «мозгового штаба». Представим, что происходит ограбление банка и есть заложники. На место быстрее всех прибывает местный полицейский и паркуется у входа в банк, обходит свой автомобиль и занимает положение в засаде. Все, что он может сделать как «мозговой центр» операции – это сообщить по громкоговорителю, что банк окружён, и вызывает подкрепление. На помощь полицейскому скоро приезжает шериф и его команда. «Мозговой центр» сбора информации и принятия решений переходит сразу же к шерифу, а полицейский выполняет его поручения. Допустим, что шериф узнаёт, что ограбление банка производится бандой, которая находится в федеральном розыске. Он сообщает это федералам, и те скоро выдвигаются на место ограбления. Теперь «мозговой центр» у них, но и шериф, и самый первый полицейский должны им помогать, входя в общую команду, как бы федералы не оценивали их первоначальные действия. И так далее, динамическое ядро «мозгового центра» перемещается в более значимую или энергетически ресурсную область.

Несмотря на то, что динамический центр или ядро сознания подвижно, сознание при этом имеет периферийные области всегда готовые занять центр динамического ядра. Надсистема сознания для его периферийных областей представляет собой среду, формирующую онтологическую возможность ментальных процессов вообще. Поэтому вопрос о сознании это, в том числе, и вопрос о соотношении свойств надсистемы и свойств среды, и вопрос об онтологическом статусе сред вообще. И это очень существенно, поскольку свойство сознания, рассмотренное в первой части статьи, также

связано с этим вопросом. Что есть среда, формирующая ментальные проекции? Какой онтологический статус имеют информационные процессы и неинформационные процессы передачи каузальности, рассмотренные выше? За счёт чего формируется информационная неопределённость и «разрыв» в такой среде? И наконец, «кто» является агентом субъективного опыта? Все эти вопросы, в конечном счёте, это вопросы об онтологическом статусе среды.

Сознание как среда

В связи с перечисленными вопросами обратимся к передовым отечественным исследованиям в области сознания. Одно из важных исследований такого рода проводится группой ученых под руководством К.В. Анохина [10]. Как отмечает Анохин, ни одна из существующих научных нейронных теорий сознания сегодня не учитывает ответ на вопрос «кто» совершает те или иные действия. Мы бы дополнили этот вопрос, и спросили также, какие именно нейронные процессы в мозге необходимо считать производимыми автоматически (то есть бессознательно), а какие происходят в связи с творческой активностью субъекта, агента поведения, а не действием внешнего для него мира. Это вопрос отличается от вопроса о нейронных коррелятах сознания, который был поставлен Кригом и Кохом [15], так как подразумевает не просто корреляцию процессов с осознанностью действий, но и их корреляцию с субъектом. По сути, вопрос Анохина «кто», это проблема нейронных коррелятов субъекта или агента, а не просто коррелятов сознания.

В ответ на такую постановку проблемы, российский нейрочеловек предлагает подход, который в отличие от сугубо математического построения сети-графа нейронных связей мозга - создания так называемого коннектома - предлагает учитывать смысл нейронных процессов, их связь с внешним миром. Анохин называет такое построение – гипер-сетью, которая является мета уровнем для сети, и называет ее когнитом.

Идея К.В. Анохина и его последователей учитывает тот факт, что проблема нейронных коррелятов сознания до сих пор не привела исследователей к успеху. Действительно, прямая систематизация нейронных взаимодействий мозговой сети, попытка построения схемы работы мозга по принципу аппарата, состоящего из деталей, до сих пор не даёт результата. Почему? Вероятно, это связано с тем, что сеть первого уровня не учитывает роль агента в деятельности мозга, и этот уровень как бы не видит «лес» субъекта за «деревьями» нейронных процессов. Он не чувствителен к субъекту. В то же время, когнитом изначально рассматривается как взаимодействие «смысловых», а не «географических» областей мозга, что особенно актуально, учитывая, что человеческий мозг обладает большой пластичностью.

Области мозга могут адаптироваться к выполнению разных нейронных задач в случае травм, функционально заменять травмированные области и т.д. Кроме того, Анохин отмечает, что, описывая коннектом человека, мы не сможем распространить наше знание о работе этой сети на животных, так как у них подчас совершенно иное строение. Например, у птиц, при том, что птицы проявляют сознательное поведение.

Все это приводит к выводу, что сам по себе метод нейронных коррелятов сознания малопродуктивен. Речь должна идти не о тех или иных областях конкретного мозга, а о некоторых принципах, паттернах или отображениях нейронных активностей, которые могут проявляться в самых различных областях мозга. Как следствие должен быть подвергнут сомнению сам метод, при котором мозг воспринимается как «аппарат, состоящий из элементов, и производящий сознание». А это значит, что должна быть подвергнута сомнению и методика восприятия мозга как системы вообще и переход к пониманию мозга как среды (в том числе и как «несистемы» для дуалистических и плюралистических моделей).

В чем, однако, заключается отличие между системой (и аппаратом как воплощением системы) и средой? Например, колебательный контур является системой, в которой формируется электромагнитная волна. Эта система состоит из элементов - катушки индуктивности, емкости и проводников. Нам известно, что в такой системе возникает электромагнитная волна, но можем ли мы сказать, что колебательный контур представляет собой среду для электромагнитных волн. Вероятно, нет. Если представить себе гипотетическую ситуацию, что мы поместим колебательный контур в среду, где невозможны электромагнитные волны, то станет понятно, что средой для этих волн является вовсе не контур.

В отличие от аппарата, который локализует и функционально использует некоторый феномен, в среде этот феномен не локализован, и проявляется повсеместно в некоторых случайных эпицентрах или областях. Так, например, в определённой химической среде могут возникать те или иные химические соединения, но часто место их образования можно считать статистически случайным. Также в научной среде возможно появление научных открытий. Однако, процесс их возникновения не локализован. Нельзя представить себе систему научного исследования как «аппарат, который штампует» научные открытия. Так как непонятно, кто и когда совершит открытие. Но могут создаваться такие условия, в которых научная среда, как целое образование, порождает научные открытия. Возможно, что мозг также является для сознания не аппаратом, а средой.

Стремление моделировать мозг как аппарат вполне понятно. Во-первых, очень многое из того, что человек

до сих пор создавал, копируя природу, было в той или иной степени аппаратом, совокупностью элементов с разными функциями, работающих вместе. И если это справедливо для органов тела - конечностей, органов чувств, внутренних органов, почему бы это не было справедливо также и для мозга. Во-вторых, кроме того, отделы мозга часто имеют выраженную специализацию, и несмотря на пластичность, могут устойчиво отвечать за какие-либо функции, например за зрение, слух, абстрактное мышление, координацию движения или речь. Выявлено, что и отдельные группы нейронов или даже отдельные нейроны также могут специализироваться на конкретных задачах.

Поэтому мотивация разделить мозг как аппарат на «шестеренки», каждая со своими функциями, выглядит вполне оправдано. Особенно, когда речь идёт о зрении, речи, памяти или координации движения и т.п. Можно проследить за нервным импульсом, который передаётся от зрительных рецепторов через нервную систему в зрительную кору мозга, где он попадает в те или иные функциональные зоны этой коры, в зависимости от обстоятельств. Иными словами, мозг также часто ведёт себя как аппарат. Однако, перечисленные способности человека являются функциональными и отличаются от сознания по своей природе. Поэтому ответ на вопрос о том, является ли мозг аппаратом, взаимодействие частей которого порождает сознание, совсем не так очевиден.

Возможно, для сознания мозг представляет собой часть фундаментальной среды его возникновения, а не систему «шестеренок», работающих в среде, в которой сознание уже обусловлено. В этой связи отметим, что К.В. Анохин подчеркивает, что сознание имеет биологическую природу, и возникает как высокоуровневый феномен именно в этом онтологическом слое, а например, не в физическом слое на уровне квантовых процессов. В то же время, понимание нервной системы как высокоуровневой среды снимало бы ряд вопросов, в частности, почему до сих пор не удается локализовать сознание в тех или иных областях мозга, в тех или иных нейронных комплексах. Но в ответ на это возникли бы другие вопросы.

Если мозг не аппарат, а фундаментальная среда, или часть среды, в которой сознание берет начало, то какая это среда? В чем ее специфика? Почему эта среда формирует субъективный опыт? Представляется, что гипер-сетевой подход формирования когнитива, разрабатываемый К.В. Анохиным, является более отвечающим на эти вопросы, чем сетевой подход коннектома, разрабатываемый сегодня англоязычными нейробиологами. Это связано с тем, что гиперсеть – когнитив – рассматривает нейронные процессы как среду, где формируются более высокоуровневые гиперсетевые мета процессы, открывая более широкие теоретические и практические возможности.

Однако, гиперсетевой подход в той стадии разработки, в котором он существует сегодня, не снимает всех вопросов, и проблема природы субъективного опыта остаётся. Переход от сетевого к гиперсетевому уровню намечает решение проблемы обособления субъекта как уникального свойства, так как выделяет его из сугубо биологического уровня на более высокий. Однако, представляется, что для решения так называемой проблемы «душа-тело» необходимо, чтобы модель не просто обособляла субъекта, а включала в себя «онтологический разрыв». В противном случае граница субъекта оказывается размытой, а онтологический статус «кто», о котором пишет К.В. Анохин, остаётся по-прежнему неопределённым.

В этой связи представляется, что гиперсетевая модель нервной системы человека могла бы учитывать более радикальные параметры, позволяющие моделировать «онтологический разрыв», описывая таким образом возникновение каузального и ментального агента на гиперсетевом уровне как «несистемное явление». Однако, такое более радикальное нововведение граничит с необходимостью учета возможностей, которые предполагают дуалистические теории сознания, или теория несистем, а именно двух- и мультисубстанциональность ментальных явлений. В частности, ранее об общих понятиях такие фундаментальных гипотетически возможных явлениях, как каузальная или онтологическая неопределенность и мультисубстанциональность, было упомянуто в [11].

Представляется, что феномен сознания может быть всесторонне отражён в модели, только если эта модель подразумевает такую среду возникновения сознания, которая содержит области каузальной неопределённости, и сознание оказывается тем более развитым, чем больше такие области ограничивают каузально независимые гиперсетевые процессы. Такой подход идейно противоположен теории интегрированной информации Тонини, которая утверждает, что «уровень» сознания определяется степенью интегрированности информации в нервной системе. Однако, до определённой степени несистемный подход обнаруживает когерентность с теорией интегрированной информации, так как подразумевается, что число каузальных неопределенностей и разрывов возрастает с общей информационной сложностью нервной системы. Поэтому до определённого предела рост индекса интегральной информации соответствует росту сложности «несистемы». В то же время, данный подход принципиально отличен, так как иначе трактует феномен сознания и метод его количественной оценки.

О связи различных свойств сознания

Перечислим рассмотренные выше свойства сознания, и укажем, как именно они связаны друг с другом. Это следующие свойства.

1. Свойство передавать каузальность без передачи информации
2. Свойство занимать положение надсистемы по отношению к предшествующим более ранним системам или системам более низкого уровня
Так как передача каузальности без передачи информации возможна только в случае наличия онтологического (информационного) барьера или разрыва, то из первого свойства также следует свойство (3):
3. Свойство каузально заполнять онтологический (или информационный) разрыв или преодолевать онтологический барьер
С другой стороны, в силу динамического свойства (2), можно предположить, что сознание также обладает свойством (4):
4. Свойство формировать динамическое ядро некоей каузальной среды
Наконец, объединяя свойства (3) и (4), мы можем гипотетически предположить, что сознание также обладает свойством (5):
5. Свойство заполнять онтологический (информационный) разрыв между динамическим ядром каузальной среды и другими каузальными средами

Логика перехода от свойств (1) и (2) к свойству (5) требует более детального рассмотрения. Тем не менее,

важно отметить, что в пределах свойств (1) и (2) уже намечается, но ещё не раскрывается тема отказа от монистических представлений о сознании. Начиная со свойства (3) тема обращения к плюралистической модели становится уже более строго определённой.

С целью сохранения научного подхода к проблеме, и негативной коннотации в научной среде ряда философских понятий, целесообразно вместо понятий плюрализм или мультисубстанциональность использовать понятие “несистема” или другой синоним. В этом случае, если система это «комплекс взаимодействующих компонентов» (Л. фон Берталанфи) [17] или «множество взаимосвязанных элементов, обособленное от среды и взаимодействующее с ней, как целое (Ф.И. Перегудов, Ф.П. Тарасенко) [18], то под несистемной подразумевается комплекс невзаимодействующих друг с другом элементов. А точнее, комплекс элементов, не взаимодействующих друг с другом в классическом понимании этого термина. Элементы такого комплекса не обмениваются массой, энергией или информацией, но в то же время в несистемах при определённых условиях теоретически может наблюдаться случайное взаимодействие, а также синхронизация процессов и другие формы связности. Однако, для описания этих форм пока не существует ни необходимого понятийного аппарата, ни соответствующей теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.В. Васильев *Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — с.135.
2. Д.И. Дубровский *Субъективная реальность и мозг: два вопроса, требующих теоретического решения* // *Философия, социология, политология*, 2010 г.
3. С. Сеунг. *Коннектом. Как мозг делает нас тем, что мы есть* / «Лаборатория знаний», 2016. 440с.
4. Safronov A.V. (2021). *Topologia causal e causas não materiais*. *Laplace Em Revista*, 7(2), p.575-585. <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202172867p.575-585>
5. Чалмерс Д. *Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории*. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013.
6. Дубровский Д.И. *Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?»* (Ответ Д. Чалмерсу) // *Философские науки*, 2011, 7–1.
7. Нагель Т. *Каково быть летучей мышью?* / Пер. с англ. М.А. Эскиной. Самара, 2003.
8. Jackson, Frank. *Epiphenomenal Qualia* // *Philosophical Quarterly*. — 1982. Vol 32. № 127. P. 127-136.
9. Tononi G. *Integrated information theory of consciousness. Some ontological considerations*. *The Blackwell companion to consciousness*. Eds. Schneider S., Velmans M. Chichester: John Wiley & Sons, 2017. 621-633
10. К.В. Анохин. *Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознаний* // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 2021, Т. 71, № 1, стр. 39-71
11. А.В. Сафронов *Каузальный дуализм: размышления об онтологии и природе сознания* / М.: Эксмо, 2021, 224с.
12. Newman, John D; Harris James C (Jan 2009). «The scientific contributions of Paul D. MacLean (1913-2007)». *J. Nerv. Ment. Dis. United States*. 197 (1): 3–5. doi:10.1097/NMD.0b013e31818ec5d9
13. Альтшуллер Г.С., *Творчество как точная наука*, М., «Советское радио», 1979 г., с. 126.
14. Dennett D.C. *The message is: There is no medium*. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1993, 53:919-31.
15. Crick F. *The astonishing hypothesis. The scientific search for the soul*. New York: Scribner. 1994. 336 p.
16. Берталанфи Л. фон. *История и статус общей теории систем* // *Системные исследования*. - М.: Наука, 1973.
17. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. *Введение в системный анализ*. - М.: Высшая школа, 1989.

© Сафронов Алексей Владимирович (alexey.safronov.w@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Abdullina Ya. – Chief specialist, Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

Andrievskaya Zh. – candidate of psychological science, associate professor, Southern Federal University

Bindas D. – Applicant, MGIMO

Bukhlina L. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Penza State University

Buzykina Yu. – Ph. D. in psychology, associate Professor, Penza state University

Eldin M. – Doctor of philos. sciences, Professor, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk

Gorsheneva M. – post-graduate student, Federal State Budget Educational institution of higher education «Maikop State Technological University», Maykop

Gryzhankova M. – Doctor of philos. sciences, Professor, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk

Khayrova Kh. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Penza State University

Kim E Sun – Applicant, Pacific National University (Khabarovsk city)

Kocharsky L. – Phd student, Sochi State University

Korol O. – PhD in Psychology, Associate Professor, State budgetary educational institution higher education of the Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubova», Simferopol

Kozina G. – Candidate of sociological sciences, associate professor, Penza State University

Lavrentieva A. – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Mochalov E. – Doctor of philos. sciences, Professor, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk

Safronov A. – Candidate of Technical Sciences, Moscow State University. M.V. Lomonosov

Shcherbakova N. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Penza State University

Tarasov S. – Ph. D. in psychology, associate Professor, Penza state University

Tigunova M. – Assistant, Penza State University

Viktorova E. – Candidate of pedagogic sciences, associate professor, Penza State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).